



АЛЕКСЕЙ
БОБРОВНИКОВ

КРАЙНОСТИ ГРУЗИИ

С рисунками
Кобы Самхарадзе



Emotional Guide
Эмоциональный Путеводитель



Annotation

Это книга о приключении, которое стало путеводителем. «Крайности Грузии» – история путешествия длиной 1221 километр на велосипеде по горам Кавказа. Целью автора было подтвердить или опровергнуть существование нескольких экзотических обрядов, о которых до этого не писал ни один журналист. Автор построил маршрут так, чтобы успеть увидеть и описать древние и языческие ритуалы, сохранившиеся в Грузии вопреки современной цивилизации.

Ни одно событие в этой книге не придумано, ни одно имя не изменено.

- [Алексей Бобровников](#)
 -
 - [Об авторе](#)
 - [Крайности Грузии](#)
 - [Вместо предисловия](#)
 - [Маршрут 1](#)
 - [Город, который любит тебя](#)
 - [Скучный дворик](#)
 - [Завтрак в Тбилиси](#)
 - [Базар на Сухом мосту](#)
 - [Здесь была Мадонна](#)
 - [Что случается в Тбилиси с непрошеными гостями](#)
 - [Серная баня](#)
 - [Приключение начинается](#)
 - [Женщина, не любившая шум](#)
 - [«Торопись начать!..»](#)
 - [Тбилисский театр марионеток](#)
 - [«Забудьте о времени, вы в Грузии»](#)

- Маршрут 2

- Из Тбилиси – на запад
- Что стоит пить в Грузии, если по каким-либо причинам вы лишены возможности пить старое кахетинское
- «Что-нибудь покрепче? Вы же в Цалке!»
- Большие кобры
- Монахи и дьявол озера Паравани
- Молитва
- Знакомство с царицей Тамарой
- Дорога в Вардзию
- Привкус камня
- Дорога в Аджарию
- Под монастырской охраной
- День монаха
- Серафим
- «Я пришел сюда из-за песни»

- Маршрут 3

- Молоко Годердзи
- Первый мулла
- Странное гостеприимство
- Сокровище царицы Тamar
- Уроки аджарского (слова и выражения, необходимые в пути)
- Хуло и окрестности
- Охота на волков
- «Спасибо, что видишь меня!»
- «Из Хуло в Кедах»
- Шутки старого князя
- «Кдемо мосилеба», или Секреты грузинской привлекательности
- История Асланбека и волшебной Хаснижан
- Испанская Грузия, или Грузинская Испания
- Дальше будут ружья

- [«Мачахела – не хачапури. Мачахела – это ствол»](#)
- [Кофе по-аджарски](#)
- [Дети Мачахела](#)
- [Батуми. Первое дежавю](#)
- [Август 2008. Грузия навывлет](#)
- [Царь и нищий](#)
- [Кто такие «гамарджоберы» и с чем их едят](#)
- [Первый день войны](#)
- [Плачущая гора](#)
- [«Зачем панику нагнэтаешь?!»](#)
- [...там Русью пахнет](#)
- [Батуми. Второе дежавю](#)
- [Ночь перед грозой](#)
- [Недо-пере-мирие](#)
- [Батуми. Три года спустя](#)
- [Старик из Букнари](#)
- [Мтирала. Мед субтропиков](#)
- [Маршрут 4](#)
 - [Женщина дороже золота](#)
 - [Кобулет. Записки на полях](#)
 - [Уроки мегрельского](#)
 - [Город имени Дюма](#)
 - [Ведьмы, кошки и страшилище Гудиани](#)
 - [Особенности женского рода в грузинском языке](#)
 - [Японцам и не снилось](#)
 - [Уроки сванского](#)
 - [Страна волков](#)
 - [Бандитское прошлое](#)
 - [Семейные счета](#)
 - [Мегрельское тщеславие и сванская строгость](#)
 - [Княжеская Сванетия](#)
 - [Следы крови](#)

- [Сиеста](#)
- [Красавица](#)
- [Суд старейшин](#)
- [Знакомство с Ушбой и руинами села Мазери](#)
- [Первая встреча с язычеством](#)
- [Сванская икра](#)
- [Гнев святого Квирике](#)
- [Война богов](#)
- [Заклинания и заклятие](#)
- [Маршрут 5](#)
 - [Реванш быка](#)
 - [Матриархат по-грузински](#)
 - [Стаканчик черного](#)
- [Маршрут 6](#)
 - [Язычники или крестоносцы?](#)
 - [«Цацали», или Шляпу можете не снимать](#)
 - [Знакомство с гидом](#)
 - [Коба открывает карты](#)
 - [Орлы с кургана Тоти](#)
 - [Хевсуры, в гости к которым мы опоздали](#)
 - [На баррикаду!](#)
 - [Наемники трансильванского князя](#)
 - [Горный чай](#)
 - [Неожиданный поворот](#)
- [Маршрут 7](#)
 - [Медвежий крест](#)
 - [Одинокое дерево](#)
 - [Люди и скелеты Шатели](#)
 - [Лучшие кадры случаются, когда камеры нет под рукой](#)
 - [Хевсурский Нью-Йорк](#)
 - [Беглый царь](#)
 - [Цацали, как оно есть](#)
- [Маршрут 8](#)
 - [Золото сванов](#)

- [Дух Хергиани](#)
 - [Зари](#)
 - [Слушайте старого альпиниста!](#)
 - [Ташмжаб – лакомство вольных сванов](#)
 - [Тарзан и Гамлет](#)
 - [Печень за сына](#)
 - [Волк, Вакх и Святой Георгий](#)
 - [Ворота без замка](#)
 - [Сокровище сванов](#)
 - [Дипломатия по-ушгульски](#)
 - [Из Сванетии в Рачу](#)
 - [Скарабей, рыцари и храм солнца](#)
 - [Наследники Страны волков](#)
 - [Вместо эпилога](#)
 - [Грузинские слова и выражения, необходимые в путешествии](#)
 - [Грузинские праздники, которые нельзя пропустить](#)
 - [Список литературы](#)
 - [Фотографии](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
-

Алексей Бобровников Крайности Грузии В поисках сокровищ Страны волков

© А. Е. Бобровников, 2015

© К. Самхарадзе, рисунки, 2015

© В. Н. Карасик, художественное оформление, 2016

Об авторе

Алексей Бобровников – журналист, автор документальных фильмов. За фильм-расследование «Вакцины: бизнес на страхе» в 2009 г. получил специальный приз международного фестиваля DetectiveFEST (проводится при поддержке ООН). В 2008 г. – победитель конкурса «Открой Украину» за лучшие телевизионные документальные фильмы в жанре социальных расследований и биографических очерков. Весной 2011 г. вышел в эфир фильм «Катынь: письма из рая», посвященный гибели польских офицеров во времена сталинского режима. Фильм был создан съемочной группой Алексея Бобровникова при поддержке и финансировании посольства Республики Польша в Украине. В 2011–2012 годах жил и работал на Кавказе, в 2013-м вернулся в Украину, где освещал военную агрессию на востоке страны и в Крыму. В 2016 году получил приз конкурса «Честь профессии» (проводится при поддержке USAID) в номинации «Лучшее раскрытие сложной темы» за цикл телевизионных сюжетов о нелегальном бизнесе на Донбассе. Проходил стажировку в агентстве Рейтер на курсах для международных корреспондентов в Бейруте.

Родился в 1979 году, в журналистике – с 1999 года.

Крайности Грузии

В поисках сокровищ Страны волков

Вместо предисловия

В аэропорту ты думаешь всего о трех вещах, а именно: о паспорте, о том месте, где лежат деньги, и – почему-то – о посадочном талоне. Сама мысль о потере одного из этих атрибутов бросает в холодный пот.

Всего три предмета, но страх потерять их преследует тебя каждую секунду.

Путешественник нервно похлопывает себя по карману. Бумажник на месте, но этого недостаточно. Через секунду параноик-воздухоплаватель украдкой заглядывает вовнутрь и большим пальцем, как колоду карт, пролистывает хрустящие купюры.

Как будто здесь, среди сборища всех этих транзитных аферистов, летящих черт знает откуда и куда, находится воришка-телепат, способный обчистить тебя одним усилием мысли.

Деньги. Паспорт. Посадочный талон...

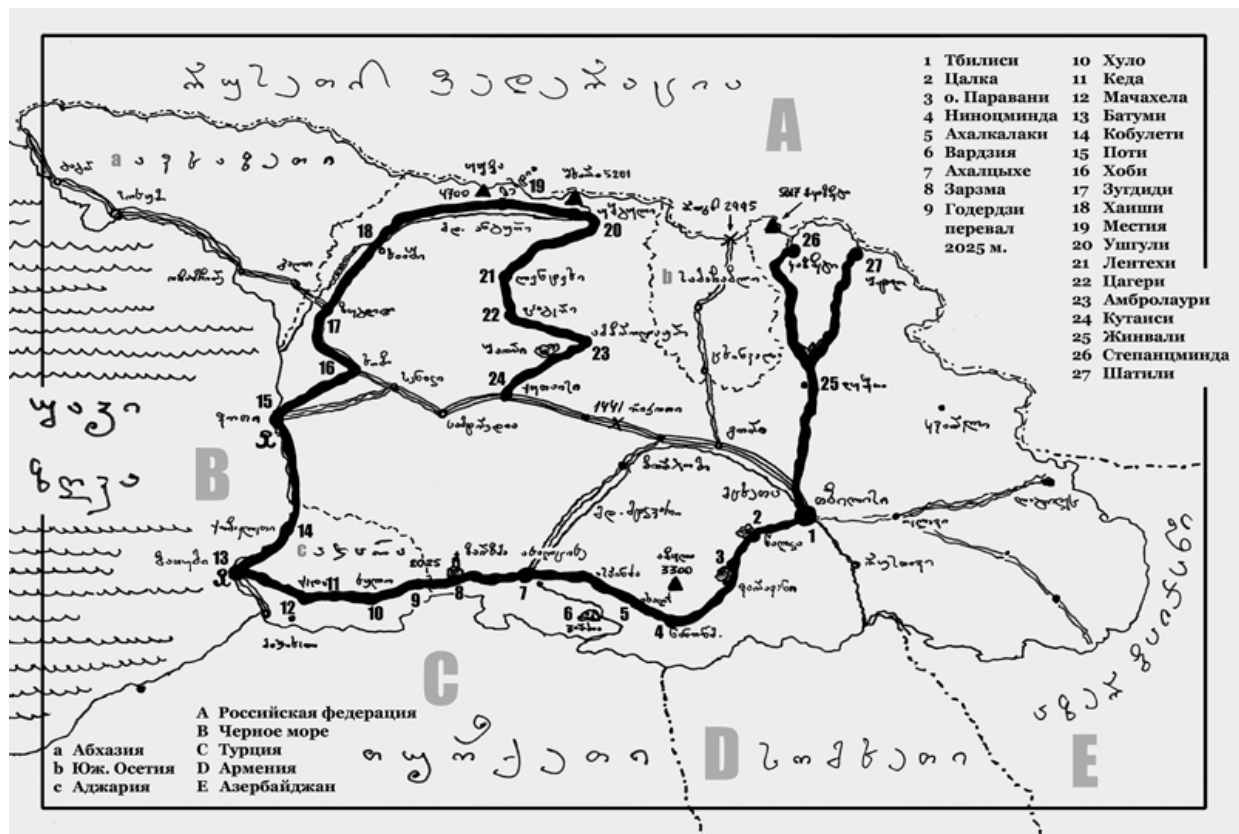
Нигде, как в аэропорту, страх потерять эти самые главные в жизни бумажки не бывает таким концентрированным.

На суше, в своем привычном ареале обитания, мы привыкли беспокоиться одновременно о тысяче вещей: о людях, счетах, светофорах, отчетах о доставке смс-сообщений, паролях, почтовых ящиках, позавчерашних неотвеченных звонках.

Здесь же, на станции «земля-воздух», тревога, мучающая путешественника, заставляет его вновь и вновь комкать в ладони посадочный талон.

Этот кошмар куда страшнее боязни авиакатастрофы. Ведь путешественник, отправляющийся в долгую дорогу, боится отнюдь не терактов и катастроф. Больше всего на свете он боится вернуться домой.

Маршрут 1
Уик-энд в Тбилиси
Во время которого меня выселяют
из гостиницы и я оказываюсь в
гостях у правнучки грузинского царя



Город, который любит тебя

«...Ясное небо Грузии, горный воздух, тень ореховых деревьев гораздо здоровее и приятнее, чем цвет небес зелено-бледный, мшистые болота и тщедушные елки и березки большей части русских губерний».

Из Кавказского календаря за 1848 год

Не знаю, что это: другая плотность воздуха, другая формула воды? Тучи, нависшие над горами, выглядят тверже, чем обычно. Или дело в контрастности?

В Тбилиси твердо стелют облака. Значит, здесь будет мягко спать?

Забрав паспорт из рук некрасивой, но какой-то очень благородной грузинки с теплыми глазами, я отправился за багажом.

«Tbilisi. The city that loves you» – сообщается на раздвижных дверях аэропорта, к которым я толкаю тележку, груженную вещами.

Двери распахнулись перед носом.

Передо мной стоит друг.

«Я вернулся», говорю ему.

Я не говорю «приехал» – только «вернулся».

Когда-то, счастливый и беззаботный, я приезжал в Тбилиси, чтобы поделиться этими ощущениями с теми, кого люблю.

В этот раз я прилетел налегке: ни людей, ни обязательств; у меня даже нет обратного билета. Я не знаю, когда вернусь. Честно говоря, даже не уверен, вернусь ли.

«Как ты?..» – спрашивает друг.

Чтобы ответить кому-то на вопрос «как ты?», нужно сперва задать этот вопрос себе самому. Задать – и не бояться услышать ответ. Выходя из магазина и пополнив счет грузинского телефона, я вдруг получил сигнал.

«Как ты?» – повторил я, обращаясь к самому себе.

«Как будто открыл глаза – и дома», – ответил внутренний голос.

Скучный дворик

«Мы искали для тебя хороший скучный дворик... Хороший тихий дворик», – поправил себя мой друг.

«Подходит», – отвечаю смеясь.

В первые дни по приезде я искал спокойное место, чтобы изучить материалы и разработать маршрут.

Мой план – написать цикл репортажей о самых отдаленных территориях и традициях, которые сохранились в Грузии вопреки советской власти, неокapитализму и цивилизации как таковой.

Интуиция и опыт прошлых поездок подсказывали, что сохранилось довольно много.

Если верить услышанному и прочитанному в Тбилиси, то во время путешествия удастся увидеть обряды с массовыми жертвоприношениями; церкви, где службу правят не священники, а сельские старейшины; храм тайного церковного ордена, о котором ничего не известно, кроме фамилии одного человека – единственного связующего звена с внешним миром.

Среди прочих историй мне рассказывали даже о цыганском короле, якобы поселившемся в горах грузинской провинции Аджария. Его самого никто не видел, но, говорят, некая журналистка уже отправлялась на его поиски. Девушка исчезла, и последние два года о ней никто не слышал.

Любая из историй, услышанных в городе, может обернуться сенсацией или изысканной выдумкой.

(Вспоминаю мою эпопею с «цацали» – таинственным обрядом, о котором расскажу позже. Может, и на этот раз все окажется таким же запутанным и непонятным?)

Готовясь к путешествию, я поселился в итальянском дворике в одном из старых районов Тбилиси. Моя комната на третьем этаже – это чердак с видом на старую, разлапистую акацию и двор, где жильцы

круглые сутки наблюдают за жизнью друг друга, делают замечания, ходят пить чай, иногда дерутся... Знай итальянцы, что местные дворики носят такое название, они бы очень удивились: так живут только в Грузии.

Завтрак в Тбилиси

«Если хотите видеть все видоизменения уличной жизни, то вставайте с рассветом и идите по городу. Утро тихо и спокойно, лавки еще закрыты и потому движения мало. Только грузинские арбы с дровами, привозимые из дальних лесов, наполняют площади. Сонный грузин медленно плетется по улицам с кувшином молока и во все горло кричит дили-рдзе! (утреннее молоко!)».

Из номера газеты «Кавказ» за 1851 год

Утро. Около десяти. Кто-то учится играть на фортепьяно.

Правая рука – в первой октаве.

Как ни странно, звук не раздражает. То ли ученик не настолько бездарен, то ли... Да ведь это синтезатор!

С изобретением синтезаторов соседи будущих музыкантов не поседеют так рано, как во времена стареньких, вечно расстроенных пианино.

На балконе напротив молодая мать ходит взад-вперед, толкая перед собой коляску с неподвижным белым свертком. Вдруг сверток оживает. Руки матери хватают этот новый, прерывистый источник звука. В верхнем регистре теперь уже обе руки...

«Мацо-они, молоко, твóрог, яйца, зелень!» – кричит нараспев женщина, которая разносит по дворам свежие

домашние продукты.

Живущим в итальянских двориках, а не в дорогих гостиницах, завтрак доставляют прямо под окна.

«У вас есть сыр?» – спрашиваю.

«Нет, сыр не ношу. Сыр слишком тяжелый... Мацони, молоко!..» – улыбаясь, она продолжает соло.

Покупаю банку мацони – густого, как сметана, йогурта домашнего приготовления.

С горячим грузинским хлебом и крестьянским маслом – это самый вкусный завтрак, который только можно себе вообразить. Что же до свежего хлеба, то в центре города его всегда можно купить в пекарне за углом.

Базар на Сухом мосту

Каждое утро, по дороге в библиотеку, прохожу мимо тбилисского Сухого моста.

Это самый большой сувенирный рынок на Кавказе, где продаются остатки роскоши старинных грузинских домов.

На протяжении последних десятилетий сюда свозят мешками древние ложки, бутафорские и настоящие кинжалы, глиняные горшки, портреты вождей и картины маслом; старые люстры, разобранные и продаваемые по стеклышку всякому, у кого нет денег на новый светильник или тому, кому расстаться с памятью кажется кошунством...

«Старые афиши, покупаем старые афиши!»

«Ордена, медали, ордена...»

«Сколько?» – спрашивает молодая, дьявольски хорошенькая туристка, похожая на цыганку, указывая на патронташ, висящий рядом с истоптанными коврами и миниатюрной железной дорогой марки Piko.

«Шестнадцатый!» – отзывается владелец товара.

«Что – шестнадцатый?» – недоумевает та.

«Калибр», – отвечает он.

Вот на дереве висят старинные хевсурские доспехи и мечи, точь-в-точь как на виденных мною старинных дагерротипах. Рядом – сверкающий набор инструментов сельского хирурга; граммофон с заржавевшим рупором и пластинки к нему, лежащие тут же, под палящим солнцем или же под проливным дождем.

И среди всего этогохлама – великолепно сохранившаяся деревянная кукла в костюме грузинского князя в черной чохе и с маленьким кинжалом на боку.

«Не снимай, что ты снимаешь тут?! Хочешь купить – купи, потом будешь снимать! Понаехали тут, с фотоаппаратами».

«Сколько это стоит?»

«Для тебя – пятьсот! Ты мне не нравишься!»

«Да не слушай ее, она сумасшедшая! Подходи ко мне, дорогой, посмотри, какой князь! За сорок лари отдам!»

Часто на раскладках можно найти полуистлевшие фотокарточки сванских, гурийских или имеретинских князей, когда-то похищенные из благородных домов.

Случается, что правнучка кого-нибудь из них сама приходит на Сухой мост, чтобы выкупить у нового владельца портрет деда. А тот, одетый с иголки и аккуратно прислоненный к каменному парапету, взирает на происходящее из середины своего девятнадцатого века.

«Дорого? Да вы что, какое дорого, это же – история! Эй, куда ты? За тридцать твоего князя отдам!»

* * *

После сувенирного рынка я сворачиваю влево, на улицу, ведущую к Пушкинской площади и публичной библиотеке.

На угловом здании висит табличка: «Дагни Юль. Норвежский автор, чья жизнь трагически оборвалась в гостинице „Гранд Отель“ 5 июня 1901 года».

Ни пола, ни возраста, ни портрета...

Тогда, отвлекшись от работы над этнографическими документами, я решил разузнать что-нибудь о событиях того дня. Тбилисские газеты начала века молчали: ни в одной из них в колонке происшествий не сообщалось об этом трагическом случае. Пришлось обратиться к энциклопедии искусств.

Здесь была Мадонна

В узком кругу ее называли Аспасией, в честь знаменитой греческой куртизанки. В быту – просто Дагни. В паспорте значилось: «Госпожа Пшибышевская».

После смерти все эти имена будут забыты – останется только портрет кисти художника Мунка, писавшего с нее «Мадонну».

История этой женщины началась в кабаре «Черный поросенок» в Берлине, а закончилась в Тифлисе.

Вот что говорит энциклопедия о ее последних годах:

«У Дагни был роман как минимум с тремя мужчинами в Париже, включая Владислава Эмерика, сына владельца нефтяных вышек. У мужа Дагни Станислава Пшибышевского, в свою очередь, была связь с женой его друга Яна Каспровича и еще одной женщиной, по имени Анеля Пайонкувна. Последняя родила от него дочь...»

Предыдущая жена Пшибышевского, Марта, погибла при загадочных обстоятельствах. Следствие заподозрило в ее убийстве Станислава и Дагни, но остановилось на версии самоубийства.

Муж Дагни спровоцировал связь своей жены с писателем Генриком Сенкевичем, добиваясь от последнего выделения гранта в 3200 австрийских крон.

В 1901 году один из любовников Дагни, Эмерик, пригласил семейную пару в путешествие на Кавказ.

5 июня 1901 года в номере гостиницы „Гранд Отель“ в Тбилиси нефтяной магнат выстрелил Дагни в голову. На следующий день убийца застрелился сам...»

Так, в нескольких коротких предложениях, можно описать бурную историю этой женщины.

Будь моя воля, вместо сухой мемориальной таблички, которая вводит в заблуждение прохожих на перекрестке улиц Атонели и «Хидис куча» (дословно: «Улица моста»), там висела бы репродукция «Мадонны» Мунка с короткой подписью:

«В этом доме 100 лет назад погибла норвежская туристка Дагни Юль. После нее остались двое детей, две коротких новеллы и эта картина».

Что случается в Тбилиси с непрошеными гостями

«„Какого вы мнения о грузинах?“ – спросил я барона Фино, нашего консула в Тифлисе, проживающего среди них уже три года.

„Это народ без недостатков, со всеми добрыми качествами“, – отвечал он.»

Александр Дюма, «Кавказ»

В Париже, Москве или Тель-Авиве вас не любят только за то, что вы – украинец. (Куда чаще – наоборот.)

В Париже человека не тащат к себе домой поить вином и знакомить с женой только потому, что тот залез

на крышу особняка под предлогом сфотографировать городской пейзаж.

В то время как Париж – это бесконечное притворство, Тбилиси – это бесконечный праздник.

Тбилиси стар и обшарпан, но красив, как бывает красива уже увядающая, но удивительно пикантная женщина.

Чтобы успеть узнать этот город таким, каким его видел автор «Трех мушкетеров», нужно отправиться на прогулку в старинный район Сололаки. Здесь находится один из самых старинных соборов Грузии – Сиони, множество художественных салонов и кафе, где собирается местная «золотая молодежь», а также удивительный театр марионеток, где идут постановки совершенно не детского содержания.

В районе Сололаки город выглядит точно так же, как два века назад, когда французский путешественник Шарден назвал Тбилиси «персидским городом».

Несколько лет назад, очутившись в Тбилиси впервые, я забрался на лестницу маленького трехэтажного дома, стоявшего на холме неподалеку от серных бань, откуда видны все восемь центральных соборов Тбилиси, а также мечеть и синагога.

Ступеньки скрипят, как бутафорская палуба в малобюджетном пиратском фильме.

Ползу почти по-пластунски. Двери распахиваются перед самым носом, и я пытаюсь принять вертикальное положение.

«Добрый вечер, – говорит высокая фигура в дверном проеме, освещенная сзади снопом света. – А что вы тут делаете?»

Я не вижу выражения лица и не знаю, что делают в Грузии с людьми, которые в 2 часа ночи залазят на

чужие балконы. Тогда произношу фразу, которую с этих пор буду использовать в Грузии на каждом шагу:

«Я украинский журналист. Впервые в Тбилиси. У вас потрясающая страна. Я фотографирую все, что вижу!»

Фигура в желтом столпе света, кажется, становится меньше. «Тогда заходи, дорогой! Будешь вино, виски, кофе, чай?»

Я не знал, как это истолковать, и поэтому на всякий случай спросил: «Вы – женаты?»

Мало ли что.

«Конечно! – ответил голос. – Тамуна!!! У нас гости!»

«Что, опять?» – спросила Тамуна где-то за столбом света.

«Да! Украинский журналист».

«О! Тогда я ставлю чайник».

Я решил прояснить ситуацию.

«Да, но только нас тут трое».

«Ничего, ничего. Ты думаешь, у меня виски не хватит?»

Так я познакомился с моим другом Гочей и его женой Тамуной. Последнюю, за красоту и аристократизм, мы прозвали «Царицей Тамар».

С первых минут знакомства эти люди стали моими главными «путеводителями» по Грузии и помощниками во всех авантюрных начинаниях.

Серная баня

«– В баню! – сказал он по-русски.

Я уже настолько знал по-русски, что понял Фино.

– В баню? – удивился я. – Мы едем в баню?

– Да, – отвечал он, – однако разве вы против этого?

- Против бани? За кого вы меня принимаете? Но вы говорили мне о сюрпризе, и я нахожу довольно дерзким, что, по вашему мнению, для меня будет сюрпризом – побывать в бане».

Александр Дюма, «Кавказ»

«Тбили» – по-грузински «теплый», а легенду о том, как царь Вахтанг основал город, обнаружив горячие серные купальни, в которые упал и сварился его любимый охотничий сокол, вам расскажет первый встречный тбилисец.

Сто пятьдесят лет назад эту историю рассказали и Александру Дюма.

Вот что он написал о названии этого города в своем «Кавказе»:

«Любопытна благозвучная аналогия, которую имеют некоторые города, известные своими теплыми водами. В древности в Нумидии город Тобилис, а в наше время, кроме грузинского Тифлиса, существует в Богемии город Теплиц, корень которого, очень может быть, тоже „тепло“».

Александр Дюма

Прежде чем отправиться в путешествие вокруг страны, я решил навестить в место, с которого начинали свое знакомство с Грузией все путешественники XIX века, включая Дюма и Александра Пушкина – а именно в тбилисские бани.

В одной из них, принадлежавшей некогда княжеской семье Орбелиани, сохранился номер, известный под названием «Пушкинский».

Как утверждается, именно там разминали косточки отцу современного литературного русского языка.

Запах серы слышен еще в метро; когда ты проезжаешь под станцией Авлабари, он уже бьет в нос, и кажется, воздух становится жарче...



Прихожанки храма Сиони, центрального собора Тбилиси

Ты окунаешь голову в воду, поступающую прямо из преисподней.

Я не знаю, где ее греют: ТАМ или уже тут. Зажмурившись, окунувшись по макушку, слышишь, как вода из пасти каменного льва падает в бассейн, в котором варишься ты.

Тепло. Темно. Жарко. Пока совсем не стемнело – всплывай.

И сразу же – в руки к банщику, который с помощью щетки (бог знает, сколько кож он ободрал с ее помощью до тебя) снимет и с тебя старую шкуру, а потом, намылив с ног до головы, окатит ведром горячей воды, в которой ты только что кипел.

Блюдо готово. На простыне, как на скатерти, счастливого и обессиленного, гостя можно выносить во внешний мир.

* * *

Дюма посвятил тбилиским баням целый раздел своего «Кавказа». Ироничный сластолюбец, он описывает поход в бани почти с таким же эротизмом, как и А. С. Пушкин, разве что не столь экзальтированно.

«...Банщики приступили к последнему этапу, который можно назвать мыльным. Один терщик взял меня под мышки и привел в сидячее положение, как делает Арлекин с Пьеро, когда он думает, что убил его. Другой же, надев на свою руку волосяную перчатку, стал натирать ею все мое тело, причем первый, черпая ведром воду из ванны с сорока градусами, выливал мне на поясницу и затылок. (...) Почему Париж, этот город чувственных наслаждений, не имеет подобных бань? Почему ни один делец не выпишет хотя бы двух банщиков из Тифлиса?»

В этой книге мы будем довольно часто обращаться к воспоминаниям Дюма на тех участках пути, где наши дороги, спустя сто пятьдесят лет, пересекутся. Впрочем, повторять его маршрут я не стал. Если для автора «Кавказа» Тифлис, нынешний Тбилиси, стал кульминацией путешествия, для нас он лишь его начало, к тому же дальнейший путь писателя, пролежавший на то время по местам достаточно экзотическим для западного путешественника, сейчас уступает своими

аттракциями другому маршруту, который я собираюсь вам предложить.

Что же касается бань, описанных нашим предшественником, то, живя в Тбилиси, я узнал деталь куда более пикантную, чем то, что подметил в них знаменитый беллетрист.

Дюма довелось попасть в тбилисские бани в «женские дни», но об одном из самых любопытных обрядов мог не знать сопровождавший его французский консул, и, вероятней всего, умолчала семья, в которой гостил романист.

Дело в том, что в «женские» дни тбилисские бани становятся столицей сводничества. Речь, в данном случае, идет не об организации ситуативных маленьких грешков на час, а о серьезных сделках на уровне брачных контрактов.

Старые свахи снуют между купающимися девушками и как будто невзначай присматриваются к ним, заводят разговор о семье, о работе и соседях, узнавая ненавязчиво адрес и социальный статус девушек, одновременно рассматривая их тела, нет ли в них изъяна.

Заключение свахи редко бывает определяющим в выборе будущей жены, но, уверяю вас, ее рекомендательный голос бывает услышан.

Я не слышал ни о чем подобном в зале для мужчин; впрочем, те же свахи наводят справки и о горожанах мужского пола, заходя ненавязчиво на утренний чай под видом обычных соседок. Сидя на чужих кухнях, они (с ленцой и без видимого интереса) выпрашивают у новых постояльцев об их работе и среднемесячном доходе, формируя, таким образом, собственную базу предложений для соседских матрон, мечтающих выдать

замуж дочерей удачно, не откладывая, к тому же, затею в долгий ящик.

Приключение начинается

Я застрял в Тбилиси на несколько недель. Рано или поздно идиллия должна была закончиться. Я не думал, что это произойдет так скоро.

Утром меня разбудил стук в дверь. Это был хозяин.

«Садись», – сказал я ему.

(Если восточный человек хочет поговорить, отказывать ему в этом не принято.)

«Знаешь, я ездил в Азербайджан, – начал он. – На четыре дня. Оччень плохо съездил...»

Я понимающе кивнул.

«Чаю хочешь?» – спросил, хотя, по правде говоря, мне хотелось сказать что-то совсем другое.

«Ара, нет, спасибо», – ответил Важа.

«Представляешь, – я забыл дома мобильный телефон, – продолжил он. – Там это очень дорого и я все время был без связи...»

Я пытался понять, зачем он сообщает мне подробности своего пребывания в Азербайджане. Может, получил от жены взбучку, и теперь ему срочно понадобилось излить душу?

Двое молодых туристов из Франции были заняты друг другом (причем заняты довольно шумно, так что тревожить их в эти минуты казалось кощунством), а странная пара турок (с виду – отец и сын) в номере напротив проводили время в полной тишине, почти не выходя из своей каморки... Таким образом, среди всех постояльцев его гостиницы я был, пожалуй, единственным, подходившим для подобных разговоров.

Важа с сокрушенным видом продолжил:

«А знаешь, как там было скучно, в Азербайджане! Я целыми днями в номере пил пиво... А оно там ужасное.

Пены нет, еще и водку добавляют. Для градуса. Вот так сидишь и пьешь эту... это...» – Важа, казалось, подбирал подходящее слово, но, подобрав его, постеснялся произносить вслух.



Стены старого города. При всей привлекательности Тбилиси для эмиграции здесь не рекомендуется покупать недвижимость в старинных домах

«Пьешь эту мочу!» – выпалил я, чтобы хоть как-то раскрепостить его и поскорей подвести разговор к кульминации, а значит, и к концу...

«Да... именно так...» – сказал Важа все тем же безрадостным тоном.

В эти минуты он напомнил героя очень грустной постановки Резо Габриадзе «Сталинградская битва», шедшей в театре марионеток.

Тем временем Важа, с видом фатальной обреченности (ох, и устроит ему жена – злорадно думал я), сидя на краю моей кровати, переминался с ноги на ногу. Раньше я не обращал внимания на то, как люди ухитряются перебирать ногами сидя – сейчас как раз и был такой уникальный случай...

«А, кстати, знаешь, как милиция зарабатывает в Азербайджане?» – спросил Важа после долгой паузы. Я покачал головой.

«Они сдирают деньги со всех иностранцев, которые снимают проституток. Говорят им – плати тысячу долларов, или даже две – или садись в тюрьму».

«Вот как! – подумал я. – Теперь понятно, почему у Важи такое печальное лицо...» Я взглянул на обладателя этого лица оценивающе, глазами бакинского полицейского: «Ну, больше тысячи с него не возьмешь...»

«Вот подонки, – произнес я вслух. – А девочек они не трогают?»

«Вай, конечно нет! – ответил Важа. – Они же с ними заодно!»

Я сокрушенно покачал головой.

«Кстати, – сказал Важа, распрямляя ноги, – моя жена тебе не сказала, но к нам должен приехать гость. Он

забронировал это место уже давно, просто мы забыли тебе сообщить».

«Никаких проблем. Я уезжаю через четыре дня. Так что, пожалуйста...»

«Извини, но моя жена ошиблась. Гость приезжает сегодня...»

«Сукин сын. Сукин сын. Сукин сын», – подумал я, а вслух произнес: «В котором часу?»

«Где-то в пять», – ответил хозяин хостела, реклама которого никогда не появится на страницах этого путеводителя.

«Ну что ж, тогда вези меня в другое место... К какому-нибудь гостеприимному и обязательному хозяину!» – сказал я, делая ударение на слове «обязательный».

Замечу к чести Важи, что он выполнил просьбу наилучшим образом.

Так я познакомился с Кетино Абашидзе, праправнучкой последнего грузинского царя Ираклия II, и с привидениями ее дома.

Женщина, не любившая шум

Здесь всегда пахнет свежим хлебом и смесью пыли и одеколона, как из старого флакона, затерявшегося в глубине трюмо.

А во дворе их дома, в маленьком садике с несколькими розовыми кустами и большой пальмой – запах подвала, полыни и свежесваренного кофе.

«Ты будешь спать на кровати, на которой спал Александр Дюма!» – говорит хозяйка.

Одна из главных семейных реликвий – кровать, на которой, по семейной легенде, спал автор «Трех мушкетеров», писавший в Тбилиси книгу путевых заметок о Кавказе.

«Хм... главное теперь угадать, где у этой кровати голова, а где ноги. Чтоб вдохновение писателя передавалось в нужное место», – подумал я про себя.



Княгиня Мария Орбелиани. Семейные портреты, спрятанные под половицами ее дома, после распада СССР были снова вытащены наружу

В заметках французского беллетриста читатель встретит множество упоминаний о семье Орбелиани, но ни одного – о ночлеге в их доме.

Впрочем, разве автор всегда дает читателю подробный отчет о месторасположении всех кроватей, на которых ему доводилось почивать?..

В комнате, где меня поселили, множество фамильных портретов: царь Восточной Грузии Ираклий

Второй; отец хозяйки – альпинист, погибший 26-ти лет от роду на одной из вершин Сванетии; княгини разного возраста и вызывающий тревогу сюжет – рисунок, на котором растерянная, с ищущими глазами женщина отступает, пятась спиной, к стене. Это сама Кетино, нынешняя хозяйка.

Один из портретов не дает мне покоя. Капризный рот и самоуверенный взгляд под полуприкрытыми веками.

Хочу спросить «Кто она?», но начинаю разговор издалека. Спрашиваю о прапрадеде, короле Ираклии, потом о доме...

Большой двухэтажный особняк семья купила в 1827 году.

«Двухэтажный? Но здесь ведь только один этаж?»

Кетино улыбается и указывает на тот самый портрет: «Мария Вахтанговна не любила шум...»

Шум преследовал ее повсюду – в голосах слуг, в криках уличных торговцев в центре Тбилиси, где она отказывалась жить. Экипажи, проезжавшие по улице, голоса извозчиков, даже звон колокола католического собора напротив – все это раздражало ее. Она так ненавидела шум, что распорядилась разобрать верхний этаж и отселить назойливых слуг в пристройки во дворе.

А что она любила? Говорят, у нее был муж. Есть женщины, о которых не получается, даже при всей грузинской патриархальности, сказать: «Она была женой такого-то».

«Были ли дети у Марии?»

Кажется, я уже знаю ответ...

«Дети? – переспрашивает Кетино. – Нет, у Марии Орбелиани не было детей».

Говорят, она устраивала в этих комнатах литературные вечера.

Кто-то из писателей был влюблен в нее. Персонажи тех светских раутов остались жить в семейном альбоме,

где их черты набросала рука некоего талантливого скетчиста.

Они пили здесь кофе и ели ее угощение – удивительно вкусные карамельные конфеты.

В комнатах, принадлежавших Марии Орбелиани, я провел несколько удивительных дней и ночей, наслаждаясь покоем прохладных стен и читая записки автора «Трех мушкетеров» о похождениях по Кавказу.

Говорят, и он захаживал к ней.

Говорят...

«Торопись начать!...»

Несколько дней подряд я рыскаю по дому в поисках свидетельств о жизни Марии Вахтанговны.

Влюбленность – опасное ощущение в Грузии, однако в этом случае я ничем не рискую, ведь объект моего увлечения – старинный портрет.

Кроме него и еще нескольких рисунков в семейном альбоме, мне не удастся найти ничего, напоминающего о бывшей хозяйке.

Вдруг, украдкой листая записные книжки прошлого века, обнаруживаю записи, сделанные женской рукой. Почерк похож на тот, что я увидел на старинной открытке, подписанной ее высочеством Марией Вахтанговной Орбелиани.

Цитаты, обнаруженные в этом дневнике, я аккуратно перенес в свой блокнот:

«Торопись начать! Думай, что у тебя всегда есть время только для успеха, но не для неудачи»

«Дождаться радости тоже радостно»

«В этой жизни умирать не трудно. Сделать жизнь значительно труднее».

«Люблю я поздравлять счастливых, но редко счастлив сам бывал».

«Жалок тот, в ком ничего не осталось от ребенка»...

Если бы не эти записи, я ни за что не пошел бы в тот вечер в театр марионеток.

Но, отменив очередной раут с тбилисскими друзьями, я отправился на субботнее представление.

Тбилисский театр марионеток

Хороший кукловод – это когда думаешь: «Как здорово кукла двигает руками этого человека».

В первые минуты кукла – полуистлевший скелет – достает из песка древко знамени, каску и пятиконечную звезду.

И, выполнив этот долг чести (а как по мне – долг памяти), снова закапывает себя...

А потом они заговорили. И тут уже я знаю, что на крючке.

«В Киев не ходи. Забудь Наташу», – произносит голос феи из спектакля, предстающей в образе вагоновожатого с какого-то глухого российского полустанка.

Фея, или ангел-хранитель, пытается оградить героя от того, от чего оградить никак нельзя – от самого себя. И автор, зная это как никто лучше, продолжает вести своих персонажей туда, откуда нет возврата.

«Где черта, отделяющая любовь от ненависти? А может быть, они – одно?» – размышляет герой за минуту до того, как...

«Ладно, подключу я тебя к жизни еще раз. Горько тебе будет, плакать будешь... Поживи еще», – говорит фея, теперь уже настоящая, с крохотными крылышками фея, неожиданно спускающаяся по маленькой лесенке с небес и продлевающая действие.

И тут я вспоминаю свое любимое из Волошина: «В нем радостная грусть, в нем сладкий страх разлуки».

Габриадзе, написавший в свое время сценарии к лучшим фильмам советского кинематографа, выкапывает из меня эти две строки русского поэта и многое, многое другое.

* * *

Воскресное утро началось со звона маленьких колокольчиков и пения. Звук голосов приближается.

Оказалось, это процессия католиков, идущих к мессе. Священник проповедует на русском, чему я очень рад, так как впервые понимаю слова службы.

«Бог призовет тебя, но он не скажет „Раб мой“. Он скажет „Друг мой“. Раб – это тот, кто безмолвно и покорно следует за хозяином. Нет, ты, идущий за ним, не раб ему, а друг!»

Стоящие у храма, на противоположной стороне улицы и даже по краям проезжей части, – все до единого опускаются на колени.

Машины тормозят и, вопреки обыкновению, никто не гудит в клаксон. Даже самый беспардонный и крикливый грузинский водитель ни за что не станет мешать божьему промыслу.

* * *

«В этом дворе – вся история Грузии», – говорит хозяйка.

Кетино рассказывает, что в 37-м году к ним пришел какой-то большевик с ружьем и сказал, что будет теперь жить в их доме.

Она не идеально говорит по-русски, и «большевик с ружьем», возможно, был НКВДистом с пистолетом.

К тому времени у семьи Орбелиани уже отняли все – дома, замки, виноградники.

А теперь еще этот «большевик с ружьем», решивший стать их соседом.

Половина дома, оставшаяся их семье, выходит окнами на улицу Абашидзе, названную в честь известного литературного критика и дедушки Кетино. Окна с другой стороны – смотрят на улицу Джавахишвили, названную в честь знаменитого историка, профиль которого изображен на банкноте номиналом 5 лари. В том крыле живут родственники этого самого Джавахишвили, а в пристройках во дворе – потомки НКВДиста, обосновавшегося там не благодаря гостеприимству хозяев, а вопреки их воле.

После долгих объяснений я, наконец, начинаю понимать, кто кому родственник в этом дворе.

Следующим утром, перед завтраком, хозяйка сказала: «Я не знаю, как в Украине, а у нас принято, чтобы все вместе садились за стол – и гости, и хозяева, и князя, и прислуга... У вас ведь тоже так?»

Я сцепил зубы и часто-часто закивал. Мне почему-то стало очень грустно.

Я вспомнил о собственных родственниках, расстрелянных большевиками, и рассказал Кетино («ай, мурашки по рукам» – задрожала хозяйка) историю тетки Татьяны, вернувшейся домой после двадцати лет лагерей.

Поселившись в загородном доме, эта женщина, от страха перед новыми незнакомыми гостями, окружила себя шестью громадными немецкими овчарками, старшего из которых звали Урсом.

Я вспомнил ее дом, в котором часто гостил летом. Он, как и дом Кетино, был полон фотографий и портретов. Но, в отличие от содержащегося в

относительном (а как для Грузии – в абсолютном) порядке особняка Кетино, тот дом был захламлен и запылен до невозможности.

Жутковатый, вообще-то, был дом. А у тетки – сорванный, клокочущий, как у ворона, голос, и понять то, что она говорила, мог только ее верный Урс... Голос она потеряла в тот день, когда получила сообщение о своем освобождении в связи с хрущевской амнистией.

Поговорив о родственниках, мы переходим к чаю.

Кетино владеет семейным рецептом конфет, которыми угощала гостей своего литературного салона княгиня Орбелиани.

Сладости приготовлены из грецких орехов, тщательнейшим образом очищенных и перемолотых.

Хозяйка ни за что не раскроет свой секрет, но там угадывается легкий привкус лимонной цедры и толика корицы. Густую смесь, скатанную в шарики, Кетино погружает в горячую карамель; дает ей остыть, а затем укладывает на крошечные карамельные медальоны с семейным вензелем «ОБ».

Со сладостями, приготовленными хозяйкой, я удаляюсь в комнату, спасая свою порцию от многочисленных членов семьи, сбегавшихся на запах. И тогда лицо княгини со своей вечной иронией смотрит на меня со стены.

Впоследствии я встречал конфеты Кетино в нескольких кафе в Тбилиси. Иногда они были очень похожи на оригинал, но никогда мне не доводилось есть точь-в-точь такие же.

Я спросил об этом хозяйку. Она рассмеялась: «Алекс, кроме меня, больше никто в Тбилиси не умеет готовить таких конфет. Но в то кафе, которое ты назвал, я действительно продаю этот (тут она переключилась на французский) *конфитюр*...»

«Но почему тогда их вкус отличается от домашних?»

Приняв мои слова за изысканный комплимент, хозяйка улыбнулась и перевела взгляд на лицо своей предшественницы: «Может быть, все дело в портрете?»

«Забудьте о времени, вы в Грузии»

Наконец план поездки был готов: я решил пересечь все основные провинции на пути из центра Грузии – Тбилиси – до самого северного и, до недавнего времени, наименее цивилизованного ее района – Сванетии.

Этот маршрут включает территории Самцхе-Джавахетии, Абхазии, некоторых районов Самегрело (или Мегрелии), Верхней Сванетии и Рачи, и должен закончиться в столице древней Колхиды – нынешнем Кутаиси.

Моим главным и единственным средством передвижения станет велосипед. Я не беру с собой спутниковый навигатор и намерен руководствоваться в пути лишь картой, нарисованной от руки.

Несмотря на многочисленные соблазны, обещаю себе неукоснительно следовать избранному маршруту.

«Сколько времени понадобится, чтобы объехать все это?» – спрашиваю у одного из тбилисских друзей.

Тот задумался на несколько секунд: «Может, и две недели. А может – два месяца. Забудь о времени – ты же в Грузии».

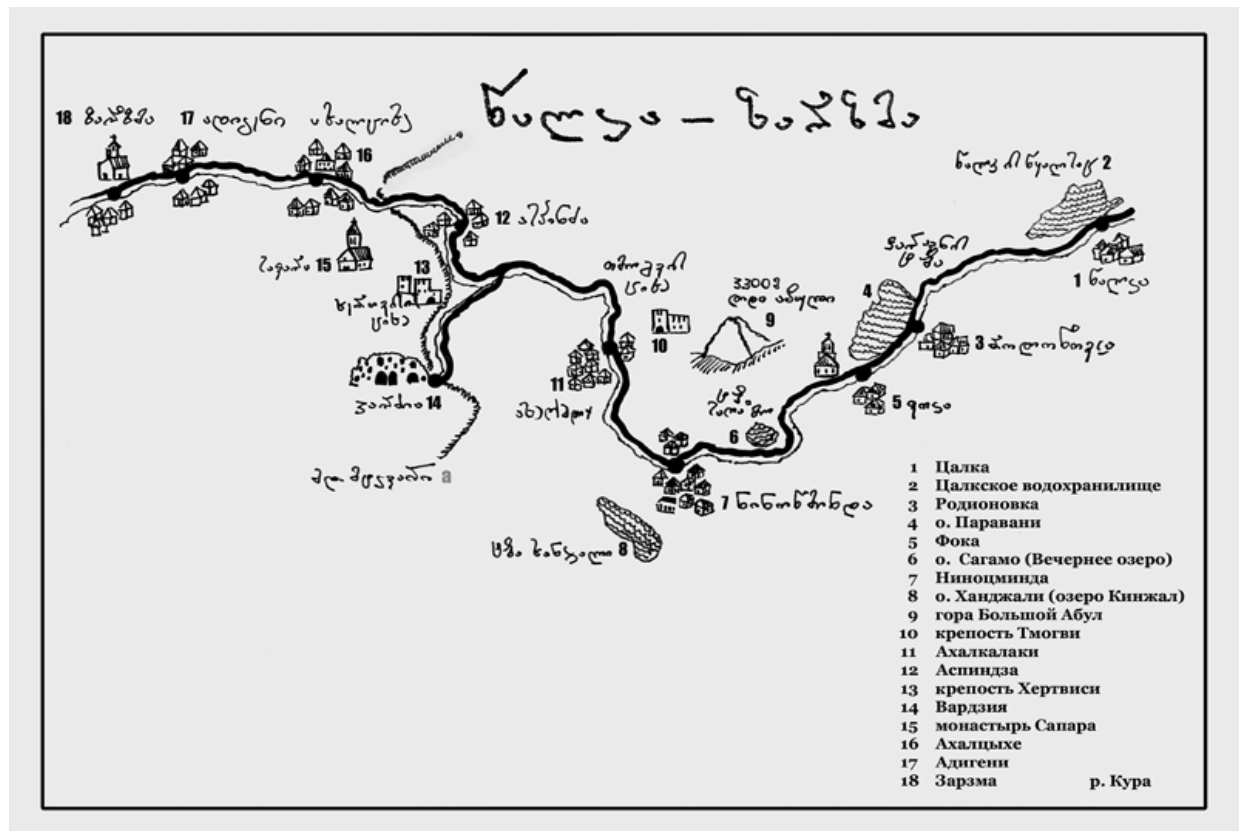
По опыту предыдущих путешествий я знал: в любом из мест, лежащих на пути, можно остановиться на чашку кофе... и задержаться на неделю.

Собрав необходимый багаж, запасшись куском копченого сулугуни и несколькими конфетами по рецепту Марии Орбелиани, я сел на велосипед и

отправился по самой длинной из возможных дорог
вокруг страны.

Первым пунктом назначения была горная Аджария.

Маршрут 2 Через Нижнюю Грузию и Джавахети Монахи, пещерный город и встреча с самим дьяволом



Из Тбилиси - на запад

У желающих попасть к морю из Тбилиси есть два пути. По центральной дороге через Кутаиси, а оттуда – напрямик к пляжам, хачапури по-аджарски и другим наслаждениям, которые сулит крупный портовый город Батуми; или же по околичной дороге – мимо пещерного города Вардзия, через Месхети, перевал Годердзи и ущелье Мачахела, где раньше производили знаменитые кавказские ружья.

Путешественнику, выбравшему неизбитый маршрут, следует спросить дорогу в направлении поселка Тцкнети и следовать дальше в сторону городка Цалка и озера Паравани.

Я проехал мимо кладбища Ваке, на котором мечтают быть похоронены все жители районов Ваке, Вера и Сабуртало. Это уютное старинное кладбище с множеством живописных надгробий.

Выехав из города, я отправился на юго-запад по вьющемуся вверх серпантину. Невысокие горы, откуда открывается панорама на Тбилиси и его окрестности, поросли сосновыми лесами – в эти прохладные места горожане бегут от тяжелого летнего зноя.

Некоторые тбилисцы не покидают пригород Тцкнети до середины сентября, когда в школах начинается учебный сезон.

Дальше путь пролегает через Нижнюю Грузию – в целом малоинтересное место, одно из немногих достопримечательностей которого – поселок Накалакари неподалеку от городка Дманиси, где в начале 90-х археологи нашли останки человека, претендующего на титул «первого человека в Европе». Эта находка дала повод грузинам в очередной раз заявить о своем первенстве не только в производстве вина, но также в появлении самой человеческой цивилизации.

Дорогу в городок Дманиси вам укажет первый же встреченный по пути грузинский полицейский, даже если вы не станете просить его об этом. Каждый грузин – патриот своего края, и если у уроженцев Нижней Грузии и нет стольких поводов для самолюбования, как, например, у сванов, они не будут менее настойчивыми, предъявляя объекты своей гордости. Впрочем, в виду небольшого количества других достопримечательностей

место обитания первого *Homo georgicus* не входило в мой маршрут.

После крутого подъема проезжаю село Орбети, когда-то носившее русское название Приют, где и по сей день живет много людей, носящих славянские фамилии.

Дальше по дороге лежит Манглиси – городок, граничащий с заповедником, размеры которого напоминают скорее большой парк.

Для путешествующих на автомобиле первый участок пути займет не больше двух часов, и, выехав из Тбилиси ранним утром, можно позавтракать уже в Цалке – месте, некогда населенном греками и до сих пор носящем следы их пребывания.

Я же, путешествующий на велосипеде, к концу первого дня пути остановился неподалеку от заповедника Манглиси, где и разбил первый бивуак.

Что стоит пить в Грузии, если по каким-либо причинам вы лишены возможности пить старое кахетинское

За несколько дней, предшествовавших отъезду, ваш покорный слуга так пристрастился к холодному белому *ркацител* из погребков одного знакомого кахетинца, что даже пересев на велосипед, нуждался в постоянной подпитке серотонином.

Мне нужно было взять в дорогу нечто не содержащее алкоголя, сладкое, но не слишком приторное, что одновременно утоляло бы жажду и в то же время доставляло удовольствие, хотя бы отдаленно сравнимое с тем, какое я испытывал, прикладываясь к запасам из вышеуказанного погребка.

Среди прочих напитков, испробованных в пути, я остановился на грушевом лимонаде.

В Грузии есть несколько разновидностей лимонадов, которые несравнимо превосходят подобную продукцию,

производимую на других территориях бывшего СССР.

Что касается минеральных вод, здесь около тысячи их разновидностей, из которых несколько стали известными марками.

Впрочем, моим любимым источником был и остается никому не известный колодец возле городка Местия, в Верхней Сванетии, где местные жители пьют бьющий прямо из-под земли нарзан, отдающий содой и металлом, холод которого даже в жаркий день пробирает до костей.

«Что-нибудь покрепче? Вы же в Цалке!»

Человек, встретивший меня в Цалке, был другом одного из моих давних приятелей. Предупрежденный о возможном визите, он ждал меня со вчерашнего вечера.

«Друг твоего друга» в Грузии автоматически означает, что при встрече с человеком, которого видишь впервые, тебе предстоит бороться за свою независимость в вопросе «Пить или не пить», а также в выборе ночлега.

Гостеприимный хозяин сделает все возможное, чтобы вы не смогли выехать из его дома и вынуждены были остаться, как минимум, до послезавтра. Причем сила притяжения становится вдвое интенсивнее, если ваш визави – сван или имеретинец. Человек, встретивший меня, был сваном.

После препирательств относительно того, имел ли я право ночевать где-то еще, кроме как у него, и выяснения причин, вынудивших меня разбить лагерь в лесу, мы отправились завтракать.

В Цалке путешественников встречают вывески, напоминающие о греческом прошлом этого городка. Среди здешних названий еще нет «аргонавтов» и «золотого руна» – клише, которые активно эксплуатируются жителями побережья, зато есть

ресторан «Пантеон», пытающийся (впрочем, не слишком успешно) конкурировать с обыкновенной водительской столовой – лучшей закусочной на этом участке дороги.

На часах было одиннадцать утра, но в Грузии часы никогда не были помехой.

Это не чопорная Европа, где пить начинают по будильнику, и каждый пьющий ждет официального конца рабочего дня, чтобы поднять забрало, раскрыть объятия и присоединиться к толпе друзей, уже выглядывающих его за стойкой бара.

«А выпить что-нибудь покрепче? Вы же в Цалке!» – улыбается женщина, принимая заказ.

Грузия – это не место для снобов, аккуратистов и людей, подчиненных режиму. Грузия – это страна мужчин, в самом лучшем и худшем значении этого слова.

Если так случилось, что вы устали или просто категорически больше не можете пить, – единственное, что может спасти вашу печень, – велосипед.

К людям на велосипеде здесь относятся с симпатией, но несколько настороженно. При виде велосипеда, сверкающего всеми начищенными до блеска деталями, грузины норовят сфотографироваться с его владельцем, но вино предлагают уже не так настойчиво.

«Может быть, все-таки пива?» – женщина за прилавком смотрит на меня почти умоляюще.

«Грушевый лимонад!» – отвечаю я, и барменша отступает.

Большие кобры

Так как на этой части маршрута Цалка – главная гастрономическая достопримечательность – позволю себе остановиться на ней подробнее.

Место, куда мы зашли, не имеет названия. По виду это водительская столовка какого-нибудь южного городка. Стулья с потертыми деревянными спинками, вытащенные из заброшенной школы; бетонные стены и жестяная крыша, а вместо окон – камуфляжная сетка. Посреди двора стоит большая металлическая жаровня, на которой жарится рыба и шашлык.

В заведении железный пол, напоминающий днище баржи. Под полом протекает маленькая речушка, впадающая в огромное озеро, начинающееся в полукилометре.

Именно здесь Грузия перестает быть столичной, а становится сама собой – жаркой, вкусной, немного неряшливой и полной сюрпризов.

Двое мужчин за соседним столом готовятся к выяснению отношений. Еще два-три пассажа, градус растет, достигает высшей точки, знамена багровеют, вздымаются выше, и вот уже руки поднимаются над столом, чтобы схватить обидчика... Одного слова может быть достаточно, чтобы спустить с привязи псов задетой гордости и чести.

Но ничего не происходит. Выражение лица говорящего меняется, воинственный трепет как будто сдуло ветром.

«Пи...ц», – произносит он по-русски – первое знакомое слово из лексикона жителей постсоветского пространства; слово, передающее беспомощность и безнадежность.

«Пи...ц», – и грузин опускает руки.

Значит, не было мести или атаки. Видимо, один собеседник излагал другому цепь событий, которая привела его к состоянию, описанному вышеозначенным словом.

Снова все спокойно, посетители за соседним столиком заказали полироль – крепкое, но довольно вкусное пиво местной пивоварни.

Я смотрю на реку сквозь маленькие отверстия в полу.

В половодье, когда река поднимется на несколько метров, вода не разрушит это заведение, а лишь слегка подтопит его.

Это одна из причин, почему столовая в Цалке существует дольше, чем некоторые дворцы, построенные у бурных рек.

По настоятельной рекомендации моего нового знакомого мы заказываем рыбу рябушка. Это удивительно вкусная маленькая рыбешка (никто из местных жителей не смог вспомнить, как она называется по-грузински), которую можно есть вместе с хвостами и головами.

Горячая, хрустящая рябушка и холодные, остуженные в родниковой воде пиво или лимонад – идеальный завтрак, и я с таким рвением принялся за него, что чуть не откусил себе пальцы.

«А еще тут большие кобри», – сказал мой визави.

«Большие? Насколько большие?» – спросил я, стараясь не выдать тревоги.

Я наслышан о змеях, которые довольно часто встречаются в Грузии в летние месяцы, и меня неоднократно предупреждали о необходимости запастись «антигюрзином», если соберусь отправиться на юг страны, в пустынные районы окрестностей монастыря Давид Гареджа.

Но кобры? Я впервые услышал о них.

«Кобри? Да, да, большие! Килограммов пять-шесть. И очень вкусные! Их тоже ловят в озере Цалка», – говорит мой новый знакомый.

Оказалось, что «кобри» по-грузински – карп.

Монахи и дьявол озера Паравани

Солнце уже клонилось к закату, когда я пересек границу Нижней Грузии и въехал в регион Самцхе-Джавахети.

Странно, но грузинские туристические компании, рекламирующие туры в Казбеги, Сванетию или на сбор урожая в долину Алазани, никогда не предлагают экскурсий по этому маршруту – в хорошую погоду дорога через перевал Тикматаши одна из самых красивых в Грузии.

Серпантин продолжался километров пятнадцать, и я разрешал себе отдыхать не перед подъемом, как раньше, а только перед спуском. Ведь что может быть приятнее, когда, только что тяжело тащившийся в гору, ты можешь, наконец, прижав колени к раме, насладиться плавным снижением, разгоняясь до сорока, а то и пятидесяти километров в час.

Добравшись до первых облаков, в лучах заходящего солнца напоминавших взбитый крем с толикой малинового варенья, я заметил впереди две странные фигуры.

Приблизившись на несколько оборотов педалей (так тяжело давался мне первый крутой подъем), разглядел двух всадников, которые, стоя в стременах, болтали о чем-то на языке, не похожем ни на одно из наречий, до сих пор слышанных мной в Грузии.

«Вы откуда?» – спросил я.

«Азербайджан», – ответил один из них, и тут же, как бы в подтверждение своих слов, поставил лошадь на дыбы. Через секунду оба прищепорили коней и скрылись в тумане.

Это было первое напоминание о том, что дорога пролегает очень близко к пограничным территориям. Регион Самцхе-Джавахети на протяжении нескольких веков принадлежал то иранцам, то туркам и вернулся в состав Грузии лишь в середине позапрошлого века.

Я медленно двигался в направлении, в котором скрылись всадники.

Проехав сквозь красочный туман, застилавший горизонт, я достиг верхней точки перевала Тикматаши. Оттуда открывалось озеро Паравани – самое большое высокогорное озеро страны, находящееся на высоте двух тысяч метров над уровнем моря.

Через несколько километров я обернулся.

Тучи, собравшиеся над озером, закрыли собой горы, оставив лишь два просвета в форме светящихся глаз. Красные блики, подчеркивая край озера, сделали его похожим на разинутый в молчаливом крике рот.

Если бы Фрэнсис Форд Коппола, снимавший «Дракулу», оказался сейчас здесь, он бы непременно использовал кадры этого заката, переместив озеро Паравани в демоническую Трансильванию.

У самой кромки воды мерцали огоньки. Сначала они напомнили мне фары движущейся по дороге машины, но потом стало ясно, что это поселок.

Упоминание об этих местах встречалось мне в газете «Закавказский вестник» в связи с рыбным промыслом. Еще в XIX веке Паравани было знаменито рыбой, которую доставляли в Тифлис. Однако в материале журналиста не говорилось ни слова о драматических событиях, происходивших там.

В XIX веке деревня Родионовка была населена духоборцами – представителями секты, которые, как и английские квакеры, отрицали посредников между человеком и Создателем и отказывались принимать любые виды присяги. За это (и многое другое, называемое ересью) их изгнали из России, объявив впоследствии чуть ли не сатанистами.

Сначала они бежали на Кавказ, где многие поселились в регионе Джавахети, в том числе и на озере Паравани, но в 1887 году, когда всеобщая воинская повинность была объявлена и здесь, жители Родионовки сложили в кучу, облили керосином и сожгли все имевшееся у них оружие. Через несколько лет из порта Батуми на корабле «Лейк Гурон» они отправились в Канаду.

Часть средств на их исход предоставил Лев Толстой, выделивший на эти цели гонорар, полученный за роман «Воскресение». Так духоборцы навсегда покинули континент, оставив в память о себе лишь груды обугленных ружей и несколько сот единомышленников, рассеявшихся по стране.

В те дни, когда из Батуми отплывал «Лейк Гурон» с духоборцами на борту, в Тифлисе пропал человек, исчезновение которого на протяжении многих лет стало главной темой пересудов здешнего светского общества.

Этим человеком был Иванэ Мачабели, князь и потомственный правитель нынешней Осетии, некогда носившей название Самачабло, что значит «Место Мачабели».

Помимо принадлежности к владетельному роду, Иванэ Мачабели, наравне с Ильей Чавчавадзе, считался лучшим в истории Грузии переводчиком Шекспира.

По просьбе Льва Толстого князь, сочувствовавший духоборцам, должен был сопровождать их до трапа корабля «Лейк Гурон», отправлявшегося в Канаду.

Незадолго до начала своей миссии Мачабели заподозрил свою жену в измене.

На следующий день после командировки в Батуми князь исчез.

Долгое время считалось, что он погиб на тайной дуэли или покончил с собой в какой-то отдаленной местности, не оставив даже записки^[1].

Грузины до сих пор рассказывают эту историю шепотом и краснея: каждый рассказчик чувствует, что раскрывает пикантную тайну. Спустя почти двести лет фамилию обидчика – еще одного выдающегося грузина – мне раскрыли, лишь заручившись клятвой никогда не публиковать горькую правду.

Только спустя много лет выяснилось, что Иванэ Мачабели покинул Грузию на борту того самого корабля, на котором отплыли духоборцы, несогласные с политикой царя и самим государственным устройством, обязывавшем мирных людей брать в руки оружие, руководствуясь кем-то придуманными законами.

Молитва

Хриплый голос читает страстно, тяжело; читает нутром. Молитва звучит по-восточному вязко.

Христианская вера здесь иррациональнее и сильнее, чем где бы то ни было; здесь она иступленная и сильная, как самый фундаментальный ислам.

Хрипящий, рычащий, с придыханием грузинский язык, на котором читают молитвы, напомнил мне язык исламских сур.

Монахи перебирают четки, сдавливая их между пальцев, как сжимают в руке последний патрон.

В молитве каждого есть подтекст, о котором я никогда не решусь спросить. Один читает, едва шевеля губами и прижавшись к стене, как будто опасаясь потерять равновесие. Другой молится со слезами на глазах, сжав зубами костяшки пальцев.

Он не знает, что на него смотрят. Впрочем, ему наверняка все равно: под новым, христианским, именем никто никогда не узнает ни его самого, ни имени демона, с которым он борется.

И пусть самые авторитетные историки причисляют Грузию кто к Европе, кто к Средней Азии, для меня она –

не что иное, как чудесным образом сохранивший христианство кусочек Ближнего Востока.

То ли ветки лозы, связанные вместе, то ли рукоятка двуручного рыцарского меча? Крест святой Нино всегда казался мне символом веры довольно неоднозначным.

* * *

К обители на берегу озера Паравани добрался уже в темноте – простуженный от холодного высокогорного воздуха, в котором пролетали крохотные снежинки.

Прежде чем быть допущенным в монастырь, предстояло преодолеть испытание на соответствие нормам приличий.

«У тебя есть штаны?» – спросил вышедший на крыльцо настоятель, глядевший с сомнением. (Впопыхах я действительно забыл переодеться и походил в своем велосипедном трико на артиста балета, отбившегося от труппы.)

«Разумеется!» – торжествующе воскликнул я, извлекая из переметной сумки брюки-дождевик.

Настоятель удовлетворенно кивнул.

«А ты случайно не католик?» – спросил он, пока я переодевался.

Я на секунду заколебался. Но ничего внутри не стало протестовать, когда я ответил отрицательно.

«Хорошо», – ответил настоятель и жестом пригласил войти.

В тот вечер ужин состоял из жареных озерных рыбок, свежего грузинского хлеба, испеченного монахинями из обители неподалеку, кисловатого соуса ткемали, приготовленного из зеленой алычи, лимонного сока и еще каких-то специй.

На десерт подали зеленый чай и горный мед, а вприкуску эти же сочные, кисловатые плоды.

Даже теперь, мысленно возвращаясь к той трапезе, с уверенностью могу сказать, что никогда раньше мне не доводилось есть ничего более вкусного.

Знакомство с царицей Тамарой

Для каждого грузина имя Тамары несет за собой шлейф царственности.

В царицу Тамару влюблялись при жизни, и еще чаще – после смерти, когда ее имя стало синонимом щедрости, красоты, ума и созидательности.

Начнем с того, что, взойдя на трон, она была молода, хороша собой и, вдобавок, не замужем.

Вскоре выяснилось, что она практична, обладает холодной головой и жесткой хваткой, при этом великолепно эрудированна и наделена превосходным вкусом.

Монастырь Вардзия был построен незадолго до начала ее царствования. В Грузии сохранилось всего четыре портрета царицы Тамар. Один из них – в Вардзии.

Там, на фресках, царица изображена полной и хорошенькой молодой женщиной, еще не носящей наряда замужней дамы. Портрет сделан в те времена, когда безнадежно влюбленный в нее Шота Руставели еще не говорил о Тамар в прошедшем времени и с ностальгией.

*«Воспоем Тamar-царицу, почитаемую свято!
Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.
Мне пером была тростинка, тушью – озеро агата.
Кто внимал моим твореньям, был сражен
клинком булата...»*

Поэту не повезло. После мятежа клана Орбелиани (да-да, снова тех самых!) Тамара была коронована на царствие, а вскоре выдана замуж за новгородского князя Юрия Боголюбского. Русский князь оказался отвратительным мужем, и через два года, уличенный в содомии и скотоложстве, был изгнан из страны. Так первая попытка грузинско-русского альянса потерпела крах.

Впоследствии руки Тамары просили царевицы и шахи, но она не стала больше экспериментировать с незнакомыми иностранцами и вышла замуж за друга детства – Давида Сослани, ставшего ее помощником во всех военных операциях.

Эта чета не только сохранила Грузинское царство, объединенное прадедом Тамары Давидом Строителем, но смогла расширить и укрепить его.

Тамара, назвав себя «отцом сирых и судьей вдов», стала самым любимым правителем Грузии за всю историю этой страны. Наряду с египетской Хатшепсут, получившей прозвище «фараон-строитель», Тамара – одна из самых почитаемых властительниц Старого Света.

Все хорошее, что было создано в Древней Грузии, принято приписывать ее правлению.

Над этим в свое время потешался Александр Дюма, поскольку местные жители все встреченные им по дороге руины называли замками царицы Тамар.

В зависимости от того, в какой сфере деятельности вызвали восторг ее заслуги, поклонники царицу называли «святой» и «солнцеликой» или «беспощадной тигрицей».

«Даже турки, переняв уважение к ней, стали величать ее „додопал Тамара“, т. е. матерью Тамарой», – пишет в своих заметках графиня Уварова.

...Царица умерла. Умерла ли? Грузины не могли поверить в это и придумали массу легенд, связанных с

ее захоронением, место которого до сих пор окутано тайной.

Еще в XIX веке в некоторых селах Сванетии существовало поверье, что царица Тамар до сих пор жива и прячется в кувшине под одной из церквей. Открыть подземелье и сам кувшин не может никто из простых смертных.

Дорога в Вардзию

От озера Паравани начинается длинный спуск по горной дороге мимо крохотных озер, поселков, городишек и скалистых обрывистых ущелий.

Следуя своему новому правилу – не останавливаться на обед дважды в одном и том же селе или городке (в Грузии такое количество гастрономических соблазнов, что часто, уже пообедав, начинаешь жалеть, что нельзя сделать это еще раз через пятьсот метров, где заманчиво блестит холодная гладь маленькой запруды и плещется молодая, выращенная тут же форель), – я проскочил мимо небольшого каменного сооружения с вывеской «Ресторан» и сопровождавшей его надписью «Рыба».

Хозяин заведения (судя по всему, это был он) проводил меня долгим взглядом.

Вскоре я проехал городок Ниноцминда и свернул направо, в направлении Ахалкалаки.

Слева в нескольких километрах уже начинается территория Армении.

Местечко, в которое я въехал через полчаса, напоминало городки юго-востока Украины – маленькие приморские промышленные окраины. Стоило подумать об этом, как на дороге показалась вывеска кафе-бара «Антрацит»...

Крепость Хертвиси была единственным укреплением, которое не удалось взять штурмом Тамерлану, проходившему по Грузии в XIV веке.

Вообще по всему видно, что населенный армянами городок Ахалкалаки старается изо всех сил выглядеть развитым и современным.

Здесь есть казино, аптека, гастроном и магазин с товарами легкой промышленности с многообещающим названием «Партез».

В Ахалкалаки я справился о дороге в Вардзию.

Оказалось, что у меня есть выбор: ехать по основной трассе или сократить путь по проселочной.

«По другой дороге только собаки и ямы», – объяснили мне.

Собаки на грузинских дорогах – это как плохая погода, они раздражают, но не вредят. Правда, один пес, которого мы встретили несколько лет назад на Военно-Грузинской дороге, был настроен весьма серьезно. Он атаковал колесо «нивы», впиваясь в него зубами и отпуская только в тот момент, когда машина всем весом должна была размозжить ему череп.

Пес повторял эту атаку несколько раз, пока не закончилась территория хинкальной, к которой он был прикомандирован. После того, как мы покинули его владения, охранник, как ни в чем не бывало, вернулся в будку.

Не изучив еще характера ахалкалакских собак, я посчитал, что это знание не настолько обогатит путеводитель, чтобы добиваться его любой ценой.

Еще в Ахалкалаки я услышал историю, которая вызвала бы праведный гнев любого грузина.

«А вы знаете, откуда взялся этот пещерный город – Вардзия?» – спросил меня встреченный на дороге армянин.

Сделав вид, что никогда не слышал ни о Вардзии, ни о царице Тамар, я весь превратился в слух.

«Царица построила его для того... (тут он изобразил заговорщицкую мину и поднял вверх указательный палец), чтобы встречаться там с одним очень влиятельным армянским полководцем!»

Я привожу здесь этот эпизод в качестве иллюстрации извечного спора о первенстве, в котором на самом древнем камне, отесанном мировой цивилизацией, поочередно высекается надпись то грузинским, то армянским письмом.

Развлекая себя анекдотами из армяно-грузинских культурных отношений, я отправился дальше, в сторону крепости Хертвиси.

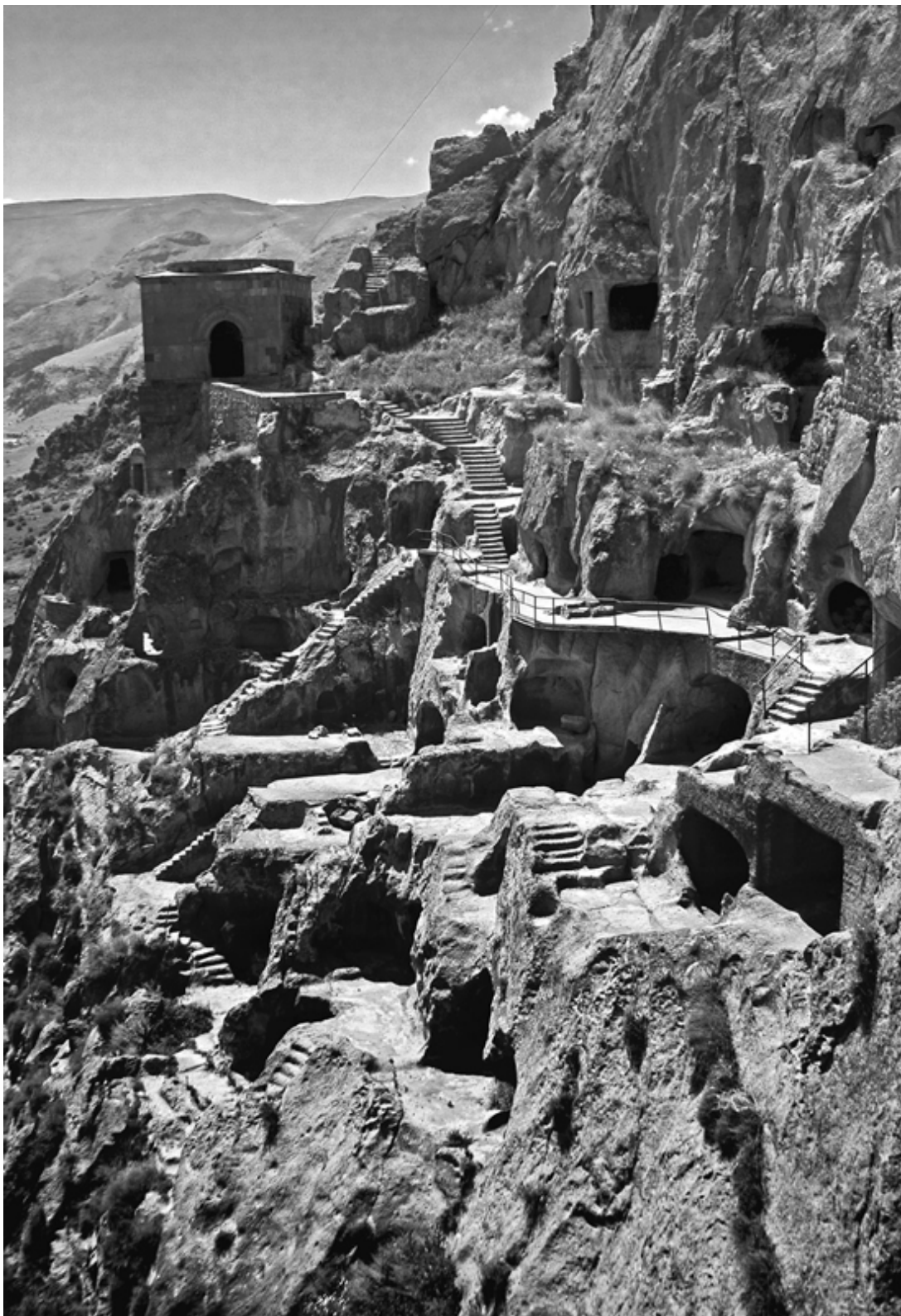
Чтобы попасть туда из Ахалкалаки, нужно, не доезжая до развалин крепости, повернуть направо.

Развилка там не снабжена указателем, поэтому, не свернув в нужном месте, путешественник может случайно оказаться на турецкой границе...

Я же въехал в живописное ущелье реки Паравани.

Послеобеденное солнце, дробясь в листве высоких деревьев, рассыпалось по серому дорожному полотну.

Дорога, столь восхитительная в солнечную погоду, наверняка ужасна в ненастье – крутые склоны, нависающие с правой стороны, сулят обвалы и камнепады.



Стены монастыря Вардзия в наши дни

Вскоре за поворотом показался красивый замок, стоящий на скале. Это была крепость Хертвиси – одна из самых древних грузинских цитаделей.

Говорят, эта крепость была единственным укреплением, которое не удалось взять штурмом Тамерлану, проходившему по Грузии в XIV веке.

Ее обороняли около пятисот грузин во главе с князем, женой которого, по слухам, была одна из самых красивых женщин этого края.

Надо полагать, помимо красоты, слухи создали этой женщине еще и сомнительную репутацию, так как Тамерлан, узнав о ее присутствии в замке, придумал новый план осады.

С лазутчиком-грузином захватчик передал княгине письмо:

«Ты – самая прекрасная женщина Грузии, и я пришел в эти края, чтобы просить твоей руки. Усыпи своего мужа и стражей крепости и открой ворота, чтобы я мог войти».

Женщина послушно выполнила просьбу. Войска Тамерлана вошли в крепость и перерезали всех ее защитников.

«Приведите сюда мою будущую жену!» – потребовал полководец у своих воинов.

Когда княгиню привели, Тамерлан повелел ей указать на тело ее покойного мужа. Увидев мужественного двухметрового красавца, изрубленного его людьми, Тамерлан рассмеялся.

«Ты предпочитаешь такого героя мне? Старому плешивому иноверцу?! Если ты предала его, как же ты поступишь со мной?» – и с этими словами Тамерлан приказал сбросить женщину в крепостной ров.

Хертвиси до сих пор выглядит как одна из самых живописных и неприступных крепостей Грузии.

Тут, на месте слияния двух рек – Паравани и Куры, – начинается ущелье, ведущее к подземному городу Вардзия.

Привкус камня

Монахи здесь пьют воду из пещерного источника, просочившуюся сквозь рыхлый туф. Скорость, с которой наполняется резервуар, свела бы с ума человека, умирающего от жажды: за сутки там собирается не больше десяти литров.

Вода в этом колодце холодная и чистая, но всегда с привкусом камня.

Это – последний колодец монастыря Вардзия, поддерживающий жизнь в пещерном городе.

Во времена, когда молебн, а не авиаподготовка, решал исход битвы, Вардзия активно использовалась в военных целях.

Отсюда царица Тамара («с босыми ногами, причем слезами орошала она ланиты») снаряжала своего мужа Давида Сослани в один из походов против иранского шаха, обещавшего сделать царицу своей наложницей.

Не желавшая становиться не только наложницей, но даже и женой иранского правителя (последнее он обещал ей в случае, если грузинка добровольно примет ислам), Тамара день и ночь молилась в этих пещерах о победе грузинского войска.

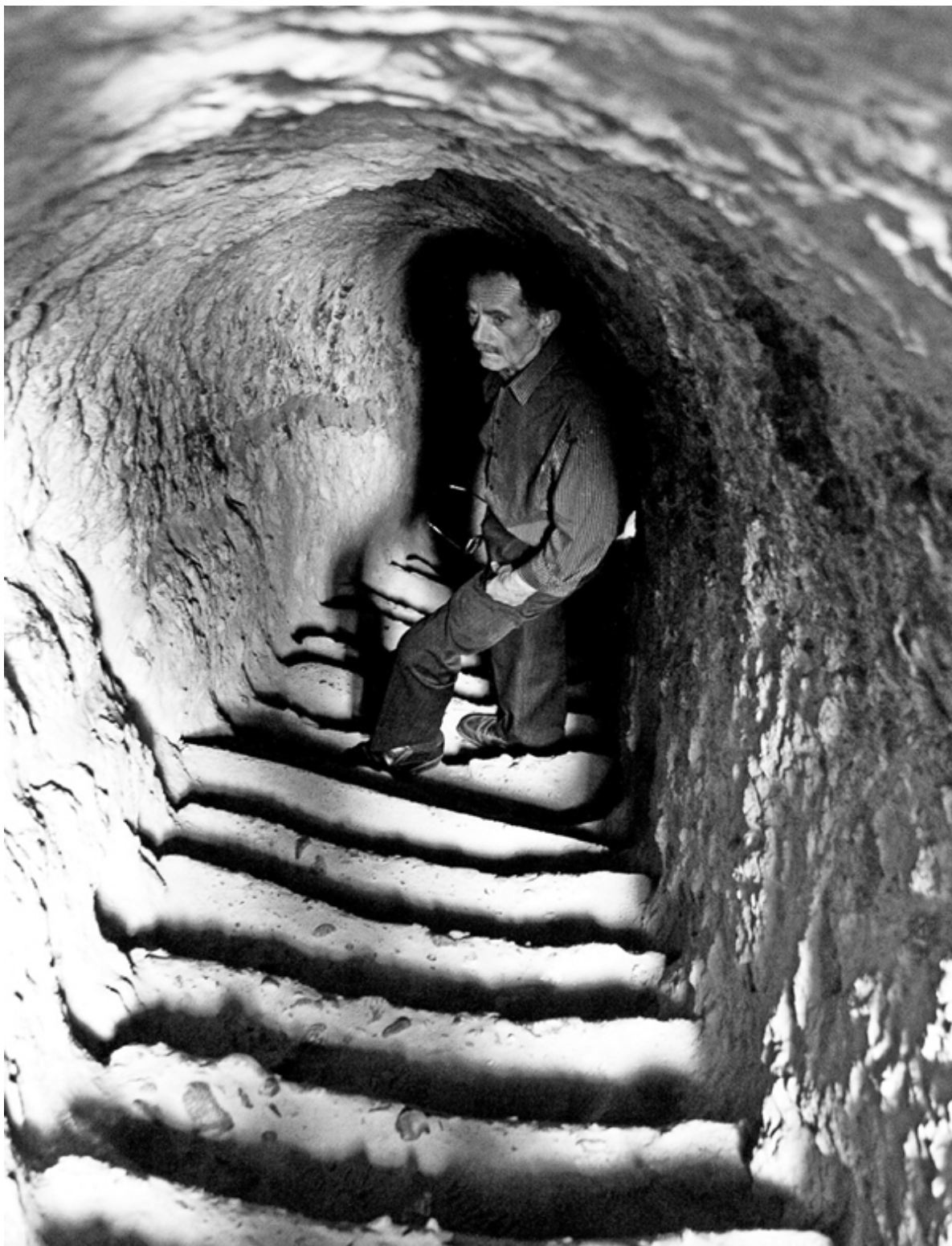
«Непорочная и страшная чудотворная вардзийская Богоматерь» вняла мольбам царицы, и войско ее мужа вернулось домой с победой.

Монастырь Вардзия доказал свою эффективность в военных действиях, и отныне царица Тамар удалялась сюда перед каждой сколько-нибудь значительной операцией.

Царица молилась здесь не одна. Монастырь был заселен любопытнейшим контингентом – в большинстве

своим отпрысками знатных фамилий, занимавшихся тут литературой и переводами.

Монахи жили в кельях, по размеру соответствовавшим современным трех-, и пятикомнатным квартирам, или даже апартаментам в несколько ярусов. В каждой из таких келий имелся свой винный погребок и веранда, смотревшая на восток.



Вход в пещеру монастыря Вардзия. Местный историк проводит экскурсию по остаткам лабиринта,

сохранившимся после землетрясения

Вода из оросительных каналов питала виноградники, посаженные на склоне горы, в туфовых скалах которой был вырублен монастырь.

Но вино, увы, не сохраняется долго, а литература, созданная здесь, исчезла после землетрясений и политических потрясений, уничтоживших все плоды труда обитателей Вардзии.

От тех времен остались лишь выдолбленные в скале кельи и маленькая часовня.

Один из русских путешественников прошлого века называл это место «Монастырь роз», или «Страной роз», приняв название «Вардзия» за грузинское слово «варди» – роза.

Это красивое созвучие, но не более того.

Услышав подобное сравнение, грузины улыбнутся и покачают головой. Их версия возникновения названия связана не с кем иным, как с царицей Тамар, якобы еще ребенком резвившейся в лабиринтах пещерного города и ответившей на крик разыскивавших ее опекунов: «Я здесь, дядя!» – «Ак вар дзия!»

Впрочем, монастырь был не просто комфортным курортом. Иранский историк Хасан-бег-Румлю сообщает, что Вардзия имела две потайные башни для «внезапных случаев и изменчивых времен».

Однако ни потайные башни, ни тайные ходы не защитили Вардзию от катастрофы.

В XIII веке, когда не было уже царицы Тамар, в Грузию вторглись монголы, а в 1266 году правитель Ахалцыхе провозгласил, говоря современным языком, автономию от грузинского царя.

Автономия – не самое надежное образование в структуре государства, и регион (Месхетия и Джавахетия) на 300 лет вышел из-под контроля Грузинского царства.

В том же злополучном для Грузии XIII веке случилось сильнейшее землетрясение. Многочисленные террасы, на которых монахи-писатели наслаждались прохладой в тени домашних виноградников, обрушились вниз, обнажив внутренности монастыря, сделав их похожими на оголившиеся соты. Под руинами погибли и литераторы, и все созданные ими произведения.

Участок дороги между Вардзией и крепостью Хертвиси я прозвал «ущельем тишины».

Любой громкий звук в этих горах может вызвать камнепад, поэтому в наши дни первое, что запрещают здесь дорожные знаки, – это сигналить.

Увидев знак с перечеркнутым клаксоном, я вспомнил о том, что рядом с Вардзией некогда находился монастырь монахов-молчальников, о жизни которых известно еще меньше, чем о погребенных под руинами «монастыря роз».

Дорога в Аджарию

Здесь, на подъездах к «Турецкой Грузии», все чаще слышишь «салам» вместо традиционного грузинского «гаумарджос».

В течение пяти веков город Ахалцыхе был турецким. Во вторую, и самую разрушительную из Турецких кампаний, русские войска уничтожили город вместе с большинством мирного населения, оборонявшегося неистово.

«Никто из ахалцыхских жителей не хотел сдаваться, и даже женщины проникнуты были таким фанатизмом, что многие, стараясь избежать плена, добровольно кидались в огонь; другие, вооруженные кинжалами, шли в битву», – писал военный историк Василий Потто.

Так сражались против русских грузины, принявшие ислам, и ставшие верными подданными турецкого султана.

За несколько лет до описываемых событий в одном из походов на Ахалцыхе солдаты из отряда Тамаза Орбелиани отступили в боржомское ущелье, где обнаружили знаменитые минеральные источники.

После городка Адигени, предпоследнего населенного пункта перед горной Аджарией, заповедник хороших дорог закончился, и мне предстояло узнать, что такое настоящие горные дороги.

В тот вечер было решено устроить ночлег, не доезжая до перевала Годердзи, или, если повезет, достигнуть вершины и разбить лагерь там.

Еще не осведомленного о славе этого перевала, меня нисколько не смущала перспектива оставаться там одному после захода солнца.

Самой интересной достопримечательностью в окрестностях был окаменелый лес, отмеченный на туристических картах.

Когда я подъехал к Зарзме, до заката оставалось не больше получаса. Поэтому, свернув с основной трассы и взобравшись по каменистому подъему, я постучался в двери монастыря.

Под монастырской охраной

Батура медленно обходит свои владения. Тихий, огромный, молчаливый азиат.

Когда я приехал, он спал. Ему не было дела до гостя, пока тот не оказался прямо на пути его утреннего обхода.

Эти собаки не трогают своих, но Батура еще не знает, что я свой. И вот мокрая морда уткнулась мне в пах.

«Доброе утро, Батура!»

Пес не тратит время на лишние разговоры. Он подходит молча, и ты застываешь, не шелохнувшись, вытянувшись в струнку: «Батура, я свой», «Батура, все в порядке».

Он не лает, и не начинает тебя есть.

Он просто ждет команды.

«Свои, Батура! Свои!» – слышу сзади голос одного из монахов.

Пес поднял голову.

Добрыми, слезящимися глазами огромная овчарка смотрит на меня.

Теперь я спокоен.

Хозяин знает, что в доме сегодня гость.

А днем он снова будет спать, изредка открывая один глаз и высовывая нос из своей кельи.

Люди приходят и уходят: паломники, гости, путешественники. А Батуре – ночному сторожу – нет дела до этой мирской суеты.

День монаха

Кто-то делает это раз в году, кто-то – все триста шестьдесят пять. Сегодня все мы похожи в одном: разгребаем щебень, чистим дорожки, думаем о Боге.

Взбираемся в гору, носим камни, думаем о Боге.

Косим сено, просим о спасении, думаем о Боге.

На самом деле я не знаю, о чем думает каждый из нас...

После работы садимся обедать в одном из деревенских домов.

Трапеза простая и добротная – картофель, овощи, соленья, хлеб.

«Почему ты не доедаешь? – спросил меня, улыбаясь, один молодой монах. – Если будешь не доедать – у тебя жены красивой не будет».

«Жены красивой не будет? Почему?»

«Не знаю. Нас в детстве так учили», – отвечает он.

«А ты почему тогда в детстве не доедал?» – парировал я.

«Потому что, – улыбнулся он отрешенно, пряча за улыбкой что-то другое. – Потому что...»

За столом все улыбаются, но никто почему-то не глядит на меня. Один уставился в тарелку, другой смотрит в сторону...

«Потому что, потому что, потому...» – повторяет монах задумчиво, отведя глаза и выстукивая пальцами по столу какой-то ритм.

Серафим

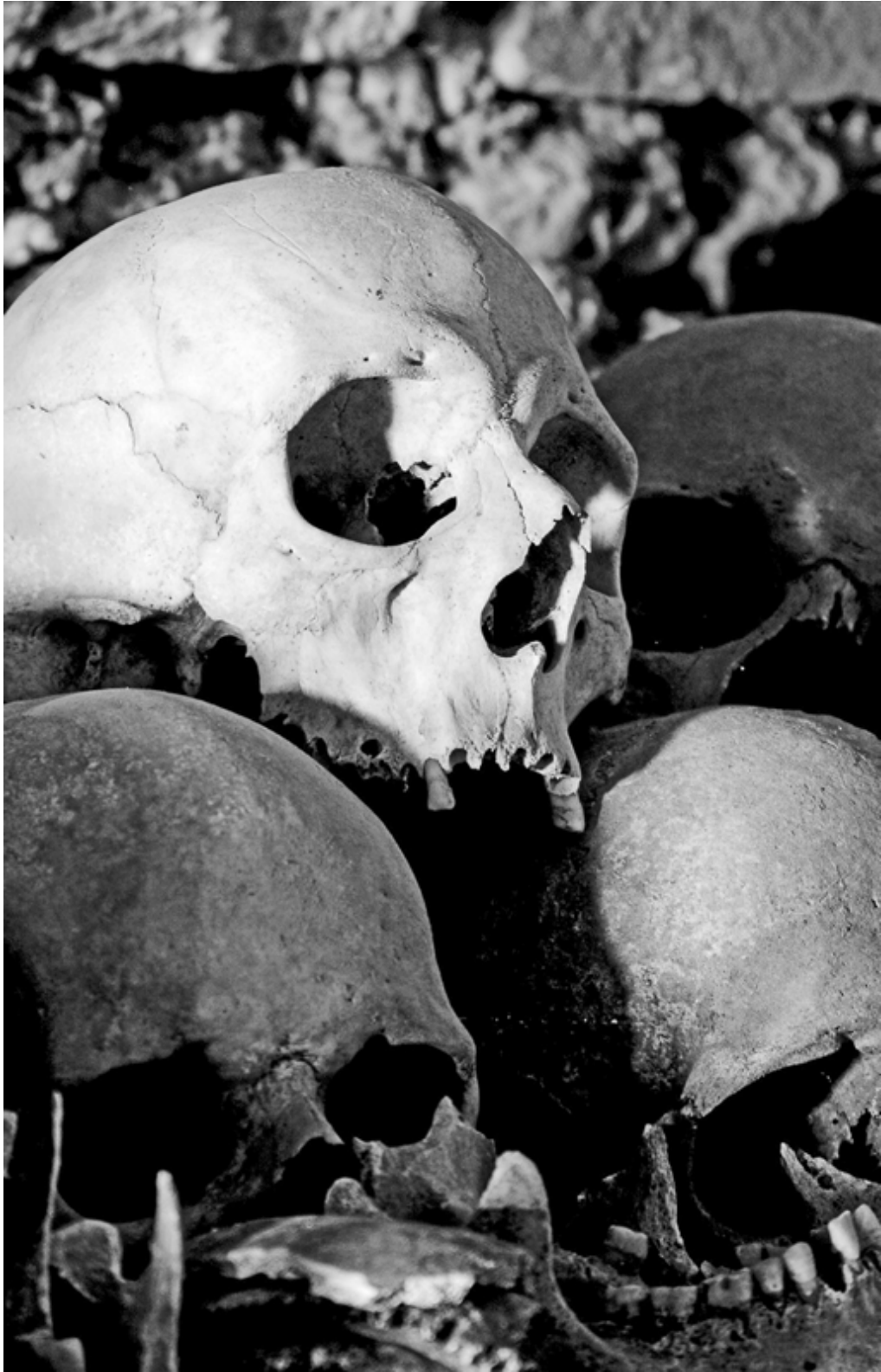
Серафимом звали основателя их монастыря.

А как зовут этого?..

Говорят, нельзя все поминать имя Бога. А можно ли все тревожить кости его святых?

Все ли я пришел сюда, или по делу? Я не всегда знаю, что мне нужно от живых, и еще реже – от мертвых.

Я просто прихожу и слушаю, и смотрю, и задаю миллион ненужных вопросов. Или только кажется, что ненужных...



Предыдущие поколения монахов Зарзмы. Костница монастыря

Какие-то ответы я помню, какие-то забыл. Забыл, например, как зовут монаха, чинившего решетку перед входом в склеп. Я никогда не знал его имени в миру, а монастырское казалось странным и не соответствующим.

Он был слишком живым. Слишком заразительно смеялся, сваривая автогеном решетку перед прошлой (и будущей) могилой.

И я забыл это имя, как забывают все, что не могут приспособить.

Так пусть будет – Серафим.

«Я пришел сюда из-за песни»

6:30 утра. Раздается klo-kochущий звук, как будто кто-то полощет горло лекарством – так грузинский монах очищает душу молитвой.

Молиться нужно натошак – утром кровь быстрее бежит по жилам и лекарство вернее достигает цели.

Однажды утром зайдя в трапезную, я с удивлением услышал, как кто-то поет по-итальянски арию из «Принцессы Турандот».

«Nessun Dorma!.. И пусть никто не уснет!.. Но секрет мой скрыт во мне, и никто не узнает мое имя... У твоих уст я произнесу его, и мой поцелуй развеет тишину, сделав тебя моей!»

Несколько голосов присоединяются к одинокому тенору, скрывшему свое прежнее имя под церковным – Дионисий.

«Никто не узнает его имени... И все мы должны, умереть, умереть!» – вступает за ним хор монахов.

Здесь все они – актеры, певцы, архитекторы, принявшие постриг и навсегда отказавшиеся от соблазнов мира.

«Nessun Dorma!.. Пусть никто не уснет!» – поет отец Дионисий, улыбаясь, вспоминая о чем-то своем.

И секрет его скрыт в нем, и никто никогда не узнает его тайну...

«Нет, я не собираюсь становиться монахом. Хотя, может быть, когда-нибудь и изменю свое мнение», – говорит шестнадцатилетний Лука, приехавший погостить в Зарзму на время летних каникул.

«А я пришел сюда из-за песни», – говорит его ровесник по имени Саба. Юный тбилисец собирается стать барабанщиком и проводит лето с людьми, которые знают толк в музыке.

Молодые грузины приезжают сюда на лето, чтобы осенью вернуться к обычной жизни.

К ноябрю дорога к перевалу будет закрыта, и до самой весны никто не придет в монастырь.

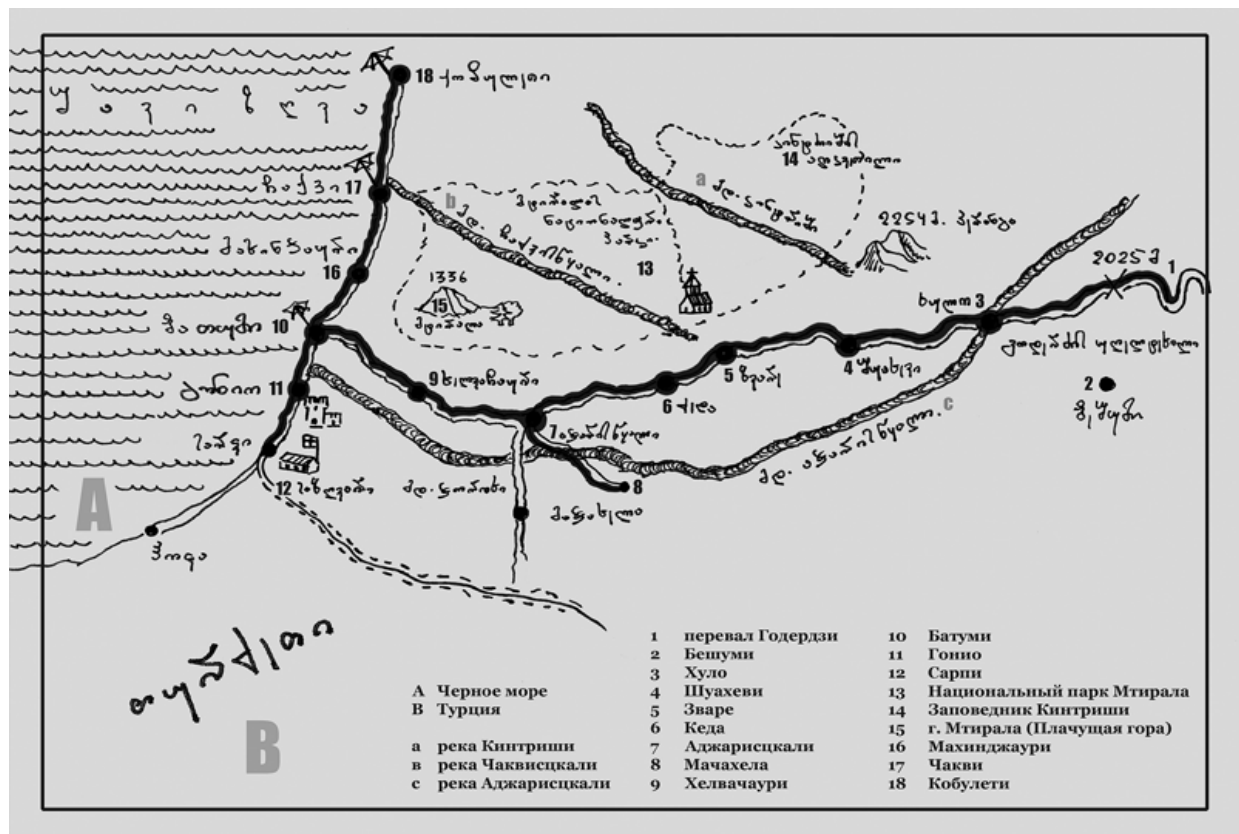
И пока монахи исполняют арию из знаменитой оперы, я вспоминаю Вардзию – этот «монастырь роз», все искусство и все тайны которого погибли столетия тому назад.

В тот момент я подумал: «Если дух Вардзии и остался жить где-нибудь в Грузии, это место – Зарзма!»

Маршрут 3

Через горную Аджарию в ущелье Мачахела

Волки, ружья и странное гостеприимство



Молоко Годердзи

«Географическая наука должна сознаться, что о некоторых частях турецкой Грузии она знает меньше, чем о внутренности Африки».

«Записки кавказского отдела Императорского русского

географического общества», Тифлис, 1876

Вы пробовали молоко с пастбищ Годердзи? А из него масло: нежное и сладкое, из свежих густых сливок, только что взбитое руками аджарских старух? Это масло здесь называют «каймаги».

А соленый, густой «нагбиборо» – несколько часов томившиеся в печи сметану и сыр, приготовленные тут же, на месте, из молока Годердзи?

Сытно, вязко, и ты сидишь, как приклеенный, с ужасом думая: «Как же было вкусно... Но разве можно теперь принять что-то еще?»

А вы пробовали туманы Годердзи?

Туманы, глотающие любой крик и любой свет?

Туманы, опускающиеся с приходом сумерек и обволакивающие вас, как вата, как губка, как молоко...

Так вот, если вы заблудились ночью на перевале Годердзи, постарайтесь как можно скорее добраться до дороги. Потому что тогда, может быть, вам повезет, и кто-нибудь из проезжающих подберет вас. (Ведь ни один местный житель, ни за какие коврижки не станет бродить там после захода солнца.) И не дай бог, оставшись там одному, услышать, как сквозь белое вязкое молоко доносится звук, приводящий в ужас любого аджарца. Потому что ночью на перевал выходят пастись волки Годердзи!

Первый мулла

Аджария – местность, о которой сотни лет в Европе не было известно практически ничего. Эту территорию путешественники XIX века называли Турецкой Грузией. Большая часть этих земель остается в руках турок по сей день.

Путешественники, вооруженные острым пером и трезвой головой, редко добирались сюда.

На первый взгляд, этот край кажется не настолько интересным, как знаменитые Сванетия и Хевсуретия, с их древними строениями и шекспировскими историями вековых вендетт.

Если там каждая башня повествует свою историю, то здесь рассказчики не так часто попадают в объектив... Не потому, что в Аджарии не хватает любопытных персонажей (их-то, как читатель вскоре убедится, как раз вдоволь). Дело в том, что в мире рекламных проспектов и узнаваемых брендов лицо Аджарии почти невозможно передать одним абзацем или одной фотокарточкой; к ней почти невозможно прикрепить ярлык.

В позапрошлом, галантном, веке у Аджарии была дурная слава края, полного разбойников.

Впрочем, путешествовавшая по Кавказу графиня Уварова защищает этот народ элегантно и даже несколько игриво:

«Об Аджарии и аджарцах весьма мало писали; серьезного исследования края и народа вовсе не существует, но взгляды и мнения о народе весьма различны: многие из местных служащих представляют их рыцарями чести, благородства и неустрашимой храбрости; другие называют их разбойниками и грабителями. Думаю, что оба мнения преувеличены и что аджарцы просто горный, неустрашимый народ, выросший среди неприступных гор; народ еще совершенно не испорченный цивилизацией, но который на своем веку перенес столько притеснений, набегов и войн, что он не может так скоро забыть прежних порядков и должен иногда поразбойничать, нападая на проезжих, угоня лошадей, умыкая невест».

В наши дни мне не доводилось встречать человека, рассказывавшего о горной Аджарии что-либо, кроме

невнятных слухов.

Этот малоизученный край начинается в нескольких километрах от монастыря Зарзма. Там, где близ перевала Годердзи, разносится зов первого муллы.

* * *

Где-то вдалеке едва уловимо, потом громче, прозвучал протяжный крик.

Я долго прислушивался и сначала не мог понять природу этого звука. Протяжный крик, похожий то ли на стон, то ли на зов, казался мне отдаленно знакомым. Сейчас он доносился слева, со стороны ущелья.

Затихал, потом звучал с новой силой.

Вдруг я узнал этот звук – так кричит мулла, созывая правоверных на молитву.

Здесь, в Грузии, я услышал его впервые. Застыв у кромки дороги, пытался разглядеть в ущелье силуэты минарета.

Но туманом так заволокло дорогу, что в десяти метрах не было видно ни зги, только слышно бубенцы коров и звук велосипедных шин, скользящих по камням.

Странное гостеприимство

Каменистый грунтовый спуск, начавшийся после перевала Годердзи, пришлось преодолевать под проливным дождем. Спустился с перевала мокрый с головы до пят, покрытый грязью настолько, что приобрел светло-коричневый оттенок, подобно цвету маскировочной формы солдат, ведущих боевые действия в пустыне.

Мое лицо тоже было сплошь покрыто слоем грязи. Протирать очки, залепленные густым раствором глины и коровьего помета, было невозможно, поэтому время от

времени приходилось отрывать одну руку от руля и указательным пальцем снимать грязь с правого стеклышка, а уже через несколько секунд проделывать ту же операцию с левым окуляром.

В таком виде я прибыл в городок Хуло воскресным июльским днем.

Весть о велосипедисте в естественном камуфляже, спрашивающем дорогу к гостинице, вероятно, обогнала меня, так как директор местной гостиницы уже ждал меня на пороге.

«У вас есть душ?» – первым делом спросил я.

Хозяин (звали его Дато) закивал, благожелательно улыбаясь.

«Горячий?..»

Он снова закивал, на этот раз торжественно.

«А еще мне нужен будет душ для этого парня», – я указал на велосипед.

Во взгляде Дато – недоумение.

«Кран. Кран во дворе есть?» – уточнил я, не желая с первой же минуты испытывать на этом человеке свое чувство юмора, в адекватности которого я сам иногда сомневаюсь.

«Кран там», – сказал хозяин, указывая пальцем в направлении двора.

После душа я рассчитывал провести вечер за ужином с представителем местного туристического департамента, который должен был рассказать обо всех достопримечательностях горной Аджарии.

В разговоре с этим специалистом меня в первую очередь интересовал лес окаменелостей, о котором столько говорили в Тбилиси.

«Там есть окаменелые деревья, и даже целые дома!» – утверждала знакомая экскурсовод, сама, правда, никогда не посещавшая эти края.

В столице подобная сомнительная осведомленность меня несколько не беспокоила; всю необходимую

информацию я рассчитывал получить уже на месте.

«Да, я в курсе дела... Приезжайте, расскажу все», – ответил по телефону человек, говоривший на идеальном английском.



Абхазцы за партией в нарды. Перевал Годердзи

Меня очень обнадежила новость о том, что местный туристический офис возглавляет не грузин, а американец: представитель нации по своей природе более организованной и прагматичной.

Стоило выбраться из душа, как служащий турдепартамента позвонил сам, сообщив, что ждет меня на площади перед гостиницей.

Переодевшись, я положил в карман блокнот, оставив в номере все остальные пожитки, и, заперев дверь на два замка, отправился на randevu.

Радужие хозяина, замки, а также присутствие представителя официальной туристической службы, прибывшего в Грузию в составе американских Peace Corps, развеяли малейшие сомнения в надежности этого места.

«Аджарцы (говорится в путеводителе, изданном в Тифлисе в конце XIX века) называют свое государство и свою религию татарскими. Из других народов они знают грузин, русских и френгов (европейцев). Первые олицетворяют христианскую религию, вторые – могущество, а третьи – мудрость».

Похоже, к этому моменту я уже успел перенять часть местных предрассудков, не слишком изменившихся со времен эпохи Великих географических открытий.

Американец Патрик (так звали туристического эксперта) ждал меня возле зеленого газика.

Это был молодой человек с едва определившимися усиками. Патрик вышел из машины на костылях – левая нога была в гипсе.

«Что ты знаешь об окаменелом лесе?» – спросил я после нескольких минут приветствий, разговора о погоде и прочих вещах, о которых приличествует говорить в первые минуты знакомства.

«Окаменелый лес? – переспросил Патрик. – Где это?»

Оказалось, за несколько месяцев в Грузии Патрик не только неплохо овладел грузинским языком, но и, к сожалению, заразился местным синдромом «разберемся на месте», явные признаки которого я уже обнаруживал и у себя.

Вчера, в разговоре по телефону, он не проявил и тени сомнения в том, что знает, где находится это место и как туда добраться. Видимо он решил, что раз гость уверенно спрашивает – значит, то, что он разыскивает,

наверняка существует, а раз существует – не составит труда отыскать его, наведя справки у местных жителей.

Первая сложность, с которой мы столкнулись, была лингвистического порядка.

Термин «окаменелый» не знаком большинству грузин, даже тем из них, кто хорошо владеет русским.

Поэтому слово, значения которого собеседник не знал, он принимал за другой эпитет, что-то вроде «очаровательный» или «зачарованный». А так как никто не хотел признаваться в том, что переводит, пользуясь лишь своим воображением, все кивали головами и указывали пальцами в сторону какого-нибудь леса в окрестностях. Стоит ли уточнять, что все они указывали в разные стороны...

Беседа с местными жителями происходила на русском языке, которого Патрик не знал. Разговор становился все более эмоциональным, особенно в те минуты, когда к нашему кружку присоединялся новый собеседник, и разговор прерывался репликой: «Откуда ты, брат?»

Когда выяснялось, что гость приехал из Киева, традиционно звучал следующий вопрос: «Как там Крещатик?»

Иногда собеседник в своих ностальгических воспоминаниях добирался до моей улицы, пытаясь найти там общих знакомых.

Ничего не понимающий Патрик наблюдал за происходящим с открытым ртом и время от времени просил переводить.

С не менее радостной интонацией, чем та, которую использовал в разговоре с окружившей нас толпой, я отвечал Патрику, что все идет замечательно, но никто из присутствующих не имеет ни малейшего понятия об окаменелом лесе.

Местные жители, догадавшись, наконец, что, несмотря на демонстрируемую радость от разговора, я

совершенно не удовлетворен их ответами, решили привлечь к участию в нашем клубе «Что? Где? Когда?» свежие силы.

«Хорошо, сейчас позовем Малхаза. Он там охотится. Он должен знать», – сказал один из них.

Малхаз говорил по-русски лучше других и, кажется, с первых слов понял, о чем речь.

«Это очень далеко. Нужно идти на лошадях, – сказал Малхаз. – Я достану лошадей, *араа проблема*, нет проблем... А пока ты остановишься у меня».

Покачав головой, я сообщил, что уже поселился в гостинице, и выселяться оттуда не собираюсь, однако с радостью поужинаю с ним, чтобы обсудить детали завтрашнего путешествия.

«Ты будешь жить у меня. Там и поговорим», – заявил Малхаз.

«Нет, дорогой, – улыбнулся я, – жить я у тебя не буду».

«Нет, будешь».

«Не буду».

«А я говорю – да».

Разговор становился все более трудным, и, чтобы выиграть время, пришлось изобразить отступление.

Обещать – не значит жениться, и я решил поступить как герой басни, в которой араб обещал шаху заставить своего ишака за двадцать лет вызубрить Коран. Ведь за это время обязательно что-нибудь изменится: или ишак сдохнет, или шах, или он сам.

В моем случае я решил потянуть время до завтра.

«Давай так – сегодня поживу у него, раз уж там поселился... А завтра – перееду к тебе. Договорились?»

Малхаз кивнул. Я уселся на переднее сиденье его машины, и мы подъехали к гостинице Дато.

Новоиспеченный гид выскочил из машины первым, подскочил к Дато и о чем-то заговорил с ним. Малхаз все делал как-то чересчур резко – курил, вел машину,

разговаривал, ходил. Отрывистость его движений с первых же минут начала раздражать даже меня – человека далеко не меланхолического склада.

Спустя несколько минут довольно оживленной беседы, которую с большой натяжкой можно было принять за дружескую и уж точно не назвать теплой, Малхаз торжествующе обернулся ко мне.

«Все, мы можем ехать – забирай вещи!»

«Погоди, я не хочу забирать вещи! Мы же договорились с тобой, по-моему?»

«Послушай, дорогой, зачем тебе жить в гостинице? Если можно у меня?» – Малхаз перешел на явно несвойственный ему увещательный тон.

«Зачем переезжать, Малхаз? Во-первых, я устал, во-вторых, мне лень и я не хочу опять собирать вещи».

(Вспомнив о том, в каком состоянии был оставлен душ в гостинице Дато, я почувствовал к хозяину отеля особенный прилив нежности.)

«Я не имею права уехать просто так...» – произнес я умоляюще, глядя на этот раз на Малхаза.

«Нет, не надо! – перебил Дато. – Забирай вещи и езжай к нему!»

Я посмотрел на него удивленно.

«Дато, в чем дело? Тебе что, не нужны деньги?»

Последний аргумент, как мне показалось, должен был возыметь волшебное действие на любого владельца гостиницы.

В этот момент в разговор вступил Малхаз, оживленно жестикулируя, снова принявшись что-то объяснять Дато.

Я уже знал, что позволить Малхазу разговаривать с Дато – значит расстроить чувства последнего и поставить под угрозу мои планы хранить вещи в безопасном месте.

«Хватит спорить! – воскликнул я. – Позвольте мне самому решать, где ночевать!»

Но ни один из них уже не видел меня...

Вокруг собралась небольшая толпа.

Все слушали молча, с сосредоточенным видом и без тени улыбки на лицах.

Я не знал, что делать, – смеяться или гневаться. Выбрав первое, попытался утихомирить спорщиков. Обняв обоих за плечи, сказал: «Дато, я остаюсь! Малхаз, мы поужинаем, а вечером я вернусь в отель... Думаю, никто не возражает?» – с последним вопросом я обратился уже только к Дато, так как мнение Малхаза было известно заранее.

Ответ казался совершенно очевидным. Как может директор гостиницы (на вид аккуратный, ухоженный пожилой грузин) отреагировать на доводы разума, которые, к тому же, сулят ему прибыль? Конечно же – согласием!

Но я ошибался...

«Давай сюда ключи!» – выпалил Дато.

«Как это – давай ключи?»

«Давай ключи и поезжай с ним», – безапелляционно заявил он, подчиняясь одному ему понятной логике.

В этот момент к нам подкатила полицейская машина с включенной, но беззвучной мигалкой.

Очевидно, кто-то из наблюдавших за перепалкой, не видя в происходящем ничего комичного, вызвал блюстителей порядка.

Малхаз и Дато сами подошли к окнам машины и начали что-то объяснять полицейским. После разговора, длившегося несколько минут, полицейские отправились восвояси.

Я решил, что появление людей в форме утихомирило двух спорщиков и грузинское гостеприимство возьмет верх над странными аджарскими традициями ревновать гостя к новым знакомым.

«Ну что ж, Дато...» – сказал я, глядя при этом на Малхаза и корча ему мины, которые должны были

означать: «Молчи сейчас, и тебе воздастся, будь оно неладно!!!»

«Что ж, Дато... я отойду ненадолго поговорить с этим человеком... И потом вернусь в отель».

«Давай ключи!» – донеслось в ответ.

«Черт побери! Я же ваш гость!» – пришлось пустить в ход самый железный из доводов.

Гость на востоке считается божественным посланником.

Произнести «Я гость» в Грузии все равно, что сказать «Это – твой долг» отступающему солдату или «Я – твой отец» отбившемуся от рук ребенку.

Гость на востоке считается божественным посланником. И Дато не мог не внять такому аргументу! Никогда раньше я не произносил ничего подобного вслух. Это был последний козырь.

Произнести «Я гость» в Грузии все равно, что сказать «Это – твой долг» отступающему солдату или «Я – твой отец» отбившемуся от рук ребенку. Бессмысленны и глупы те споры, в которых пускают в ход такие доводы...

И все же поскольку других у меня в запасе не было, я произнес: «Я – ваш гость!»

«Тогда – оставайся!» – воскликнул Дато, воздев руки к небу.

По правде говоря, я не ожидал от него мгновенной капитуляции. Оказывается, нужно было лишь напомнить кавказцу о его обязанностях – и самый бессмысленный конфликт разрешен!

Я обрадовался этой находке и решил, что сегодня же вечером напишу в своем дневнике главу под заголовком: «Как возвращать утраченное влияние на Кавказе». Но, забегаю вперед, скажу, что глава эта так и не была написана.

«Я остаюсь, Дато! Конечно... Я же с самого начала сказал, что никуда не переезжаю».

«Тогда иди в номер и отдыхай!» – закричал в ответ хозяин.

Я оторопел. Провести день и ночь взаперти в гостинице уездного городка Хуло, так же, как переезжать в дом незнакомого Малхаза, не входило в мои планы.

Я покачал головой.

И тут случилось то, что окончательно привело меня в состояние шока. Дато схватил меня за руку и попытался вытащить из машины.

В этот момент самообладание окончательно оставило меня и я начал грязно ругаться на единственно известном всем окружающим языке – русском.

К своему стыду (а правильней сказать – по опрометчивости) я даже употребил несколько выражений, содержащих слово «мать», произносить которые на Кавказе ни в коем случае нельзя.

Тираду эту закончил сообщением, что переезжать никуда не намерен, но и сидеть в комнате под замком не собираюсь. И что, нравится это им обоим или нет, но все будет именно так!

С этими словами я зашагал прочь, решив оторваться от этой парочки и поискать вместо Малхаза менее навязчивого гида.

Однако не успел я пройти и десяти шагов, как услышал позади себя отчаянный крик.

Обернувшись, увидел бегущего к двери моей комнаты Дато и Малхаза, мчавшегося за ним.

В руках у хозяина была отвертка и еще какой-то предмет. Как оказалось – сердцевина английского замка.

Видимо, Дато решил: раз ему не удалось запереть меня в комнате – теперь он не позволит мне переступить порог.

Стало ясно: дальнейшие препирательства бесполезны и если я не хочу, чтобы мои вещи оказались на улице, мне придется ехать с новым гидом.

«Что все это значит?» – спросил я у Малхаза, когда мы вернулись к нему в машину. Мои вещи были уже сложены в багажник.

«Мусульманин, – ответил тот. – Но не бойся, брат. Теперь все будет в порядке. Ты едешь в дом к твоему брату-христианину».

«Я не сомневаюсь, Малхаз, что все будет в порядке...»

После того, как весь город Хуло, американский подданный Патрик и два офицера грузинской патрульной службы видели, что я направляюсь в дом к Малхазу, я действительно уже не сомневался, что все будет ОК.

«И все-таки. Ты можешь объяснить мне, что произошло?»

«Вообще-то он очень хороший парень. Он мне как брат. Но он – мусульманин».

«И что? Он боялся, что мы с тобой съедим свинину, и, вернувшись к нему в гостиницу, я оскверню его заведение?»

«Вообще-то ему позвонили, откуда следует», – тихо сказал мой собеседник.

«Откуда позвонили?»

«Ему позвонили и сказали, что раз у него останавливается турист, ему следует присмотреть за ним, чтобы все было в порядке».

«Вот оно что, – подумал я, – значит, Дато боялся отпускать меня с Малхазом, опасаясь, что у него (следовательно, у меня) могут возникнуть проблемы». При этом Дато совершенно не позаботился о том, чтобы поставить в известность гостя.

Я ехал в машине, время от времени косясь на своего спутника и пытаюсь прочитать на его лице, какие

опасности могут подстерегать меня.

Лицо Малхаза, с приплюснутым, кривым носом боксера и несколькими шрамами, говорило само за себя.

Первый же день в Аджарии сулил приключения, чему я, по правде говоря, не слишком обрадовался.

Сокровище царицы Тamar

Мы договорились, что с утра Малхаз отправится на поиски лошадей, а затем мы вместе выедем в направлении окаменелого леса.

Его «я все устрою!» прозвучало не слишком убедительно.

Малхаз вел дела довольно своеобразным образом: сначала он говорил, что не возьмет с меня ни копейки; потом просил дать займы двадцать лари, которые, клянясь всеми святыми, обещал вернуть... Через минуту просил прощения, что у него дома закончилась чача, и снова куда-то убегал.

В конце концов стало ясно, что у Малхаза нет денег, чтобы принять гостя по всем правилам аджарского гостеприимства, но отказать себе в этом удовольствии – выше его сил.

Любопытно, как в одном человеке может сочетаться прагматизм, хитрость, мистицизм и фанатичная преданность традиции.

Таким был Малхаз: он мог самозабвенно божиться, тут же откровенно обманывать, крестясь на церковь, а через минуту рассказывать о злых духах, обитающих в пещере неподалеку...

Причем все это он делал совершенно искренне.

Вскоре я понял, что дело тут не в одном Малхазе.

В Аджарии до сих пор убеждены в существовании заклятых мест, откуда нет возврата.

Похоже, горная Аджария – это место, где собраны все предрассудки и суеверия Кавказа.

Например, в путеводителе по «Турецкой Грузии», изданном в Тифлисе в 1876 году, сказано, что местные жители верили, что в горах по соседству с Хуло есть скала, за которую когда-то привязывали корабли. Видимо, аджарцы считали, что их земли не так давно поднялись со дна морского.

Если в Восточной Грузии до начала XX века верили в дэвов (огромных волосатых чудищ, способных отламывать куски скал и швыряться ими), то в Аджарии до сих пор убеждены в существовании заклятых мест, откуда нет возврата.

При всех недостатках, мой новый знакомый оказался интересным собеседником.

Первая же история касалась злых духов.

«Есть тут одно место...» – начал он после паузы и рассказал о пещерах Куштурис Хиди, где согласно одной из легенд, скрыт клад царицы Тамары.

Несколько лет назад туда отправилась экспедиция, организованная охотниками за древностями.

«Их было трое. С экипировкой, с оружием... Они не вернулись, и экспедиция отправилась за ними. Двоих не нашли, а одного достали совсем дурным. Таким, знаешь...» – С этими словами Малхаз скорчился в странной позе; так в детской игре «крокодил» изображают слово «скрюченный».

«А что они там увидели?» – спросил я.

«А кто его знает? Этот (он изобразил единственного выжившего) ничего не мог рассказать».

«Ну что, пойдем туда, после того, как найдем окаменелый лес?» – спросил я.

Надо сказать, что в тот вечер мы напились, как черти, и я готов был идти на экскурсию хоть в самую преисподнюю.

«Когда мне совсем жизнь надоест, может быть, тогда пойду туда... Запомни – Куштурис Хиди, – это значит „Куштурский мост“. Там меня найдут, когда для меня здесь совсем ничего не останется...»

Последнее, что запомнилось в тот вечер, это то, как мой гид, в очередной раз испросив небольшой кредит, вернулся с бутылкой чачи, а я брал у него урок местного разговорного языка.

Уроки аджарского (слова и выражения, необходимые в пути)

«Мугам» с гортанным «г», чем-то средним «г» и «р» – означает суть вещей, самую важную и вкусную подробность. «Мугам» – это и линия горизонта, ставшая особенно различимой в вечернем свете, и силуэт женщины, сидящей напротив закатного солнца и кажущейся красивой, даже если ты не знаешь этого наверняка. «Мугам» – это поданная на стол мелкая жареная рыбешка, неожиданно оказавшаяся вкуснее всех других, даже более изысканных, блюд.

«Баро» (по-армянски «привет») используется и в Аджарии.

«Саголь» (с фр. «р») – по-турецки означает «Молодец, спасибо!» Например, если аджарец попросит у вас сигарету и произнесет «саголь», это будет означать: «Молодец, что у тебя есть сигареты, и спасибо, что дал их мне».

«Али Хóджа Хóджа Али» – турецкое выражение, означающее «один черт».

«Вихот эрт ханс» — гурийское выражение, которое понимают и в Батуми. Переводится как «Да будем мы сто лет вместе», но на самом деле означает: «Давай-ка посидим за столом еще чуть-чуть»

«Аранда раранда кнаа да» – по-аджарски «А делать, делать-то что?»

Хуло и окрестности

Утром, проснувшись, я обнаружил, что в доме никого нет.

Я надеялся, что Малхаз, как мы и договорились вечером, вот-вот вернется, ведя под уздцы двух лошадей.

Чтобы скоротать время, приступил к чтению информационных сводок об этих местах.

Меня позабавило, как в заметках графини Уваровой были описаны аджарские тракты: *«Трудно поверить, что местность и дороги эти еще на памяти у многих туземцев носили по своей неприступности название „джиодохета“ (джоджохета. – Прим. автора) или ада...»*

В путеводителе позапрошлого века содержалось не менее живописное описание: *«Что это за чудовище – дорога! Лошадь должна шагать через пудовые камни, нагроможденные по полотну, имеющему два шага ширины при невероятной крутизне спуска и, вдобавок, над глубоким обрывом».*

Забегая вперед, скажу, что эта ухабистая грунтовка заканчивается в Хуло; вниз, до самого Батуми, ведет уже идеально ровная, гладкая трасса.

Неподалеку от Хуло, в поселке Бешуми, находится один из лучших курортов для людей, страдающих заболеваниями дыхательных путей.

Там же из молока коров (которых я после бесконечных рассказов аджарцев о целебных свойствах местного воздуха прозвал «коровами, которые никогда не чихают») готовят чрезвычайно вкусное масло.

Животноводство здесь – главный источник дохода. Как и все крестьяне альпийских климатических зон, жители горной Аджарии проводят летние месяцы в горах, выпасая скот и заготавливая масло и сыр. По

крайней мере те, кто не переехал в город Хуло и не обзавелся автотранспортом. Последние промышляют извозом и туристическим бизнесом, о способах ведения которого читатель уже мог составить определенное впечатление...

Когда Малхаз наконец появился на пороге, было уже далеко за полдень.

Он был весь измазан мазутом и никаких лошадей не привел. Более того – он забыл, или сделал вид, что забыл, о нашем вчерашнем разговоре.

Когда я задал вопрос об окаменелом лесе, мой гид сделал большие глаза: «Я вырос в тех местах, но ничего не знаю об этом», – заявил он, как ни в чем не бывало.

«Как – не знаешь?»

«Никогда не слышал об этом».

План найти лес окаменелостей потерпел фиаско: вчерашний опыт показал, что никто из местных жителей, а также приглашенный из США специалист по туризму ничего не знают о местонахождении этой достопримечательности.

Я был чертовски зол на своего гида за то, что он обманул меня, и собирался высказать все, что я о нем думаю.

В этот момент зазвонил телефон, и обманщик поднял трубку.

«Хочешь вернуться на Годердзи?» – вдруг спросил он.

«Что я там забыл?» – переспросил я раздраженно.

«А что ты там видел?» – парировал Малхаз.

Он был прав.

Вчера, проезжая сквозь туман и пелену дождя, я мог смотреть только на дорогу.

Я действительно не видел Годердзи, теперь же у меня появился шанс посмотреть на него при солнечном свете.

«Поехали!» – крикнул водитель, будто прочитав мои мысли.

Ссориться с ним не имело смысла и, подумав, я решил сменить гнев на милость.

«Ты же понимаешь, что меня интересуют не развалины или пейзажи, а скорее...»

«Да, я уже знаю о тебе, – перебил Малхаз. – Ты собираешь всякие предметы».

«Предметы?»

«Да, предметы. Природные и человеческие. Я обещаю, что тебе сегодня будет за чем понаблюдать».

Цель визита в горы состояла в следующем: подобрать его друзей Бадри и Гио, которые отправились ремонтировать машину, застрявшую где-то в районе перевала, и желающих выбраться оттуда засветло.

Охота на волков

Достигли перевала с началом сумерек. Крохотная лампочка горела за закрытыми ставнями придорожного магазина, название которого переводится как «Приходи и посмотри».

Ассортимент лавчонки (джинсы, спички, гвозди, хозяйственное мыло и шоколадные конфеты) вряд ли представляет интерес для туриста – зато ее хозяин готовит отличный кофе по-турецки.

Правда, в этот час здесь некому было сказать «салям» – все окна и двери наглухо задраены, и только в одном месте между ставнями пробивался свет.

На стук в дверь никто не отозвался – хозяин не считал нужным прерывать свой отдых из-за посетителей, оказавшихся на его пороге в неурочный час.

Малхаз остановил машину возле указателя «Перевал Годердзи».

Именно здесь Бадри и Гио свернули с дороги.

Человек, автомобиль которого они чинили, предусмотрительно решил переночевать в машине, в то время как ремонтная бригада, отметив удачное завершение дела изрядным возлиянием, отправилась пешком в сторону трассы.

Туман постепенно заволакивал все вокруг.

«Мы идем. Мы не знаем, когда будем на месте, но мы идем. Ждите нас!» – кричал по телефону Гио, с трудом скрывая волнение.

Влажная, густая, зябкая ночь спускалась на Годердзи.

Из телефонных переговоров мы знали, что друзья Малхаза не заблудились, но идут очень медленно. Во-первых – из-за тумана, во-вторых – потому что пьяны.

Я спросил, не является ли их состояние преимуществом – ведь считается, что собаки не нападают на пьяных, так что, может быть, эта нелюбовь распространяется и на волков?

Здесь вполне безопасно днем, и случаи нападения волков зафиксированы лишь в зимние месяцы. В то же время каждый аджарец знает – в любое время года не стоит ходить ночью одному в районе перевала Годердзи.

Малхаз о таком не слышал, зато вспомнил историю, как зимой в одном из сел неподалеку двое аджарцев гнали чачу.

Была ночь, и они, чтобы не тревожить домочадцев, перебрались со змеевиками, канистрами и прочим снаряжением на свежий воздух.

Горячая чача – не самый изысканный напиток, но пьется легко, если не вдыхать свежие пары. В противном же случае опьянение наступает мгновенно, и его последствия могут быть непредсказуемыми.

Неизвестно, как именно пили эти двое, но они мгновенно протрезвели, когда пришлось спастись от волка, пришедшего «на огонек».

Эта история не должна отпугнуть туристов – здесь вполне безопасно днем, и случаи нападения волков зафиксированы лишь в зимние месяцы. В то же время каждый аджарец знает – в любое время года не стоит ходить ночью одному в районе перевала Годердзи.

Озябнув и протрезвев, ребята решили, что безопаснее будет вернуться назад и переночевать в машине. Но тропы, по которой они шли, уже нельзя было разглядеть в тумане.

Они так испугались, что даже предприняли попытку забраться на столб. Если бы у них были с собой альпинистские кошки и веревки, они, возможно, так и сделали бы. Но у них была только чача и разряжающийся мобильный телефон.

К счастью, они успели выйти на колею, проложенную лесовозами и другими тяжелыми грузовиками. Теперь им не оставалось ничего другого, как идти вперед.

Спасательная экспедиция в лице охотника Малхаза и вашего покорного слуги была экипирована несколько лучше. В нашем распоряжении был спелеологический фонарик и перочинный нож. Не бог весть какая защита, но все-таки лучше, чем ничего. Еще одним нашим преимуществом было то, что мы были трезвы. Впрочем, неизвестно, можно ли считать это преимуществом...

Мы попытались выехать к ним навстречу – но через несколько сот метров седан начал буксовать.

Каждые несколько минут я выходил из машины, чтобы прокричать что мочи «Гио!», а Малхаз включал фары и гудел в клаксон. Ответа не было.

Когда эта парочка наконец вынырнула из тумана, размахивая руками и радостно матерясь, было уже около полуночи.

Еще одна бутылка чачи, которая предназначалась нам в качестве вознаграждения за ожидание, была выпита ими по дороге – «для храбрости».

Под звуки заунывной, но завораживающей арабской музыки, кричавшей в динамиках машины, мы отправились домой.

В свете фар прошмыгнул лисенок. Охотничий инстинкт никогда не изменял Малхазу, и, заметив за следующим поворотом зайца, он поддал газу. Ему почти удалось настигнуть животное, когда заяц лег на другой галс и нырнул в чащу.

Через несколько минут по правую руку что-то промелькнуло, но я не успел рассмотреть, что именно. Собака? Камень?

«Ты видел шакала?» – спросил Малхаз.

«Я видел собаку».

«Это был шакал», – сказал мой спутник.

Самсмело – так называется лес, начинающийся в нескольких километрах от Годердзи.

Это как раз то место, куда, как говорят местные жители, не стоит ходить самому.

Когда мы подвезли Гио к дому, было уже далеко за полночь, но никто из домочадцев не спал, тревожась за мужа, внука и отца.

Я ожидал, что женщины будут возмущаться, плакать или браниться, как часто делают в таких случаях славянские жены. Но в доме у Гио все было готово к празднику.

Еще бы – ведь если не искать виновных, а просто радоваться тому, что все обошлось, то Гио и Бадри сегодня – настоящие герои дня.

И совершенно не важно, что они сами, напившись посреди рабочего дня и не рассчитав время, подвергли себя опасности. Важно, что они помогли другу и благополучно вернулись домой, не пропустив хорошей выпивки.

«Гаумарджос, Гио! – престарелый отец встал, произнося тост. – За твое счастливое возвращение!»

«Гаумарджос, мамии!»^[2] – воскликнул Гио – Я молил Святого Георгия, чтобы все было хорошо... и вот я вернулся!»

«За Святого Георгия!» – радостно вторил старик.

«Спасибо, что видишь меня!»

Через пять километров спуска заложило уши от перепада высот.

«Спасибо, что видишь меня», – говорю это вслух каждому, несущемуся по встречной.

«Слава богу, что увидел меня», – говорю вслух, когда мы уже благополучно разминулись, и каждый едет дальше своей дорогой.

В то утро в горной Аджарии мне очень повезло.

Разогнавшись и выскочив на встречную, я успел вернуться на свою полосу прежде, чем доставил неприятности водителю.

«Спасибо, что увидел меня», – сказал на этот раз не я, а тот, другой, мчавшийся лоб в лоб.

В этой стране турист всегда прав, поэтому, отдышавшись, стоя на обочине, я поблагодарил Бога в первую очередь не за себя, а за шофера, чуть было не нажившего себе крупные неприятности из-за моей халатности.

Однажды в Грузии я услышал историю, удивительно подходящую к этому случаю.

Какой-то грузин ехал в машине по трассе и очень спешил. По дороге увидел священника, идущего в том же направлении и подававшего знаки проезжающим машинам с просьбой подвезти.

Отреагировав через несколько секунд (герой этой истории мчался по дороге с огромной скоростью), он резко сдал назад.

Они продолжали путь вдвоем, и человек за рулем поддал газу, чтобы наверстать потерянные только что несколько драгоценных секунд.

«А знаешь, сын мой, – сказал священник после нескольких минут такой езды, – мне кажется, что у машины нашего ангела-хранителя не такой мощный двигатель, как у твоей».

«И что из этого?» – спросил водитель, занятый своими мыслями.

«А то, что он может не поспеть за нами...»

Водитель, наконец понявший смысл этой короткой проповеди, сбросил скорость до ста.

«А так, отче? Как вы думаете, так он успеет?» – улыбнулся он.

«Ну, так у него уже больше шансов», – ответил священник.

«Из Хуло в Кедах»

Покинув Хуло, я направлялся в небольшое село Кеда, лежащее на пути в Батуми, чтобы встретиться там с отпрыском княжеской фамилии Шервашидзе – одного из самых интересных грузинских семейств, представители которого некогда правили Абхазией, были в разное время и христианами и мусульманами, воевали с русскими и заключали с ними мир, бежали из родной страны и возвращались назад...

К дому Шота из рода Шервашидзе мог указать дорогу каждый встречный.

Узнав о том, к кому я еду, лавочницы наперебой предлагали угостить кофе, отказываясь брать за это какую-либо мзду.

Один из мужчин, сидевший на бирже (так в Грузии называют место заседаний сельской элиты в часы сиесты, часто продолжающейся с утра и до поздней ночи), вызвался проводить меня.

Шота Шервашидзе считался лучшим в округе специалистом по местной истории и этнографии, так что после босяцкой романтики Хуло я спешил к нему, по выражению одного популярного поэта, «за музыкой и словом».

Шутки старого князя

Забавный человек, этот Шота Шервашидзе. Восседая на своем стуле как истинный патриарх, старик почти ничего не слышит, но у этой слабости есть своя прелесть – он и так знает почти все, что у него хотят спросить, и безошибочно дает ответы на большинство вопросов.

Некоторые подбрасываемые домочадцами «задачи», наверняка способные поставить в тупик кого-то другого, только забавляют старого князя.

Например, внук спрашивает у деда: «Дедушка, у тебя есть е-мейл?»

«Е-мейл? А-ха-ха! есть ли у меня е-мейл!» – хохочет Шота, не затрудняясь произносить ни «да» ни «нет», будто сама комичность формулировки уже заключает в себе ответ.

Часто он смеется, на первый взгляд, без малейшего повода.

«Отца расстреляли в 36-м. Маленькая дочка осталась в поле. Если бы не соседи – умерла бы там же... А-ха-ха!»

Во всем остальном Шота не проявляет признаков безумия, но почему он все время смеется?.. И над смешным, и над страшным?

В конце концов я начинаю понимать...

Старик смеется над тем, что гротескно, что не подлежит логическому объяснению. И не важно, как это видят другие.

Наверное, с годами все страшное, комичное и абсурдное, перемешавшись, сплавившись в одном котелке, становится одинаково забавным.

«Теория марксизма-ленинизма... как умно написано! Как тонко! Читаю – и плакать хочется... Хорошо! А-ха-ха!» – заливается смехом старый князь.

С годами все страшное, комичное и абсурдное, перемешавшись, сплавившись в одном котелке, становится одинаково забавным.

«Кдемо мосилеба», или Секреты грузинской привлекательности

Прежде, чем продолжить рассказ о горной Аджарии, стоит посвятить читателя в некоторые вопросы, связанные с тонкостями грузинского языка. (В задачу этого путеводителя не входит конкурировать с разговорниками, подготовленными профессиональными лингвистами; наша цель – лучше раскрыть национальный характер и передать колорит.)

«Ты знаешь, каковы три главных критерии, по которым оценивают грузинскую женщину?» – спросила меня как-то однажды в Тбилиси Тамуна, прозванная нами «царицей Тамар»..

Я покачал головой.

Сидящие за столом рассмеялись в предвкушении веселого разговора.

Гоча застыл, всем своим видом демонстрируя невозмутимость и всезнайство сфинкса.

«Грузинская женщина, если можно так выразиться, состоит из трех достоинств... – продолжала наша царица. – „**Нази**“ – значит нежный, „**ламази**“ – красивый. И третье – „**кдемо мосилеба**“.»

Она задумалась на секунду, пытаясь передать значение этого эпитета.

«А как переводится кдемо мосилеба?» – спросил я.

«Может быть – грациозная?.. Нет, этого мало», – тут же исправила себя хозяйка.

«*Кдемо мосилеба*, – вмешался Гоча, – это целый комплекс понятий... Не только грациозная, но еще и безгрешная, девственная и немножко наивная. Помнишь этот грузинский танец, когда мужчина выходит на сцену, как орел, а вокруг кругами, потупив взор, гордо подняв голову и распрямив плечи, не просто движется, а парит черноволосая красавица? Вот это и есть самое настоящее *кдемо мосилеба*».

«Да, сейчас редко встретишь *кдемо мосилеба*, – задумчиво пробормотал я. – В сочетании, к тому же, с *нази* и *ламази*».

И после этого я рассказал им историю, которую услышал от Шота Шервашидзе.

История Асланбека и волшебной Хаснижан

Мечети, березы, пальмы на склонах, поросших хвойными.

Аджария – это смесь смесей. Сплав из персидских, турецких и колхидских родов. Грузинские фамилии, а перед ними имена, писанные арабской вязью.

Как на старинных монетах лица императоров и цезарей с затертыми временем скулами и носами становятся похожими на Великих Моголов... Так и предки благородных аджарцев, крещенные святой Нино, а потом обращенные в ислам, и снова возвратившиеся к вере прапрадедов, предстают на старинных портретах в ореоле славы, а у их внуков давно уже другие, раскосые глаза. Вот что такое аджарская кровь, да простят мне эту поэтическую вольность исследователи генетики и древних корней.

Однако вернемся к истории женщины с идеальным *кдемо мосилеба*. Ни одна семейная легенда, услышанная в Грузии, не вызывала еще у меня такого умиления и восторга.

Дело было здесь, неподалеку от села Кеда, лет двести назад.

Некий Асланбек Шервашидзе (прадед Шота) женился на Фатиме из рода Авалиани (сванский род, с ныне здравствующими представителями которого мы вскоре познакомимся).

Не успев принести Асланбеку первенца, Фатима заболела тяжелой и неизлечимой болезнью – была парализована, и ни один лекарь не брался за ее лечение.

Однажды Асланбек, состоявший на службе у турецкого султана, отправился с посольством в Сирию. Там, во время пира, устроенного в честь турецко-грузинской делегации, увидел девушку, от которой не мог отвести глаз.

Ее звали Хаснижан, и, если верить рассказу Шота, грузин с первого взгляда оценил, что Хаснижан была именно *нази, ламази и кдемо носили*.

Родители Хаснижан, увидев, до какой степени она понравилась гостю, поинтересовались, есть ли у Асланбека жена.

Тот признался, что жена у него есть, но она больна и не может родить детей.

На семейном совете было решено, что это обстоятельство не должно препятствовать счастью Асланбека, и вскоре юную красавицу отправили в Аджарию в сопровождении каравана из 16 верблюдов, груженных богатым приданым.

Войдя в дом мужа, Хаснижан (в браке звавшаяся уже Хатиджи-ханум) увидела в окне неподвижно сидевшую женщину, пристально разглядывавшую ее.

Сирийская девушка была наделена недюжинной выдержкой и силой воли. В чужой стране, никого не зная, войдя в незнакомый дом, где теперь ей предстояло провести всю жизнь, она столкнулась взглядом с прежней хозяйкой. Неподвижная и бледная, та смотрела на нее не отрываясь.

«Кто это?» – спросила вновь прибывшая у домочадцев.

«Это первая жена нашего господина», – последовал ответ.

«Я хочу посмотреть поближе!..» – сказала Хаснижан.

И новая жена (с позволения читателя я продолжу называть ее девичьим именем, которое кажется мне восхитительным) попросила проводить ее в покои больной.

Родственники Асланбека не замедлили выполнить просьбу.

Хаснижан оказалась не только красивой и нежной, но и удивительно человеческой особой, получившей, к тому же, великолепное медицинское образование.

С помощью рецептов дамасских лекарей она принялась лечить Фатиму-ханум. Лечение было так успешно, что спустя полгода та встала на ноги.

Асланбек (чей поступок в этой ситуации свидетельствует о том, что он не зря занимал ответственные посты и принимал участие в дипломатических миссиях) собрал домочадцев и огласил свое решение: сохраняя брак с чудесно исцеленной первой женой, он, разумеется, не отказывается и от Хаснижан.

Две жены Асланбека родили ему 13 детей.

Одну из дочерей (и говорят – самую избалованную отцовской нежностью) Асланбек назвал Хатиджи-ханум – в честь своей дамасской волшебницы.

* * *

«Как переводится Хаснижан?» – За завтраком я не спросил, прокричал на ухо Шота.

(Этот вопрос не входил в перечень тех, которые хозяин дома постоянно слышал от домочадцев, так что

на этот раз его интуиции и умения читать по губам оказалось недостаточно.)

«Хаснижан... – задумался старик. – Хаснижан по-арабски – прекрасная!»

Испанская Грузия, или Грузинская Испания

Растительность вокруг становилась гуще, цвета – насыщенней. Из альпийской зоны мы спускаемся в субтропики.

Среди сосен все чаще попадаются пальмы. Казалось, вот-вот, за следующим поворотом покажется море.

Проезжая мимо поселков, я обратил внимание на государственные учреждения: повсюду рядом с грузинским флагом развевается и флаг Аджарии – бело-голубое полосатое полотнище с уменьшенной копией грузинского флага в левом верхнем углу. Это – пережиток времен, когда Аджария формально входила в состав Грузии, а по сути, была феодальным княжеством Аслана Абашидзе.

Еще одна неожиданная особенность местной архитектуры – маленькие домики, стоящие на сваях и похожие на сказочные избушки на курьих ножках. Сооружения выполняют функции миниатюрных амбаров. Алюминиевые миски, прикрепленные к сваям, препятствуют проникновению грызунов.



Амбары для зерна в ущелье Мачахела (Аджария)

Это описание приведено не для пропаганды грузинского ноу-хау в ведении сельского хозяйства. Дело в том, что строительство таких амбаров – одна из многих особенностей, объединяющих грузин с другим горным народом.

Испания. Страна вина, корриды и баскских сепаратистов.

Именно баски по множеству признаков оказались похожими на грузин.

В античные времена версия иберийского происхождения грузин (и, наоборот, грузинского происхождения испанцев) рассматривалась вполне серьезно.

Так, Плиний писал, что западные Иверийцы или Испанцы – суть переселенцы из Азийской Иверии (т. е. современной Грузии).

У Страбона читаем: *«Золотые рудники находятся в Иверии азиатской, так же, как и в европейской Иверии,*

не от того ли обе они получили одинаковые названия?»

Грузинским философам многие века не давал покоя этот вопрос. Например, некий «епископ Мцкетский Тимофей» в статье, опубликованной в одном из номеров «Закавказского вестника» в 1852 году, ведет беседу о том, почему испанцы называются грузинами, и приводит (правда, ничем не подтвержденные) сведения, что *«еще во времена Александра Македонского множество испанцев пришло в Грузию, а со временем, когда она была опустошена, цари и славные из их фамилий опять переселились в Испанию».*

В середине 90-х годов прошлого века тбилисские генетики всерьез изучали вопрос общности басков и грузин, рассматривая возможность их происхождения от общего предка, а лингвисты и этнографы до сих пор находят в языке и традициях двух народов много сходных черт.

Дальше будут ружья

Ущелье Мачахела мои друзья окрестили «ущельем ружей». По мне, более уместным было бы название «ущелье мостов».

Нигде больше в Грузии нет такого разнообразия этих инженерных сооружений!

Удивительный деревянный мост через Аджарисцкали, старинные каменные арочные мосты, постройку которых приписывают царице Тамар.

Любопытно, что ни один из русских путешественников никогда не бывал в этих местах; в их материалах я не нашел упоминания об этой крайней юго-западной точке страны.

Свернув с основной трассы возле маленькой церквушки села Аджарисцкали, я снова оказался на ухабистой грунтовке, ведущей в гору.

Мне не удалось найти в Тбилиси детальной карты этого места, поэтому единственным средством получения информации были местные жители.

Надо сказать, что грузинские старики знают наизусть расстояния между населенными пунктами и могут с точностью до километра сказать, какая часть дороги приходится на подъем, а какая на спуск.

Например, спросив у такого старца расстояние, непременно получите исчерпывающий ответ: «16 километров».

«А сколько на подъем?» – с надеждой спросит запыхавшийся велосипедист.

«Километра два», – отвечает грузинский старик.

С первого раза трудно поверить в такую точность, но на проверку этот прогноз оказывается верным.

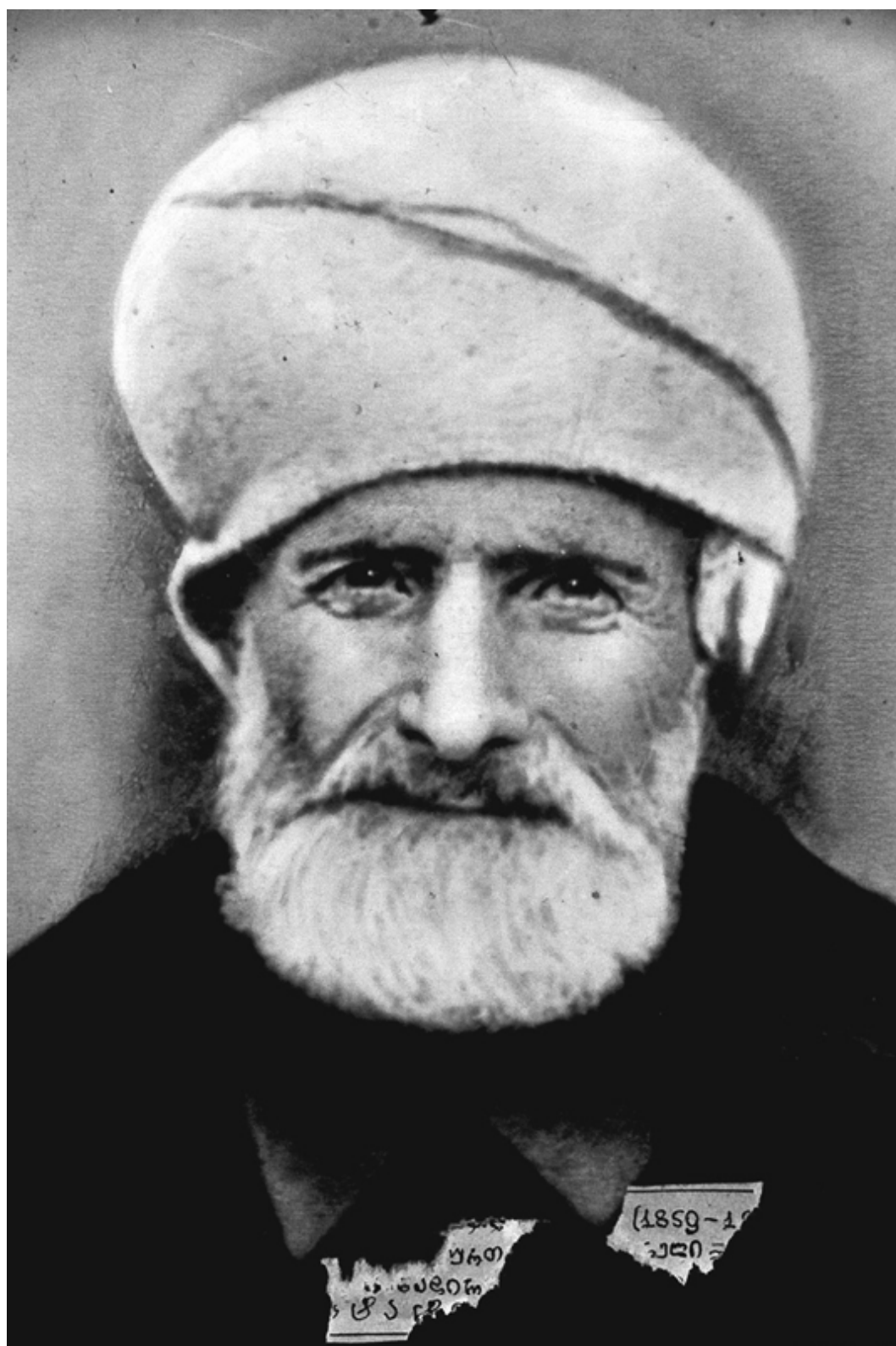
Молодежь же, напротив, склонна оперировать абстрактными понятиями: «далеко» или «очень далеко». Не говоря уже о том, что мало кого заботит, подъем или спуск предстоит впереди...

Теперь я находился в самом сердце Мачахела и всего в трех километрах от границы с Турцией.

«Мачахела - не хачапури. Мачахела - это ствол»

Эта местность известна как родина длинноствольного мушкета, оснащенного восьмигранным дулом, славившегося своей дальнобойностью в Средние века.

Для менее просвещенных, Мачахела – родина хачапури по-аджарски, которое готовят с топленым сыром и целым желтком.



Эшреп Нагервадзе – последний оружейник ущелья Мачахела

Наконец я добрался до цели моего путешествия – старой мечети, во времена советской власти переоборудованной в музей.

Музей был пуст – только крупные серые ящерицы носились по крыльцу, взбираясь на облупившиеся деревянные ставни.

Вскоре появился директор и впустил меня внутрь.

Ислам запрещает алкоголь, но только не в Мачахела. В этой древней постройке орнаменты выполнены в виде виноградных лоз. Какими бы правоверными мусульманами не были местные жители, они остаются грузинами.

Я остановился в доме неподалеку от старинной мечети, попросив хозяина показать мне «настоящую мачахела».

Он замялся, сказал что «порыщет» по соседям, словом: «что-нибудь придумает».

И действительно, «мачахела» была подана прямо в постель.

И это были не хачапури.

Не успев продрать глаза, я уже держал в руках главную местную достопримечательность – старинное кремниевое ружье с восьмигранным дулом.

Кофе по-аджарски

Мальчишки (от 10 до 75 и все одинаково любящие игру в войнушки) собрались во дворе.

Меню, как правило, варьируется незначительно:

Кофе, чача, нарзан, орехи, разговор об охоте.

Кофе, чача, груши, хачапури, разговор о вине.

Кофе, чача, разговор о соседях...

На коленях – «мачахела».

«Это ружье стреляло дальше, чем любое другое!» – говорит один аджарец.

«Это самое мощное ружье в мире», – заявляет второй.

«Такие ружья покупали у нас турки, русские... даже британцы», – уверяет третий.

«Из „мачахела“ можно было убить медведя одним выстрелом. А из АКМ нужна целая очередь», – сообщает со знанием дела пограничник Дато.

В начале прошлого века вместо ружей мачахела в горах появились винтовки Мосина, а еще спустя полвека – автоматы Калашникова.

Ствол, который лежит сейчас на коленях у отпрыска дома Дзнеладзе, изготовил еще его прапрадед.

«А есть сейчас у кого-нибудь такие ружья?»

«Нет, этих ружей давно нет...» – сказал он, и присутствующие подтвердили этот факт уверенным кивком головы.

Действительно нет или они не признаются?

Через несколько дней, уже в Батуми, один мой знакомый рассказал историю, как однажды с друзьями некрасиво повел себя в ресторане неподалеку.

«Со всех сторон они целились в нас из этих ружей. Мы были уверены, что живыми не уйдем»

«Ты уверен, что это были мачахела?» – спросил я.

«Ты что думаешь, я не отличу „калашников“ от самодельного аджарского ружья?» – обиделся мой собеседник.

Дети Мачахела

«Мы стареем», – грустно говорит грузин, глядя на своих внуков, играющих на балконе.

А девочки корчат рожицы прохожим и заливаются смехом.

Сначала носившиеся по балкону, они, увидев посторонних мужчин, просунули головы между колоннами и примеряют свои девичьи маски. Вот кокетливое самодовольство, наигранная нежность (когда она играет в дочки-матери, опекая младшую сестренку), маска радости, восторга, удовлетворенного тщеславия (когда на нее смотрят), маска неразгаданного волшебства (когда на нее смотрят, но не догадываются, о чем она думает сейчас).



Девочек не пустили за стол к взрослым, и они рассматривают гостей издалека

Взрослые глядят на них с нежностью и грустью.

«Мы стареем...» – повторил пожилой грузин.

«Мы стареем, они тоже», – сказал другой.

«И хорошо еще, что стареем», – добавляет третий.

Старики смеются, а девчушки на балконе вдруг затихают. Почувствовав что-то или просто устав от игры, они gazeют на нас уже без всякого притворства. Мне кажется, или это и вправду так, но у маленьких девочек на балконе теперь грустные взрослые глаза.

Батуми. Первое дежавю

Так закончилась первая часть путешествия – маршрута, охватившего часть Нижней Грузии, Самцхе-Джавахетии и горную Аджарию.

Батуми встретил меня точно так же, как три года назад, в августе 2008-го, – готовящейся грозой.

Странно, но кажется, что руки сами помнят, куда поворачивать руль.

Вот здесь тысячная толпа встречала вести о перемирии. А вот с этой веранды мы всматривались в дорогу в ту самую ночь, когда город ждал прихода российских танков.

По правде говоря, я не хотел приезжать в Батуми, чтобы избежать этих воспоминаний. Но теперь знаю, что от них никуда не деться...

Август 2008. Грузия навзлет С видом на Военно-Грузинскую

В первых числах августа 2008 года, наплевав на слухи о готовящейся войне, мы с подругой решаем отправиться в поход по приморской части Грузии.

Почти за месяц до отпуска я был командирован в Волгоград, где в ночь с 10 на 11 июля проснулся от громкого гула – через город в направлении Владикавказа шла тяжелая военная техника.

Случись это в мае, можно было бы списать появление танков на подготовку парада по случаю

победы над фашизмом.

Но это были не парадные танки. По улицам шла регулярная армия, передислоцировавшаяся в Кавказский военный округ.

От российского Владикавказа до грузинской границы на гусеничном ходу добираться полчаса...

Пятого августа, за три дня до начала военных действий, мы уже жарили шашлык на вершине небольшой горы в получасе от Тбилиси.

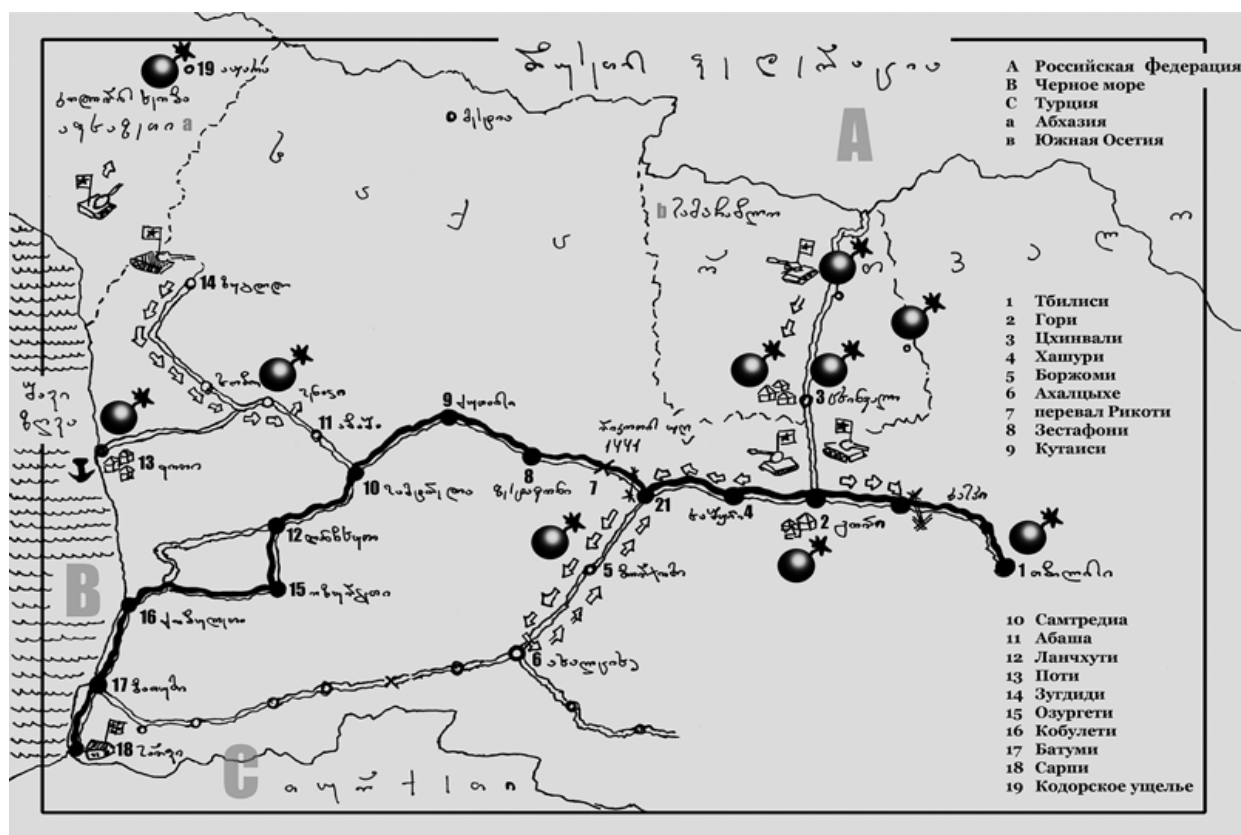
Перед нами – луга, усеянные полевыми цветами. Солнце прячется за гору. Оно садится в считанные секунды, и вскоре вьющаяся среди темных холмов трасса станет неразличимой.

Вдруг вспыхивает желтым длинная змея – дорога Тбилиси – Владикавказ. Она же – Военно-Грузинская.



Приморский аджарский городок перед началом войны. Август 2008

Сейчас по ней снуют фуры с лимонадом и пивом Натахтари и другой, менее аппетитный транспорт. Петляют седаны, джипы, кабриолеты со смешными номерами, какие встретишь только в Грузии: FBI, KGB, ХОХ, ТΟΥ. И даже (как в том анекдоте: «Гоги, не позорь нацию!») старенький «фиат» с номером LOX.



А еще по трассе, минуя шашлычные, хинкальные и величественные, подсвеченные золотом храмы Мцхеты, а также старушек, торгующих чорчхело и сувенирами, движется стадо овец и белая «нива» с пьяными туристами-славянами, выучившими словосочетание «сакартвелос-гаумарджос»^[3] и крайне счастливыми этим фактом.

Через неделю дорога вымрет, а с холма можно будет наблюдать колонну российских танков, движущихся в направлении Тбилиси.

На поляне, где мы только что валялись в траве и удирали от полчищ комаров, разобьет бивуак отряд российской армии.

Но пока что война для нас лишь шутка, повод для анекдота.

«Ха-ха, как ты говоришь? Водкодавы?»

«Да, да, русские – это водкодавы! Главное, чтобы эти северные водкодавы не вытоптали весь виноград», – шутит моя подруга, и мы все хохочем.

Отличная шутка. Нужно выпить за это.

«Чтобы водкодавы не вытоптали виноградники! Гаумарджос!!!»

«Гаумарджос!» – говорит Гоча. Он старше и умней меня, поэтому в его улыбке всегда читается спокойная ирония.

«Они – водкодавы. Ну а вы кто?» – спрашивает с улыбкой Тамуна.

«Они – сакартревеллеры! СакартВелоТревеллеры!» – смеется Гоча.

Мой черед говорить тост. Шашлык обгоревший и хрустящий. Вино терпкое и немного кислит.

«За твой дом, Гоча, за твою маленькую крепость! Чтобы твой дом всегда защитил тебя, а ты всегда смог защитить свой дом!»

Царь и нищий

В тот вечер Тамуна рассказала нам историю о Военно-Грузинской дороге, которую я тут же перенес в свой дорожный блокнот.

Тогда она казалась просто милым историческим анекдотом, вызвавшим улыбку и сразу же забытым ради новых, легких и непринужденных слов.

Через несколько дней мы будем вспоминать эту историю совсем в другом контексте.

Однажды грузинский царь Ираклий II собрал вече возле крепости Ананури.

Царь шел войной то ли против иранского шаха, то ли дагестанского имама, то ли турецкого султана.

«Будет большая война, многие погибнут, но без боя мы родину не отдадим!» – сказал государь.

В этот момент из толпы пробился нищий юноша и пал ниц перед монархом:

«Я пойду за тобой, куда бы ты ни позвал! Но у меня нет денег, чтобы купить оружие и доспехи. Как мне быть?»

«Подожди. Придет время, и я сам тебя призову!» – ответил царь.

Царь проиграл войну и скончался.



Грузинский царь Ираклий II. Портрет из архива семьи Орбелиани

Прошло много лет и много войн.

Его сын взошел на престол и потерял царство, а у подножия Ананурской крепости все так же сидит одинокий дряхлый старик и спрашивает у каждого прохожего:

«Когда уже будет сражение за Грузию? Нет ли новостей от царя Ираклия? Он обещал мне доспехи и меч, чтобы идти на войну...»

Кто такие «гамарджоберы» и с чем их едят

На придуманном нами языке, смеси английского и грузинского, мы – сакартревеллеры (от Сакартвело – Грузия, и travel – путешествовать). Или гамарбджоберы (гамарджоба – здравствуй, job – работа).

Гамарджобер – человек, работающий в Грузии, – рискует стать либо рабом своего желудка, либо гостеприимства окружающих – что, строго говоря, одно и то же...

Это рабство напоминает положение безвольного короля Людовика XV. Сперва свита превращает самодержца в покорного слугу манер, раутов и пиршеств, а потом размякшему монарху уже нет дела до походов и войн.

Гамарджобер – человек, работающий в Грузии, – рискует стать либо рабом своего желудка, либо гостеприимства окружающих.

Точно так и гамарджобер. Если верить древней халдейской мудрости, гласящей, что человек – суть то, что он ест, портрет гамарджобера выглядит так:

Мозг – это горячие хинкали (некое подобие вареников, только из тонкого, плотного теста, внутри которого нежный свиной фарш плавает в свежайшем ароматном горячем бульоне, сваренном на травах и кинзе).

Кровь гамарджобера – это домашнее кахетинское мукузани (пахнет особеннопряно, если возле виноградника заботливый хозяин рассадил кусты смородины).

Слезы гамарджобера – это всегда слезы радости. Потому что плачет он горячей, свежей кахетинской чачей – только что накапавшей из змеевичка домашней виноградной водкой.

Четыре дня грузинского гостеприимства, задержавших нас в Тбилиси и заставивших сократить маршрут, спасли от куда больших неприятностей, чем аджарские дожди.

Выехав из Тбилиси в направлении Гори, мы оказались бы запертыми между российскими танками и грузинскими силами сопротивления.

Вместо этого, срезав маршрут, сами не зная того, в первый день войны мы оказались в наиболее безопасном месте в Грузии.

У нас на столе жареная форель и холодное, колкое на языке тбилисури. И только начавшийся в первый же день войны дождь может испортить наш отдых.

Первый день войны

Въезжаем в приморский городок Кобулету сквозь плотную пелену дождя. У въезда в город покупаем арбуз и персики и, груженные фруктами, мчимся дальше, поднимая тучу брызг.

Пара «гамарджоберов» остановилась в крохотных летних мебелирашках. В Кобулету уже две недели льет как из ведра, и потому нас ничуть не смутило, что все

обитатели пансиона прилипли к телевизору, в котором диктор монотонно начитывает текст на непонятном языке.

Его голос (да сделайте же тише!) просачивается из всех щелей. Дьявольски уставшие, мы заснули мгновенно, пока вся страна с замиранием сердца жила новостями первого дня войны.

Плачущая гора

Тучи, которые портят в Грузии курортный сезон, обычно приходят с Плачущей горы.

«Плачущая гора... из-за нее никогда не знаешь, чего ждать от погоды, – напутствовал меня Гоча перед отъездом. – Приготовься к дождю, и радуйся, если будет солнце».

В этом августе под соломенными навесами почти никого нет.

Однако в этот раз не плачущая гора сделала погоду. Ее сделали люди.

В каждом кафе и ресторане на полную громкость включен телевизор.

Война, начавшаяся 8 августа, охватила полстраны.

В Гори – мощная бомбардировка, а в 50-ти километрах от нас уже хозяйничают русские войска.

«В Поти русские. Они несколько дней бомбят город. У меня там вся семья!..»

Обслуживая посетителей, официантка плачет навзрыд.

Чем я могу помочь ей, кроме щедрых чаевых?

Патрульные курсируют по городу, создавая у населения иллюзию защищенности.

Неподалеку от Гори грузинские полицейские перегородили машинами трассу на Тбилиси. Колонна русских танков, занимавшая подступы к столице, прошла по ним, как по пачкам кефира...

Наиболее предусмотрительные жители приморского городка собирают пожитки в машины-рюкзаки, задраивают двери лавок и ресторанчиков и отправляются на юг, в направлении турецкой границы.

Вечером 10-го августа мы решаем уехать из города и двигаться в сторону Турции.

На пропускном пункте в Сарпи можно за 30 долларов поставить визу и двигаться дальше в направлении Трабзона и Стамбула.

Многие провожают нас подозрительными взглядами. Тем, кто смотрит на нас слишком пристально, я выкрикиваю: «Сакартвелос гаумарджос!»

Это теперь наш пароль; кодовое слово, меняющее выражение лиц людей, которые видят во всех чужаках врагов.

«Сакартвелос гаумарджос!» – и грузины машут в ответ, пытаясь улыбаться.

«Зачем панику нагнеташь?!»

С закатом въезжаем в Батуми.

Последние новости узнаем из сводок грузинских или российских телеканалов. Грузины врут сквозь слезы, русские – с отработанной телевизионной лыбой. Но сегодня наш главный и единственный информатор – грузинский ОБС (один батон^[4] сказал).

«Ночью этот порт будут бомбить!» – Мужчина, произнесший эту фразу, прохаживается по набережной с видом человека, осведомленного лучше других.

«Откуда вы знаете, что будут бомбить?»

«Я же работаю в этом порту», – последовал ответ.

«Хватит нагнетать, слышишь?!» – Голос, доносящийся из-за спины, хриплый и каркающий.

В сумерках почти не видно говорящих, угадываются только их очертания.

В разговор вмешалась старуха, торгующая на набережной расхристанными букетиками полевых цветов. Сгорбленная и сухая, она сама похожа на гербарий, собранный каким-то смурным художником, – женщина-икебана.

«Пусть проходит», – менеджер кафе, обычно не позволявший донимать посетителей, сегодня разрешает охраннику пропустить ее. Но милость его не стоит ломаного гроша – за столиками пусто.

Из романтических пар в кафе только мы, да еще повариха Наташа со средних лет грузином. Но старуха давно в этом бизнесе и знает – они не пара.

«Нагнетаешь панику, слышишь! Зачем нагнетаешь?!» – зло выкрикнула она напоследок, обращаясь к работнику порта, только что демонстрировавшего свою осведомленность.

Она проплыла по террасе, ведомая исключительно старушечьим чувством долга. Нету покупателей на ее гербарий, не дымятся на тарелках хрустящие хачапури по-аджарски, не скворчит на сковородке свежая кефаль.

Уже пятый день цветочница зря выходит в рейс. Клиент ушел в Турцию или улетел с субботним «Батуми – Киев» – единственным авиарейсом, который не был отложен или отменен. Город вымер в ожидании нашествия. Мы расплатились за пиво и отправились на поиски ночлега.

...там Русью пахнет

На улице Кутаисской – стихийный митинг. Местные жители вынюхивают последние известия. Новости батумского ОБС приносит старушка Манана. Она прибежала с криком, что в городе химическая атака. Пугливые соседи бросились завешивать окна мокрыми простынями, а те, кто хорошо знают Манану, – интересуются, с чего она это взяла. «Так ведь слышите,

какая вонь возле порта!» – отвечает та. «Послушай меня, Манана! – вскипает другая. – Всю жизнь помню, как из порта несет подгнившей рыбой и горелым мазутом. Но от этого еще никто не умер!»

Старуха замолкает – и ведь правда!

Вот такие новости у нас по радио ОБС... Но это все сплетни вчерашние, и о них вспоминают с улыбкой. Сегодняшние слухи уже не вызывают смеха.

«Вы знаете, что Сарпи сегодня бомбили?» Сарпи – это приграничный пункт, в который мы должны были прибыть утром.

«Сарпи? Вы уверены?» «Не знаю. Так говорят... В новостях этого не было, но разве по телевизору говорят правду?» Чертовы слухи. Слухи – по телевизору. Слухи – по беспроводному телеграфу бабушки Мананы...

Но как они могли бомбить Сарпи! Ведь там нет никаких военных объектов и, что самое важное – это поселок на турецкой границе! Турция – член НАТО. Если в войну будет ввязано НАТО, это уже мировая война! Я не могу верить таким слухам. И в то же время не могу им НЕ верить!

Оставаться в городе опасно, но бежать из него теперь некуда.

Говорят, что русские готовят наступление. Из официальных источников известно, что вчера уничтожены несколько радиолокационных станций грузинского ПВО. А сегодня весь город гудит о десанте, якобы появившемся на территории Абхазии.

Никто из местных не видел врага своими глазами, но если учесть, что до Поти всего километров шестьдесят, появления солдат можно ожидать в любую минуту.

Поти – основной торговый порт Грузии – полностью контролируется россиянами. На подступах к столице –

давно уже русские танки, окрестности второго по значимости города – Кутаиси – бомбит авиация, а Зугдиди, контролирующий подходы к Кодорскому ущелью, тоже подвергся авиаударам. Батуми – столица провинции Аджария и один из двух крупнейших портов. Поэтому нет ничего удивительно в том, что тухлая рыба из доков уже отдает местным жителям русским духом.

Батуми. Второе дежавю

На другом конце провода он сжался в комок: «Я не уеду отсюда». Повторил эту фразу несколько раз: «Я не уеду отсюда. Мы порвем их зубами».

Его слова так же лишены смысла, как и мое предложение сбежать из страны, где началась война. Я, значит, турист, не уезжаю, а он – хозяин, настоящий картвели^[5], истинный тбилисский карачохэли^[6], мясо и кость этой земли – возьмет и уедет.

Но мое дело предложить. Киев открыт, дорогой! Бери семью и отправляйся жить в мои двухкомнатные хрущобы, пока лужайку перед твоим домом вытаптывают несколько тысяч солдат. «Бегите отсюда! Бегите скорей! Послушай меня, пока вы рядом с турецкой границей – потом может быть слишком поздно. Танки уже...»

Связь оборвалась. В Тбилиси отключили ретрансляторы GSM.

Мы лежим в гостиничном номере, освещенном светом уличного фонаря. Между шторами в комнату пробиваются блики желтого. Желтый – цвет вынужденного ожидания, цвет химической тревоги.

В эту ночь мы не можем разговаривать, не можем любить друг друга, не можем больше выглядывать в окно. И, самое главное, мы не можем больше ждать.

Магазины и лавки задраены на ночь. На улицах – ни души. Гроыхая по выбоинам, время от времени

проносятся авто. Раз за разом один и тот же звук врывается в тишину нашей комнаты.

Я уже, кажется, узнаю это хриплое уханье. Выглядываю в окно. Резвые, старые, драные «жигули». Призрак из бандитских 90-х.

Я почувствовал дежавю...



Аджария в нескольких километрах от светского Батуми. Поселок Хуло

92-й год. Мне 13 лет и на новеньком велосипеде «Украина» я стою на углу Пушкинского парка в Киеве. Только собираюсь съехать с бровки на проезжую часть, как рядом на перекрестке останавливается такая же «копейка».

На заднем сиденье – двое. В руках пистолеты с коротким дулом и массивной рукоятью. Теперь я знаю – это «макаровы». Один из них защелкивает обойму и передергивает затвор. На миг я застыл как вкопанный. Только не посмотреть на них! Только бы не глядеть на них в упор! Да как же на них не смотреть?! Желтый. Зеленый. Поехали!

Кажется, – пронесло... Тогда я впервые в жизни увидел заряженное оружие. И впервые осознал, что окружающим не всегда нужно давать понять, что ты знаешь о них больше, чем положено. В «жигулях», колесивших в ту ночь по батумским улицам, были темные, плотно закрытые окна. Я не знаю, что ищут эти ребята. Может быть, это мародеры, предвкушающие панику и разгардияж. Или же – местная «милиция», стерегущая город от этих самых мародеров. Тем временем моя спутница катается где-то по городу в поисках хороших кадров. В номере отеля я пытаюсь писать, но в голове – призрак этих чертовых «жигулей» и рука, передергивающая затвор. Высовываюсь из окна. Вижу прислоненный к бровке велосипед. Возле него сидит моя девушка в красной косынке и с сигаретой в зубах. «Хватит на сегодня приключений. Бегом спать!»

Ночь перед грозой

Жарко и душно в городе. Скоро будет гроза.

Мы привязали велосипеды и отправились бродить. Все больше задраенных лавок, все меньше людей на улицах. Беспроволочный телеграф работает на всю катушку.

Об армии, якобы подступающей к Батуми, теперь твердят на каждом углу. В стране по-прежнему нет интернета, и мы можем полагаться только на официальную пропаганду (телевизор), неофициальную пропаганду (слухи), и собственную, уже давно больную, интуицию. Город живет слухами, рождает слухи, верит только слухам. Слухи приходят отовсюду. Мы слушаем в четыре уха и делаем снимки. Может быть, сегодня в последний раз видим на улицах георгиевские флаги. Может быть – это последние дни Грузии, какой мы ее знали, – гостеприимной, доверчивой, безалаберной, любимой и дико независимой страны. Если русские вступили в Аджарию – значит, сегодня они будут в Батуми. Это аксиома, не требующая доказательств. Если это так – обязательно найдется кто-то, кто будет пытаться сопротивляться. Значит – партизанская война. «Калашников» найдется здесь у многих. Тот, кто не умеет стрелять – выучится в бою. Кто не успеет – умрет героем. Это Грузия. Нищий на паперти в городке Ананури до сих пор ждет царя Ираклия, который призовет его под ружье.

По дороге встречаем группу молодежи. Все они – резервисты, ожидающие призыва.

«Ты знаешь, что 20 наших резервистов вчера уложили 60 их отборных десантников?.. Наши пошли на них с ножами! И положили всех». Этого парня зовут Леван. Ему семнадцать, и мальчишка искренне верит в то, что говорит. «Мы – грузины. Мы порвем их зубами!» – говорит Леван.

Где-то я уже это слышал. Где сейчас мой друг? Стал участником ополчения или засел в своем домике в горах, пьет чачу и с грустью смотрит на Военно-Грузинскую

дорогу? Вместе с нашими новыми знакомыми отправились к костелу. Говорят, там прячутся беженцы из оккупированных районов. Но костел пуст и заперт на все замки. Вокруг все обклеено листовками с надписью «don't shoot». Кому адресованы эти листовки, если в Батуми ждут российскую, а не американскую армию? Почему их расклеивали только в одном месте? И почему под ногами сотни этих скомканных бумажек? Кому могло понадобиться уничтожать пацифистские листовки? Все это очень странно...

Но у нас нет времени выяснять детали. Власти требуют покинуть улицы после 10-ти часов вечера. В Батуми – комендантский час. Медленно бредем к набережной. Занимаем лучшую площадку для обозрения, – на террасе кафе у самой кромки воды.

Как на ладони виден порт, освещенные пакгаузы, доки и суда, стоящие на рейде. И, что самое важное – участок дороги, ведущей к городу. Наш новый приятель Леван разговаривает по телефону. «Они уже в Чакви», – говорит Леван.

Чакви – это поселок в двух десятках километров от Батуми.

Значит – через пятнадцать, максимум через двадцать минут мы увидим их. Больше всего на свете хочется сейчас сигарету. Нервы на пределе и я не могу больше отказывать себе в никотине.

Затягиваясь, смотрю на огни порта. Краны в огоньках – как гирлянды рождественской елки, отражаются в черной воде.

Тихо. Только легкая волна шлепает по каменному парапету.

Огни появились около полуночи.

«Вон их фары! Смотри! На той стороне залива!» – Леван вскочил и показывает рукой в темноту.

Колонна машин. Вероятно, это БМП и транспорты с пехотой. Шум гусеничной техники был бы слышен

издалека... Десять, двенадцать, пятнадцать. Всего двадцать больших желтых точек медленно движутся по другой стороне акватории, огибая залив перед въездом в город.

Их можно было бы принять за колонну ТIRов, следующих в Турцию, но все крупные магистрали давно перекрыты. Нет, это не могут быть дальнобойщики. Через полсигареты они будут здесь...

Недо-пере-мирие

Свет фар, кому бы он ни принадлежал, исчез через несколько минут. Мы ждали, что колонна, скрывшись за поворотом, вот-вот появится в городе. Но никто не пришел.

Утро следующего дня началось очень странно: нас никто не останавливает. Никто не проверяет документы. В Батуми нет военной техники. На улицах – полицейские в грузинской форме. Я недоверчиво смотрю на них, пытаюсь обнаружить какой-то подвох. Но нет, это все те же грузинские полицейские, а не какие-нибудь переодетые агенты ФСБ.

Правда, ведут они себя очень странно. Они улыбаются! Впервые за много дней.

«Что происходит? Где русские войска?»

Нам отвечают: «Подписано перемирие. Стороны договорились прекратить огонь. Войны больше нет».

«Погодите, но как быть с российскими войсками? Они же должны были занять город этой ночью?»

«Нет, их здесь не было и близко. Это все – провокации», – офицер в форме улыбается, как любит улыбаться мой друг Гоча. Очень хитро улыбается, мерзавец!

Пере-мирие. Недо-война... Никто не знает, как долго это продлится. Ночью на улицах Батуми – митинг. Георгиевские стяги, микрофоны, громкоговорители.

Аджария и ее столица Батуми – наиболее безопасная грузинская провинция в случае войны с самым грозным соседом.

Слезы, дети, песни, свечи, старики и протяжное, грустное, распевное: «Сакартвело...»

Откуда вы? Из Украины. Я журналист. Нет, не на работе... в отпуске. Да, у меня не получается поехать в отпуск куда-то, где нет войны (ха-ха, действительно).

Но ничего, мы здорово отдохнули (это очень хорошо, какие вы молодцы! Когда снова к нам?).

Как только – так сразу (приезжайте поскорей, немножко отдохнете!).

Но мы и так отдыхаем (да что вы, какой это отдых – половину времени идет дождь!).

Грузинские журналисты, улыбаясь, машут руками на прощание: «Украинас гаумарджос!»

Мы крутим педали в сторону набережной. Где-то посреди моря – гроза.

Воздух становится свежей и чище.

Потрясающее зрелище это морское огненное шоу. Поток бело-голубого пламени пронизывает навывлет полгоризонта.

Сидим на камнях обнявшись и смотрим в небо.

Когда-то грузины верили, что гроза – это Святой Георгий преследует змия, а молнии – стрелы, которыми он целится в него. Облака они представляли себе гигантскими губками, которые по повелению высших сил спускаются к морю, набирают там воду, чтобы потом вылить ее на землю.

Через мгновение небо снова спокойно, а море – темное, жуткое море – наползает на берег из темноты.

«Зачем эти отели, эти города, эти... черт подери – военные базы с вышками ПВО?! В следующий раз – только со спальником!» – восклицает моя подруга.

«Спокойной ночи, ламазеныш...» – говорю я, переиначив любимое грузинское слово.

«Ла-ма-зе-ныш... как это здорово! „Ламази“ ведь по-грузински – красивый? А вместе с этим „ныш“» – шепчет моя умиротворенная спутница.

В ту ночь на пляже нам действительно казалось, что в спальнике и палатке можно спрятаться от любой войны.

Это было восхитительное чувство. Одна из самых приятных иллюзий этого путешествия. Путешествия, во время которого мы проскочили мимо всех «горячих точек», не услышав ни единого выстрела.

* * *

Теперь я знаю то, чего не знал тогда: Аджария и ее столица Батуми – наиболее безопасная грузинская провинция в случае войны с самым грозным соседом.

Согласно Карсскому договору между Грузией, Арменией, Азербайджаном и Турцией, подписанному в 1921 году, последняя уступила Батуми и близлежащие территории при условии, что сможет вечно пользоваться портом без пошлин и сборов, а грузинское правительство гарантирует соблюдение прав и свобод жителям близлежащих земель.

Таким образом, если бы Грузия потеряла независимость, у Турции появился бы формальный повод вернуть себе территорию Аджарии.

Этот договор заставляет грузин верить, что Аджарская автономная республика – самое безопасное место в Грузии.

Батуми. Три года спустя

«Лет 25 назад Батум был не что иное, как простая деревня, пользовался славой по своему дурному климату. Здесь не было даже хорошей пресной воды, а лучшие части нынешнего города были заняты лишь стадами кабанов... Теперь все знают, что Батум есть лучшее место для стоянки судов на восточном берегу Черного моря».

*«Три месяца в турецкой Грузии».
Тифлис, 1876*

Въезжая в город спустя три года, я не узнал его. Батуми похож на огромную стройку, готовящуюся к началу большого карнавала.

Чтобы уехать подальше из города (всеми благами которого можно будет пользоваться после того, как осядет строительная пыль)^[7], я отправился в летнюю резиденцию князей Шервашидзе.

Дом этот находится в поселке Махинджаури, о котором хозяин рассказал следующую историю.

Много веков назад в дом одного аджарца ворвались турки. Они убили его братьев и изнасиловали женщин, а ему самому отрезали нос и уши.

«Уродец! Теперь ты – грузинский уродец!» – смеялись они ему в лицо.

Вскоре, собрав отряд, «уродец» вернулся...

Грузины убили обидчиков, а потом приходили снова и снова, потому что сколько бы они ни возвращались за своим долгом, до самой смерти не чувствовали, что вернули его.

«Махинджи гяури! Махинджи гяури!» – кричали испуганные турки при виде его отряда: «Страшный грузин! Страшный грузин вернулся!»

Нынешний Махинджаури – прелестное место, из которого видны горы, порт и корабли, стоящие на рейде.

Сюда приходят поезда, следующие из Тбилиси; здесь же находится лучший в Грузии ботанический сад.

В приморском городе всегда найдется занятие, которое оправдывает состояние сладкого ничегонеделанья. Это занятие называется: «Сходить к морю».

Батуми, с его пляжами, ночным кутежом и бесконечным количеством соблазнов с трудом отпускает меня.

Однажды днем, незаметно собрав рюкзак и выехав из города, я оказался на трассе.

В тот день я собирался разбить палатку на пляже по дороге в Кобулету, чтобы на следующий день, проехав Поту, добраться до Зугдиди – последнего крупного города перед Верхней Сванетией.

Но уже через какой-то десяток километров меня обогнала машина, и, резко затормозив, преградила дорогу.

«Алекс, куда ты? – воскликнул выскочивший из автомобиля человек, оказавшийся одним из моих новых знакомых. – Ты же еще не видел моря!»

«Я видел море», – ответил я, стараясь сохранять спокойствие.

Собеседник не обратил внимания на мою скучную мину, приняв ее (впрочем, небезосновательно) за обычную пресыщенность курортника.

«Сейчас мы покажем тебе место, из которого ты не захочешь уезжать!»

Так я оказался в Букнари.

Старик из Букнари

Он жил в маленькой лачуге на берегу.

«Если ты живешь у моря, оно может кормить тебя. Если ты НАУЧИШЬСЯ жить у моря...» – говорил этот старик.

Он жил здесь лет двадцать и никогда не работал.
Все, что он делал, – ходил по берегу и собирал то, что приносил прибой.
Дровами, найденными на берегу, он отапливал свою лачугу.
Поэтому дом его пропах рыбой и солью.
И дети его были такие же дикие и странные, как он сам.
Имени его никто не помнит. Говорят, он был беженцем из Абхазии.

Мтирала. Мед субтропиков

Мтирала – это ущелье с каменистой, но сравнительно тихой рекой, крупными валунами и естественными заводьями, похожими на небольшие бассейны с ледяной водой.

В узком ущелье всегда туманно и прохладно.

Тут и там мелкие ручьи текут через дорогу, вливаясь в реку. Скалы, из которых сочится родниковая вода, нависают над головой, а под ногами, на обочине, мелкие зверьки и рептилии бросаются в заросли, заведя человека.

За поворотом дороги среди зарослей папоротника вижу породистую мраморно-серую лошадь.

Без упряжи, без табуна – хозяин отпустил ее пастись одну, не боясь ни медведей, ни конокрадов.

Вскоре показалось заброшенное кладбище аджарских мусульман, с круглыми, стертыми временем и поросшими мхом камнями, напоминавшими дно высохшей тропической реки.

Мтирала – это ущелье с каменистой, но сравнительно тихой рекой, крупными валунами и естественными заводьями, похожими на небольшие бассейны с ледяной водой.

В Мтирала я попробовал местный мед – густой, горьковатый, с легким привкусом цикория.

Этот мед очень любят турки, потому что по вкусу он очень подходит к их сладостям, например пахлаве.

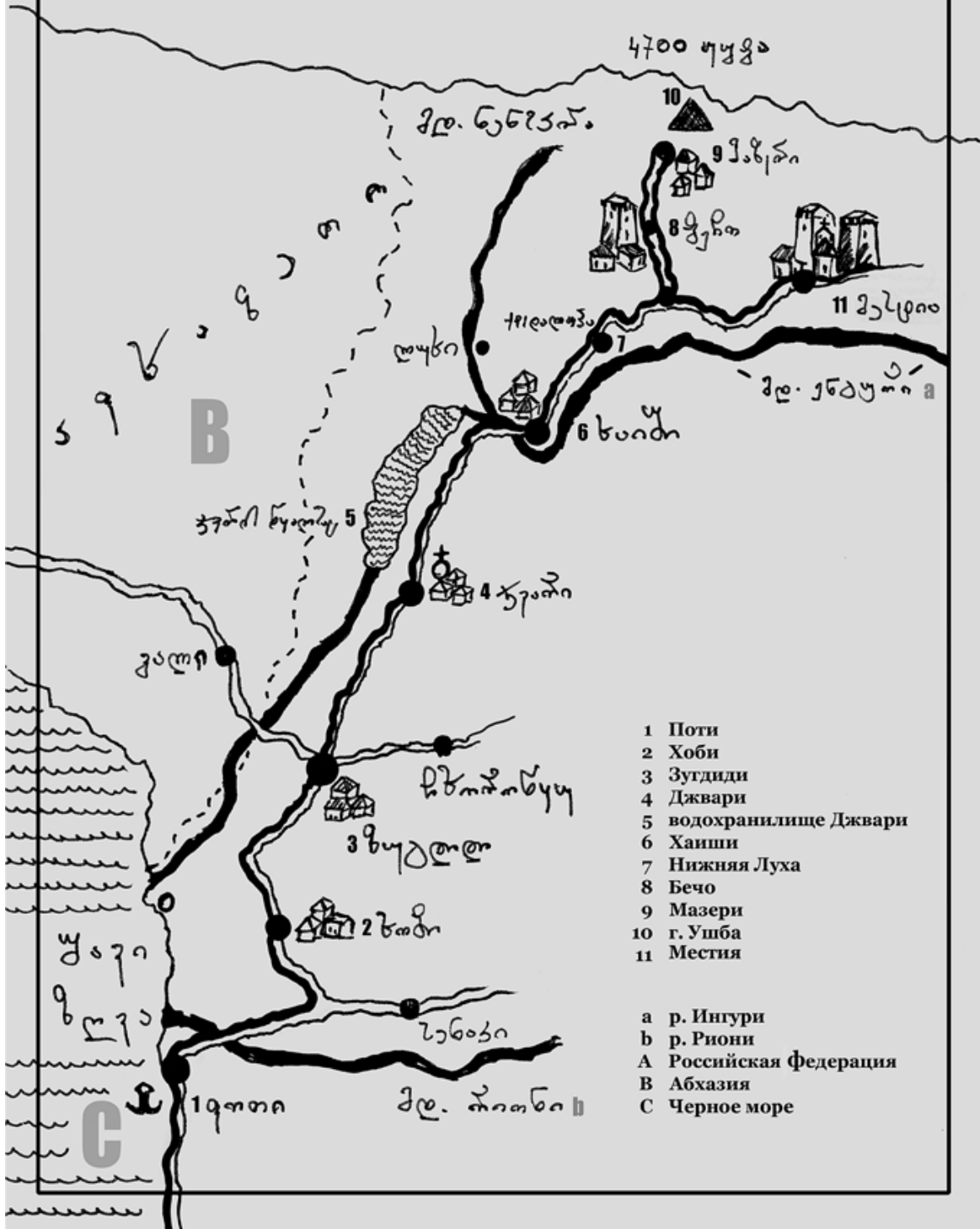
В тот же день, выехав из Мтирала, я вернулся на трассу. Мне наконец-то удалось вырваться из орбиты Батуми и отправиться дальше.

Так началась вторая часть путешествия вокруг Грузии.

Маршрут 4
Из Колхиды - в Местию
К мегрельским ведьмам и сванским
князьям

A

ახალქალაქის რაიონი



Женщина дороже золота

Никто из исторических героев Кавказа не может конкурировать с любимой в Грузии и за ее пределами царицей Тамарой. Однако самая известная в мире уроженка этих мест – безусловно, Медея.

Как известно, Медея, дочь колхидского царя, была виртуозной колдуньей, сбежавшей из дому с греческим путешественником Язоном, приехавшим в нынешнюю Мегрелию (некогда – часть Колхидского царства) за легендарным Золотым руном.

В Батуми стоит, возможно, единственный в мире памятник этой женщине.

История Медеи – миф, но всё ли в нем вымысел?

По легенде, она была дочерью и жрицей таинственной, великой и страшной богини Гекаты и внучкой Никты – богини ночи.

Медея одна из немногих смертных, отказавшая в близости царю всех богов – громовержцу Зевсу. И предавшая родину ради любви к беглому греку, изгнанному из дома алчной родней.

Никто из исторических героев Кавказа не может конкурировать с любимой в Грузии и за ее пределами царицей Тамарой. Однако самая известная в мире уроженка этих мест – безусловно, Медея.

Мать Медеи, царящая в мире мертвых, распространяла свое влияние и на мир живых. Ей поклонялись все античные женщины: выходя из дому, каждая из них непременно просила заступничества Гекаты.

Интересно, что культ ее становится все популярнее, если двигаться на восток: в самой Элладе обнаружено около сотни святилищ этой богини, в Турции археологи

находят крупнейший из ее храмов, а дальше, в направлении Малой Азии, мест поклонения Гекате уже насчитывают около четырехсот.

Значит, и здесь, по дорогам Колхиды, со сворой трехглавых псов когда-то мчалась Энодия («дорожная») – еще одно имя Гекаты.

Помимо Медеи, эта богиня породила знаменитую волшебницу Кирку и морское чудовище Сциллу – тех самых, с кем столкнется на своем пути Одиссей, возвращаясь с Троянской войны.

Такие родственники были у Медеи, она же была достойна их...

Будучи жрицей Гекаты она должна была приносить в жертву собак и читать заклинания на перекрестках, как того требовал культ.

Колхидская жрица умела выпустить всю кровь из человека и впустить новую, полностью омоловив его. Значит, она была врачом, умевшим делать переливания крови!

Само собой разумеется, и специалистом по фармацевтике – согласно Аполлонию Родосскому, – Медея, помогая своему возлюбленному украсть сокровище отца, защитила его от ожогов и ран с помощью некоего растения, на вид схожего с шафраном.

Это растение, по легенде, выросло из капель крови Прометея, распятого неподалеку – на горе Хомли.

Титан, подаривший человечеству огонь, был прикован к скале не в районе горы Казбек, как пишет Дюма, а здесь, в Колхиде.

В одном из сел неподалеку до сих пор есть традиция убивать стервятников, гнездящихся на скалах. Возможно, истребляя этих птиц, местные жители мстят легендарному орлу, клевавшему печень героя, в Греции звавшегося Прометеем, а в Грузии носившего имя Амиран.

Тот же подвиг, та же кара: дар огня, распятие и вечная пытка. Если греческий прототип, по легенде, был сыном богини Геи, то Амиран родился у грузинской богини охоты Дали от смертного охотника свана.

Амиран, тоже вступивший в противоборство с богами, остался навечно прикованным к скале, и только его верный пес из года в год продолжает лизать цепи, надеясь, что когда-то они истончатся, и хозяин сможет выйти на свободу.

Вернемся к Медее, чье колдовство и чары матери позволяли воскрешать мертвых и делать живых равными богам.

Все это – мифы, кем же была Медея в реальности?

Известно, что в те далекие времена хранителями всех стратегических секретов страны – от технологических процессов обработки металлов, до рецептов лекарственных препаратов и ядов – были жрецы.

Медея же была самой сильной колдуньей своего времени, ведь считается, что само слово «медицина» произошло от ее имени.

Еще один любопытный факт, связанный не столько с самой Медеей, сколько с ее профессией.

В Средние века в одной из горных грузинских провинций – Хевсуретии – знахари проводили операции по трепанации черепа, излечивая людей от мигрени, эпилепсии или других болезней. Такие операции, на языке местных лекарей, назывались «вывод бабочек из головы». Знахари, эти ученики Медеи, использовали в качестве анестезии отвары из горных трав, рецепты которых ныне забыты.

Дедушкой Медеи был Аристей – бог, научивший людей использовать целебные травы, разводить пчел, добывать мед, выращивать оливки и делать сыр – то, чем знамениты и современные грузины.

Итак, чем же было сокровище, за которым приехали в Колхиду греки?



Памятник легенде о Золотом руно в приморском городке Кобулет

По одной из версий, Золотое руно – не что иное, как баранья шкура, пропитанная крупцами золота. И это золото было принесено в низины рекой Ингури с гор Сванетского края (того самого места, куда я сейчас направляюсь).

И это уже не легенда, а геологический факт. Золото в водах Ингури добывают и по сей день.

Эта версия происхождения сокровища проста и очевидна. Однако помимо нее, специалисты выдвигают десятки более хитроумных расшифровок мифа.

Например, один химик предположил, что Золотое руно было удивительно тонко обработанной льняной тканью, изготовленной из почти невидимых глазу прозрачных нитей.

В древности из нитей, которые сегодня можно рассмотреть лишь под микроскопом, действительно ткали тончайшие полотна, носившие названия «текущая вода», «вечерний туман», «сотканный воздух».

Отрез такой ткани, весивший всего 50 граммов, в XIX веке оценивался в 725 граммов золота! В Древней Греции она стоила в 30–35 раз дороже драгоценного металла.

Возможно, именно этой технологией владела Медея – жрица одной из самых влиятельных «ночных богинь».

Не исключено, что именно Медея – специалистка по современным технологиям – была тем сокровищем, за которым приехали в Грузию греки.

Как мы знаем, история закончилась плохо. Убегая из родной Колхиды, Медея, чтобы остановить погоню, разрубила и бросила в море тело своего младшего брата: она знала, что никакое сокровище не заставит отца оставить тело сына на съедение рыбам.

Через несколько лет Язон, испугавшись могущества своей жены, решил избавиться от нее, выгнав из дома.

Он и его семья жестоко поплатились за это – Медея убила их детей, и подарила новой невесте Язона пропитанный ядом свадебный убор.

На окраине курортного приморского городка Кобулети стоит огромный бетонный памятник с очевидно античным сюжетом.

Два огромных быка и человек с неестественно прямой спиной, стоящий за плугом.

Может быть, это Язон, сеющий зубы дракона, из которых должны вырасти воины, призванные убить его?

«Кто это?» – спросил я у пастуха, дремавшего в тени дерева, пока его стадо паслось у ног бетонных колоссов.

«Это – первый грузинский добытчик золота. Его дочь предала его и продала секрет одному пиндосу. То есть греку...» – так грузинский пастух интерпретировал легенду о Медее и Золотом руне.

Кобулет. Записки на полях

Женщины идут с пляжа. Стройные, полные, перегревшиеся на солнце и расплывшиеся от спячки, и те, другие, с острыми глазами, стреляющими по сторонам.

Поджарые, загорелые старики, сушеные, как воблы, и просоленные, как крокодилы, обитающие в прибрежных водах Тихого океана. Старики провожают путешественника не то завистливым, не то презрительным взглядом (ведь как часто зависть и одиночество мы прячем под маской безразличия).

Они идут между рядами маленьких двухэтажных домишек с преувеличенными террасами; меж лотков с ширпотребом и морем – то ли из-за штиля, то ли из-за отсутствия кораблей кажущимся плоским и пустым. По-

моему, это Дюма сказал, что нет более скучного зрелища, чем море без кораблей.

Будь у владельцев местных гостиниц такие полномочия, Кобулеті тянулся бы бесконечно, как гигантский жареный кебаб.

Я регулярно останавливаюсь на дороге, делая заметки.

О Медее, о колхидских женщинах, о пейзаже, проносящемся мимо.

Местные жители, видя, что путешественник шкрябает что-то в блокноте, подкрадываются на цыпочках – подсмотреть, «что же он там пишет».

Дюма сказал, что нет более скучного зрелища, чем море без кораблей.

Спустя несколько минут, сокрушенно качая головой, удаляются.



Шляпница, торгующая своим товаром неподалеку от городка Поти

«Армянин!» – произнес один из них, дольше других изучавший вязь в дорожной тетради.

Кобулети – последний крупный населенный пункт Аджарии, а в нескольких десятках километров начинается уже Самегрело (или Мегрелия) – одна из приморских провинций древнего Колхидского царства.

Уроки мегрельского

Помимо сванов, среди всех других народностей, населяющих Грузию, только у одной есть собственный уникальный язык.

Мегрелы уверяют, что в их словаре около 120 миллионов слов.

Усомнившимся приводят следующий аргумент: если в большинстве языков слова-эпитеты, применяемые для эмоциональной окраски, исполняют роль дополнительных членов предложения, то в мегрельском диалекте они – главные.

Например, по-мегрельски нельзя сказать просто: «упал человек», нужно сказать «упал легкий человек» или «упал толстяк».

Причем, если выражение «*кудачхарху*» означает «упал маленький противный человечешко», то «*кудабазу*» – «грохнулся большой хороший человек».

Есть несколько слов, особенно дорогих мегрельскому уху.

Так, аналог знаменитого грузинского «генацвале» на мегрельском звучит как «*скан голуа пиро*», что значит «душу бы отдал за тебя».

«*Гой морцгвас*» – местный аналог грузинского тоста «гаумарджос» (да будешь ты победителем!)

«Иро чгиро!» (чтоб все было хорошо!) и *«Бжа парчхалянс!»* (дословно: «да сияет солнце!») – это еще несколько теплых пожеланий, используемых во время мегрельских застолий.



Рынок в Зугдиди (Самегрело)

Город имени Дюма

«По императорскому указу Поти с 1 января 1859 года объявлен городом... Меня более всего занимал тот, кто провозглашал это важное объявление. Благодаря камням, разложенным кое-где, и естественным бугоркам, он успевал после бесконечных зигзагов достигнуть места, где надо было читать прокламацию. Стоило ж ему остановиться, как мало-помалу он погружался в грязь, в

которой совершенно бы утонул, если бы не мешал тому барабан, который его удерживал. Тогда к нему подходили и с помощью рук, палок и веревок вытаскивали наружу. После того он опять пускался дальше и вновь повторялась та же самая сцена. Мы успокоились: Поти стал городом, и мы теперь имели право требовать от него всего того, что требуют от города».

Александр Дюма, «Кавказ»

После дня переезда по жаркому побережью организм требовал обеда немедленно, и непременно – из свежей морской рыбы.

В Потти удалось найти и заменить все, что пришло в негодность во время первой части путешествия, даже редкостный инструмент для ремонта велосипедной цепи. Но при этом не удалось разыскать ресторанчик, где можно было бы отведать свежий улов: вся рыба в портовый город была доставлена в рефрижераторах из других мест.

Я принципиально отказался от блюд из мороженой рыбы и довольствовался сыром и хлебом, привезенными с собой.

«А какие у вас еще есть достопримечательности?» – спросил, не без издевки.

Человеку, к которому обратился с этим вопросом, понадобилось несколько секунд, чтобы собраться с мыслями.

«Да, не так уж сильно изменился этот город со времен Дюма...» – произнес я вслух.

Мой собеседник сначала задумался, затем нахмурился и в конце концов просиял.

«Достопримечательности?! У нас же есть памятник
Дюма!»



Памятник Александру Дюма в Поти

Несмотря на издевательскую рецензию, написанную о городе Поти великим беллетристом, местные жители воздвигли памятник именно ему, а не автору указа, превратившего (пусть только на бумаге) грязный поселок в черноморский порт. Дюма (верней, его скульптуре) досталось одно из лучших мест в городе, а именно лавочка на центральной аллее городского парка, покрытая мелким гравием, похожим на тот, которым посыпаны дорожки в парках Лувра.

Это наблюдение еще раз укрепило меня в мысли, что куда приятнее писать ироничные рецензии, чем самые красивые указы.

Я попытался разыскать хоть одно здание, относящееся к эпохе, когда здесь проезжал Дюма, но не нашел ничего подобного.

На закате покинул Поти, надеясь той же ночью добраться до Зугдиди, а утром следующего дня выехать в Сванетию.

Но в ту ночь дорога внесла в этот план некоторые коррективы.

Ведьмы, кошки и страшилище Гудиани

В ту ночь я узнал об одной неприятной привычке грузинских шоферов, которую, путешествуя днем, не замечал: если в светлое время суток они часто приветствуют велосипедиста, сигналив в клаксон, то ночью, заведя его, мигают фарами.

Вскоре пришлось зажмуриваться при виде каждой приближающейся машины.

Впрочем, дорожное покрытие было хорошим, и я не терял надежды успеть в Зугдиди до полуночи.

Совсем стемнело, и на обочинах вырос целый условный мир контуров и силуэтов.

В свете спелеологического фонарика, который я использовал в качестве фары, у коров, лошадей и кошек – у всех тварей, встречаемых по пути, были одинаково мерцающие зеленые глаза.

Иногда образы, выхватываемые светом фонаря, были чересчур гротескными. Чего стоила лошадь, пасшаяся у лесного кладбища, просунувшая голову через решетку к особенно вкусному кусту.

Но самое леденящее душу видение было впереди. Костлявое, застывшее посреди дороги существо не шелохнулось при моем приближении. Только поравнявшись с ним, я рассмотрел до невозможности худого, измазанного в грязи теленка.

Люди в свете фонарика выглядели не столь мистично, но зато, появившись на дороге совершенно непредсказуемо, могли доставить куда больше неприятных минут, чем безымянные зеленые глаза на обочине.

В памяти всплыли разнообразные истории о грузинской нечистой силе, услышанные в Тбилиси или прочитанные в подшивке газеты «Кавказ».

Когда-то в Грузии верили в «али» – сладкоголосых русалок, являвшихся в дома под видом повивальных бабок и умерщвлявших детей; в гигантских великанов дэвов; в Гуду – всесильного духа, обитавшего в горах неподалеку от Казбека. Отдельной книги заслуживают знаменитые на весь Кавказ грузинские ведьмы – «кудианеби».

Раз в году, в Страстной четверг, все они собираются на горе Эльбрус на шабаш. Там, по поверью, обитает сатана, или Тартар, имеющий необыкновенно большие глаза и страшные зубы.

Каждая ведьма, представляясь Тартару, бросает ему в рот камешки, символизирующие жертву. Самым ценным подношением считается человек. Тогда сатана,

проглотив его и получив удовольствие от лакомства, награждает ведьму еще большим даром кудесничества.

Путешествие на гору Эльбрус ведьмы совершают при помощи зелья, известного под именем «квинтила». Ночью, когда все спят, они намазывают зельем первый попавший под руку предмет, садятся на него верхом, вылетают в трубу и в одно мгновение достигают Эльбруса. Больше всего ведьмы любят путешествовать на кошках, которых крадут у грузин.

В середине XIX века в газете «Кавказ» появилась заметка, в которой корреспондент описывал, как в тифлисском доме накануне Страстного четверга оберегались от ведьм, собиравшихся в командировку:

«Попытайтесь войти в какой угодно дом или, заглянув туда, прислушайтесь повнимательнее: везде раздаются жалобные мяуканья; бедные кошки тщательно заперты в сундуках из опасения, чтобы их не похватали неприязненные ездоки-кудианеби».

Кроме вездесущих колдуний, в XIX веке народ верил в существование «булы» – страшилища, которое, имея огромный рот и длинный язык, хватает ребенка, бросает его в глотку и пожирает. По уверению многих, «була» ходит по ночам около дворов и уносит попадающихся ему детей. Булой здесь пугали детей так же, как у нас – Бабаем.

Когдато в Грузии верили в «али» – сладкоголосых русалок, являвшихся в дома под видом повивальных бабок и умерщвлявших детей.

Любопытно, что в Тбилиси по сей день пугают детей похожим страшилищем, правда, его имидж с годами слегка трансформировался: монстра зовут теперь Гудиани; он не сразу глотает детей, а ходит с мешком, в котором уносит непослушных мальчишек и девчонок.

Имя Гудиани звучит очень по-свански, так что тбилисские старушки, желая того или нет, с детства приучают детей пуще всякой нечистой силы бояться жителей Сванетии.

Особенности женского рода в грузинском языке

Когда на дороге показался подсвеченный в темноте огромный крест, до полуночи оставалось не больше часа.

«Монастырь!» – обрадовался я и, вспомнив сказочный ужин на озере Паравани и дружелюбных монахов Зарзмы, устремился на свет.

Оказалось, что монастыря поблизости нет, но люди, встреченные по пути, успокоили – он впереди, всего в 11 километрах.

«Где здесь живут монахи?» – поинтересовался у таксистов, дежуривших на площади небольшого городка.

«Монахи? – удивился один из них. – Зачем монахи?»

«Ночлег, ужин, мягкая постель, горячий чай и разговоры о чудесах» – странно, как местный таксист мог оказаться столь неосведомленным.

Отказавшись от предложенного ужина и ночлега (общество монастырской братии казалось предпочтительней компании водителей), я отправился в указанном направлении.

Ранее в тот день, неподалеку от Поты, на дороге встретила машина с монахами, направлявшимися куда-то большой компанией.

Один из них, сидевший на переднем сиденье, при виде велосипедиста широко улыбнулся и осенил меня крестным знамением.

«Вот было бы здорово, если бы они оказались из этого монастыря!» – думал я, подъезжая к холму, на

котором красовалась подсвеченная тысячами маленьких лампочек длинная аллея.

Похвалив себя за выдержку и терпение, я постучал в дверь.

На звук из здания выбежали несколько молоденьких девушек.

Факт их появления был удивителен, но я не сразу придал ему значение.

Девушки смеялись и разглядывали небритого, черного от загара мужика, оказавшегося в полночь у их порога. В дверях появилась женщина средних лет, облаченная в монашеское одеяние.

Только теперь стало ясно, что «монахи», о которых говорили прохожие, оказались «монахинями».

Дело в том, что в грузинском языке нет местоимений «он» и «она», именно поэтому от грузин, использующих русский, мы можем слышать это пресловутое: «девушка, дорогой!»

Поняв ошибку, я попытался как мог сгладить конфуз.

Попросив прощения за вторжение («**ма патие**» по-грузински «простите меня» – одно из выражений, которое понимают во всех регионах Грузии), я испросил разрешения поставить палатку на их территории, разумеется, вдалеке от покоев послушниц... В ответ – категорический отказ.

В кромешной темноте совершенно незнакомого места пришлось снова искать ночлег.

Тут меня осенило: разбивать лагерь на территории монастыря было запрещено, но никто не сказал, что этого нельзя делать непосредственно под его стенами!

Земля была очень каменистой, и стоило немалого труда вколотить колышки в твердый грунт.

Поставив, наконец, палатку, я приготовился ко сну.

Глухое сопение в нескольких метрах вывело меня из полудремы. Я не знал, пугаться или нет, но через

несколько минут тревоги были развеяны: поросячье хрюканье не спутаешь ни с чем.

Судя по звукам, свиньи с наслаждением паслись на каменистой площадке, разгрызая мелкий щебень...

Я пытался вспомнить все, что знал о свиньях, но нигде не доводилось читать об их привычке грызть горную породу.

Впрочем, защищенный монастырской стеной и молитвами если не монахинь, то, по крайней мере, послушниц святой обители, я чувствовал себя спокойно, даже в присутствии животных с такими феноменальными челюстями.

Утром загадка была разгадана – палатка стояла под старым сливовым деревом.

Потрусив его как следует и набрав великолепных сладких плодов, я выехал в направлении Зугдиди.

Не более чем в ста километрах начиналась Сванетия – крайняя северная оконечность Грузии и до недавних пор – самая дикая и независимая из кавказских провинций, известная традициями кровной мести и некоторыми обрядами, сохранившимися там еще с языческих времен.

Японцам и не снилось

В Тбилиси любят рассказывать о Сванетии один анекдот, очень похожий на реальную историю.

Дело было лет 15 назад.

Группа японских документалистов прибыла в Сванетию на съемки. Отсняв необходимый материал, они собрались обратно, но по дороге встретили группу сванов, которые потребовали отдать аппаратуру.

Заметив, как японцы вынимают из камер карты памяти, сваны подумали, что их хотят обмануть, и потребовали выдать и их...

Вернувшись в Тбилиси, иностранные документалисты подали заявление в милицию, но в то время для грузинских блюстителей порядка показаться в горах Сванетии даже просто на экскурсии, не говоря уже о чем-либо другом, было равносильно самоубийству.

В качестве компенсации столичные милиционеры решили покатать японцев на фуникулере и угостить любимым блюдом – хинкали. Но до угощения гости не доехали – тросы фуникулера оборвались и вагончик рухнул вниз.

Говорят, японцев, чудом выживших после аварии, увезла «скорая помощь». Однако и тут их неприятности не закончились – в больнице отключили электроэнергию.

Этот исторический анекдот великолепно иллюстрирует то, чем была Грузия и, в частности, Сванетия, в первые пятнадцать лет после распада СССР.

Уроки сванского

«Какой самый простой язык в мире?»

«Сванский».

«Почему?»

«Даже сваны выучили», – так любят шутить сваны о своем языке – одном из самых сложных языков Кавказа.

В то время как современный грузинский литературный язык претерпел множество изменений, сванский, имея такую же грамматику, почти не изменился с веками. Ни один грузин не сможет понять жителей Сванетии, когда они говорят на родном наречии, являющимся одной из ветвей старогрузинского.

Еще в Тбилиси я попросил моего друга Тато преподавать урок сванского.

«Как по-вашему – мужчина?»

«Наржур, – Тато смеется, уловив в этом слове пикантную нотку. – А женщина будет „дина“».

«А как сказать девушке „ты – красива“?»

«Хоча дина ли».

«Хоча – это как хочу?»

«Нет. Это только то, что я сказал», – строго ответил сван.

Тато пояснил, что с такими словами, как «хочу», лучше быть поосторожнее.

«Какой самый простой язык в мире?»

«Сванский».

«Почему?»

«Даже сваны выучили», – так любят шутить сваны о своем языке – одном из самых сложных языков Кавказа.

Еще один важный урок: ни в коем случае нельзя произнести в присутствии свана ругательство со словом «мать». За такое больно бьют в Тбилиси, а в Сванетии – убивают на месте.

Нет ничего страшнее, чем оскорбить волчицу...

Мой друг долго пытался вспомнить слова, означавшие какие-нибудь нежные и душевные понятия, и я даже на какое-то время усомнился, есть ли в сванском языке что-то подобное.

Наконец мой собеседник произнес «мишгуладегси» (с «г» похожим на французскую «р») пояснив, что это сванский аналог общеизвестного в Грузии «генацвале».

«А как насчет вендетты? Как это сказать на сванском?»

Выбирая нужное слово, Тато прорычал несколько глухих гортанных звуков, а потом вдруг блеснул быстрым, с рикошетом во втором слоге: **«лицври»**.

Впрочем, вендетта для свана это скорее не понятие мести как таковой, а процесс «взятия крови». Поэтому в обиходном языке, понятном каждому горцу, слово «мстить» переводится коротко и ясно: «взять кровь».

Сваны – самая одиозная среди этнических групп грузин.

Бедные, гордые и вооруженные до зубов, они прославились особой жестокостью к врагам и презрением к смерти.

Даже в двадцать первом веке они живут и умирают по своим, кровным законам.

Страна волков

Современные сваны уже не помнят, откуда все пошло. Но историки полагают, что в основе традиций кровной мести лежит культ волка.

Этнограф Вера Бардавелидзе пишет, что волков здесь считали животными мистическими и относились к ним, как к братьям. Горцы с древности верили, что сородичи убитого зверя жестоко мстят убийцам и всей их семье.

Убийство волка было для свана табу.

«Случайно нарушивший табу, – пишет Бардавелидзе, – становился перед убитым зверем и с непокрытой головой приносил ему извинения, уверяя, что ошибся, не признал волка, ибо не мог же он захотеть убить его, подобно тому, как не смог бы он этого пожелать в отношении родного брата».

Именно у волка, царя всех зверей, чующего добычу через горный хребет; волка, мстящего за своих собратьев и верного стае, древние сваны просили заступничества и помощи.

После принятия христианства культ волка был заменен культом святого Георгия.

Считается, что само название страны происходит от имени этого Святого.

Грузия – Джоргия – Георгия... Лингвистически все выглядит логично. Но есть одна увлекательная деталь:

слово «горг» на староперсидском означает «волк», а «слан» – голова.

Вахтанг Горгасали – царь, построивший Тбилиси, – носил на своем шлеме голову волка.

Спустя сотни лет тотем сванов уступил место лику святого.

Но лицо иконы или оскал тотема – это всего лишь маска. Горное племя осталось таким же, что и сотни лет назад.

На одной из икон, хранящейся в музее столицы Сванетии – Местии, Святой Георгий убивает не дракона, а человека. «Этого человека – можно», – поясняет экскурсовод. Оказалось, что жертва Святого Георгия – кровный враг христиан император Диоклетиан.

О культе кровной мести сванов существует масса анекдотов.

Самые показательные – те, что рассказывают о себе они сами.

«Приехал к свану гость из Тбилиси. Пьют рахи ^[8] в каменной башне. Подойдя к окну, гость обнаружил, что из соседней башни в него целится другой сван. Гость в страхе подбежал к хозяину: „Генацвале, твой сосед хочет меня убить!“

На что сван ответил: „Не переживай, дорогой! У него тоже будет гость!“»

Бандитское прошлое

В 2005 году грузинское правительство, наверное, впервые в истории, восстановило контроль над этим краем. Новые власти сказали лидерам сванских кланов: «Сдайте оружие, или мы придем к вам».

Те предпочли принять гостей...

Однажды утром, когда подразделение спецвойск пришло убивать Омехи – одного из самых жестоких

лидеров местных кланов, сваны в окрестностях села Бечо решили, что началась война.

Грохот гранатомета, нескольких ручных пулеметов и рев БМП разносились по всему «Объединенному ущелью счастливой Сванетии» (такую забавную формулировку я вычитал в книге одного автора советских времен).

Несколько десятков полицейских полдня осаждали каменный дом абрека.

Когда Омехи затаих, командир полицейского подразделения приказал переехать его тело бронированной машиной: солдаты так боялись его, что не хотели рисковать.

Для сванов это был серьезный урок – сегодня увидеть в Сванетии человека с автоматом практически невозможно.

«В Сванетии теперь сухой закон, – шутит один из моих знакомых, – кровь надо брать очень осторожно».

Семейные счета

«Дикая и суровая природа Сванетии сделала и обитателей их не менее суровыми; они являются каким-то остатком древнего человечества, до которого не коснулась ни одна пылинка просвещения».

*Из записок Императорского
географического общества, XIX
век*

Сванетия – это страна башен, похожих на средневековые замки, и кавказская столица вендетты, где, как некогда на Сицилии, сводят счета по долгам, открытым сотни лет назад.

Говорят, около 200 сванских семейств были стерты с лица земли в результате вековых вендетт.

Однажды в Тбилиси я встретил грузина со странной фамилией, не похожей на сванскую, но носящую в себе топоним этих мест.

«Вы что – сван?» – спросил я у него.

«Да, я сван», – признался тот.

«А почему вы уехали?» – уже кое-что зная о нравах Сванетии, я предвкушал красочный ответ.

«Сваны теплый народ, но злой народ. Мой прадед был сваном», – уклончиво ответил собеседник.

«А что помешало ему оставаться им?» – донимал я этого бывшего горца.

«Он уехал оттуда в Кахетию... По семейным делам!» – последовал ответ.

Сванетия – это страна башен, похожих на средневековые замки, и кавказская столица вендетты, где, как некогда на Сицилии, сводят счета по долгам, открытым сотни лет назад.

Напоследок этот человек попросил меня ни за что не упоминать в печати его новую фамилию, также как и фамилию его предка.

Несколько лет назад, путешествуя в поисках историй о кровной мести, я уже был в Стране волков.

Тогда я приезжал в сопровождении представителя одного из влиятельных кланов, присутствие которого должно было избавить нашу группу от возможных недоразумений и неприятностей.

Грузинское правительство уверяет, что сегодня визиты в Сванетию нисколько не опасней прогулки в Австрийских Альпах.

Сейчас я решил пересечь этот край на велосипеде и без сопровождающих, чтобы посмотреть, так ли радикально все изменилось здесь с тех пор.

Мегрельское тщеславие и сванская строгость

Гряда гор проступает на горизонте. Это – Сванетский кряж.

По дороге рассматриваю дома мегрелов.

Если у каждого уважающего себя свана во дворе должна стоять собственная башня, то у мегрела обязательный признак благополучия – пальма.

Зугдиди остался позади, и в нескольких километрах на горизонте показался небольшой поселок с балкончиками и верандами.

Не успев выпить кофе в городе, я решил сделать остановку в этом уютном местечке.

Уже можно было разглядеть веранды и миниатюрные витые лестницы, ведущие к покоям хозяев.

Только вместо живых людей здесь под крышами одноэтажных особняков стояли надгробья с высеченными в мраморе фигурами в полный рост. Некоторые из лиц серьезны, другие – улыбаются.

Рядом – столики для возлияний, а во дворе – пальмовый сад...

Один журналист, путешествовавший по Мегрелии в 70-е годы прошлого века, наблюдал такую картину: возле одного из надгробий стоял гараж с новеньким автомобилем ГАЗ-21, а прямо перед памятником – включенный цветной телевизор.

Как оказалось, родственники человека, всю жизнь мечтавшего об этих предметах обихода, решили последовать принципу «Лучше поздно, чем никогда». (Надо сказать, семья была не из богатых и для того, чтобы сделать эти покупки, им пришлось залезть в долги).

Мечта покойного, наконец, осуществилась: на протяжении многих дней сын приходил на могилу отца, включал телевизор и заводил мотор, стараясь хотя бы

после смерти обеспечить покойному максимальный комфорт.

Через несколько десятков километров пейзаж изменился.

Строгие горы, черная и белая река, сливающиеся у подножия Сванетского хребта, а рядом с дорожным полотном – памятники сванам: строгие миниатюрные башенки и на них портреты – гордые лица с жестким взглядом.

По стилю эти надгробия могут разниться, но все без исключения схожи в одном: смотреть на дорогу и всегда оставаться в первом ряду – вот чего все грузины хотят даже после смерти.

Княжеская Сванетия

Первую сванскую башню встречаю, проехав поселок Джвари.

Я прозвал ее «крепость Ку-ку», так игриво она выглядывала из-за поворота.

Это – первый форпост Верхней, или Княжеской, Сванетии.

Дорога великолепна и, несмотря на подъем, ехать по ней – одно наслаждение.

Когда-то в этих землях правили князя Дадешкелиани.

Эта недюжинная династия сумела покорить сванские села до самого перевала Угири, за который их влияние уже не распространялось.

В книге, озаглавленной «История войны и владычества русских на Кавказе», есть любопытный абзац, рассказывающий о стиле правления этих князей.

«За каждую вину и проступок князя (Дадешкелиани. – Авт.) накладывали в свою пользу штраф, иногда весьма значительный. Князя установили плату за раздел, за позволение жениться и присвоили

себе право продавать ежегодно одного мужчину или одну женщину в рабство в горы».

Эпоха правления Дадешкелиани закончилась в 1857 году, когда князь Константин убил в Кутаиси губернатора Гагарина, за что и был расстрелян.

Итак, в свое время этим краем правил жестокий и влиятельный род, сумевший обуздать даже независимых сванов. Но как им это удалось?

Люди на протяжении многих веков создавали города и крепости, чтобы объединяться в сообщества и защититься от внешнего врага.

Сваны же строили свои крепости, руководствуясь другими соображениями – их башни неудобны для войны с внешним захватчиком, зато идеальны для защиты от соседей.

Хозяин постоянного двора в поселке Хаиши так рассказал о местных достопримечательностях, которые ждут путешественника по дороге в Местию.

«Ты можешь заехать в Лахамуло – там самая лучшая соль», – сказал он.

(Действительно, сванская соль была в позапрошлом веке одним из основных статей местного экспорта. Специя эта, приготовленная из каменной соли, толченого сушеного чеснока, укропа, паприки и нескольких разновидностей горных трав, готовится только в Сванетии.)

«За Лахамуло будет село Луха. Там можно купить сванскую шапку», – продолжил хозяин.

Я ответил, что сванская шапка мне не нужна, но если эти шапки производят там же, на месте, было бы интересно посмотреть на процесс их изготовления.

«Спроси дом, где живут дадешкелианцы, – ответил мой собеседник, очень забавно склоняя эту фамилию, – они у нас теперь главные по шапкам».

Сванская соль была в позапрошлом веке одним из основных статей местного экспорта. Специя эта, приготовленная из каменной соли, толченого сушеного чеснока, укропа, паприки и нескольких разновидностей горных трав, готовится только в Сванетии.

Я ожидал всего, чего угодно, но только не этого.

«Дадешкелиани?! – изумился я. – Те самые?»

Так я познакомился с княжеской фамилией Дадешкелиани, железной рукой правившей Сванетией полтора века назад.

Следы крови

За длинным подъемом после села Хаиши обнаружилось мирное и тихое местечко с журчащим ручьем, маленькой лавочкой и хозяйкой, кричащей «хелло!» из дверного проема.

Оказалось, что это первые дома села Лахамуло.

Об этом селе в книге Дубровина содержится любопытный абзац:

«Девушки лахамульцев красивее сванеток, но сванет ни за что не женится на ней, под страхом непрямого штрафа».

Оказывается, сваны, считающие себя наиболее чистокровными среди всех грузин, с презрением относились к жителям Лахамуло, где, по их мнению, чистота крови соблюдалась не так, как в остальной Сванетии.

Дальше, в книге того же Дубровина, следовал такой пассаж:

«По понятию сванета, красавица та, которая имеет широкие плечи, маленькие ножки, полную грудь и тонкий стан».

Для обережения тонкости стана некоторые обшивают девушек, на десятом году от рождения, сырою кожей от бедер до груди. В таком положении девушка остается до брачного ложа, а тогда жених разрезает эту шнуровку кинжалом».

В Лахамуло я позавтракал вкуснейшим мацони и свежим грузинским хлебом со сванской солью.

«Какой симпатичный!» – воскликнула хозяйка, увидев, как я точу о камень, служивший столом, свой перочинный нож.

«А у меня, кстати, очень красивая дочка!..» – вторит ее соседка.

Обе женщины с умилением смотрят на то, как гость заботится о своем холодном оружии.

В Грузии говорят: «Можно понять, что человек тупеет, если видно, что у него тупеет нож».

Сванские женщины как никто усвоили эту мудрость.

Я купил у хозяйки запас сванской соли и попросил показать дорогу к дому Дадешкелиани.

«Держись черной речки. Езжай вперед, пока не увидишь большие кошки».

«Большие кошки?!»

«Да, вот такие», – отвечает она, показывая рукой выше своей головы.

Так я узнал, что «кошки» по-грузински – башни.

Большинство сванов отлично говорят по-русски и тем комичнее они выглядят в те минуты, когда сами не улавливают забавного оттенка произносимой фразы.

«Из чего этот мед?» – спрашиваю горца, торгующего рядом со своими ульями.

«Из дерева», – отвечает он совершенно серьезно.

Видя недоумение (мед был хорош), он расширил ответ:

«Этот – из акации».

К обеду я был уже в селе Луха, где находится дом княжеской фамилии.

Там живут Изольда и Доди Дадешкелиани и их брат Джокла – внучатые племянники князя Константина, убившего в свое время русского губернатора Гагарина.

«Он хотел выселить нашу семью», – объясняет Джокла поступок предка.

Действительно, русское правительство, решив удалить князя из его владений, собиралось отправить его в «длительную командировку» в Ереван. Сван отказался, и, в гневе ворвавшись в кабинет губернатора, потребовал отменить это решение. «Ты – сван, и это извиняет твои манеры», – сказал князю кутаисский губернатор.

«Да, я сван, и должен следовать своей традиции!» – воскликнул тот и всадил в него кинжал.

Путешествуя по Грузии, мне давно хотелось обнаружить кровные связи, объединяющие разные семьи и регионы. Семья Дадешкелиани связана с другой исконно сванской фамилией. Правда, эти узы – не узы родства.

Женой Гагарина, убитого князем Константином, была известная грузинская красавица Анастасия Орбелиани, представительница того самого рода, в доме которого я гостил в Тбилиси.

Круг замкнулся – я впервые побывал в гостях у двух кровных врагов.

Сиеста

Лет десять назад не было ни единого шанса уехать отсюда не лишившись имущества, сейчас же в Сванетии можно доверить свой багаж владельцу первого придорожного постоянного двора.

Когда в жаркий день время сиесты застаёт в кафе, можно уснуть, сдвинув вместе стулья или длинные

скамьи.

Сегодня, уснув на скамье в придорожной забегаловке, чувствую, как кто-то подкладывает под голову подушку.

Во дворе вдруг завелась пила и кто-то из домочадцев принес в дом ссору – ругались старики.

Когда грузины ссорятся, звук их речи напоминает рокот бушующей горной реки. Когда же разговаривают смеясь – это похоже на веселый камень, катящийся с горы. Он скачет, подпрыгивает, звонко ударяясь о лежащих на боку собратьев.

Но нет ничего приятнее мирного голоса грузинской женщины, говорящей кому-то нежные и ласковые слова. В ее устах грузинская речь – это горьковатый и сладкий горный мед; и тем темней и слаще он путнику, не понимающему ни звука из услышанного...

Красавица

«Убить женщину в Сванетии считается низким, а прекрасный пол пользуется этим и принимает участие во всех ссорах и резне. Стоит только женщине, без покрывала, с распущенными волосами, броситься в толпу враждующих, как кровопролитие тотчас же прекращается. Никакое мщение, наказание, а тем более убийство не может быть совершено в присутствии женщины.

Недостаток прекрасного пола вызвал другой, не менее странный обычай. Если замужняя женщина понравится мужчине, то он ищет случая привязать пулю к ее головному убору, и, высказав этим способом притязание на нее, убивает

мужа и берет понравившуюся женщину к себе».

*Н. Дубровин, «История войны и владычества русских на Кавказе».
Санкт-Петербург, 1871 г.*

Интересно, как может эта пуля оказаться там без ведома хозяйки? Может ли быть, что она сама, позволив новому мужчине занять место прежнего, дала разрешение расторгнуть брак? Расторгнуть так фатально?

В Сванетии, как и везде в Грузии, покорность женщины – скорее маска. Что кроется за ней?

Для того чтобы узнать это, недостаточно быть туристом, а написанию такого труда можно посвятить весь отмерянный исследователю остаток жизни.

* * *

Я не смотрю на его женщину. Смотрю в сторону.

Наши взгляды – как два встречных поезда. Издалека не разберешь, идут они по одной колее или по разным. Со стороны может показаться, что я смотрю туда, куда не положено.

Не просто не положено – категорически запрещено!

Представляю себе возможный диалог:

«Извини, я не смотрел на твою женщину».

«Извини, я нечаянно нажал на курок...»

В Сванетии, как и везде в Грузии, покорность женщины – скорее маска. Что кроется за ней?

Молчу. Не отводя глаз, улыбаюсь, как турист. Вы спросите: как это – улыбаться, как турист?

Улыбка широкая, с придурью; взгляд отвлеченный, направлен в пространство.

В ответ – напряженный, животный взгляд, помечающий границы территории.

Я не улыбнулся.

Улыбнись я, он мог бы подумать, что я издеваюсь над ним?

А пока... делая вид, что ничего не произошло, лениво, медленно перевожу взгляд в глубь помещения.

Кажется, он понял мою дипломатию.

Улыбнулся.

Его гордость сохранена. Мой престиж – не поколеблен.

Мы не пересечемся.

Он отметил свою территорию, а я принял его границы.

Суд старейшин

Когда-то высшим органом управления в Сванетии, как и в Древней Греции, было народное собрание.

Последний «сванский сход», или, говоря современным языком, – референдум, проводился в 1875 году, во время восстания сванов против русского владычества.

Суд старейшин села (по-свански – *махшви*), состоявший из 12 человек, решал более локальные вопросы: мирил враждующие кланы, присуждая виновным в межусобицах меру наказания или размер платы «за кровь».

Местные старейшины говорят, что семьдесят процентов споров, разбиравшихся когда-то в Сванетии, происходили из-за женщин.

В селе Бечо, что между поселком Луха и Местией, живет Иламаз Авалиани – один из *махшви* и, по

совместительству, преподаватель русского языка и литературы в сельской школе.

В запасе Иламаза арсенал историй о сванских вендеттах.

Главные герои его историй – абраги (беглецы от закона), а еще мальчишка-школьник, расстрелянный из «калашникова» и потерявший руку, но отказавшийся выдать полиции своего врага – «взять кровь» должен только он сам.

«А может мужчина сван отомстить женщине?» – спросил я у Иламаза.

«Женщине? Это в два раза дороже обходится!» – отвечает старейшина.

«В два раза дороже? Как это?»

«А вот так. Женщин не должен ранить мужчина и не должен убить. Потому что женщина здесь символ. Неприкосновенное лицо. Не принято у сванов убить женщину – иначе над мужчиной будут все смеяться – что ты, мол, убил или ранил женщину! Это бесчестие.

Если же медиаторы мирили две семьи, то за убитого мужчину платили 20 быков, а за женщину – 40 быков обязан был отдать виновник...»

Правда, сам Иламаз против сделок на крови и откуп считает позором:

«За кровь должна быть кровь. Или примирение – без всяких откупов».

Рассказывают, как у двух сванских фамилий однажды случился раздор. На какой почве? Да на этой же, на сванской – ответил бы автор «Гамлета» и «Ромео и Джульетты».

В то время ни у одной из этих семей еще не было собственной башни, и вражда с соседями стала поводом поскорее построить их.

За работу взялись обе семьи, время от времени постреливая друг в друга из-за укреплений. Перестрелка мешала работе и не приносила результатов

– никому из враждующих не удавалось *«ВЗЯТЬ КРОВЬ»*. Однажды к представителям обеих семей явились старейшины и предложили уговор: не стреляйте друг в друга до тех пор, пока кто-то из вас не достроит башню, а кто первый достроит, на стороне того и будет преимущество в этой войне. Обе семьи рьяно взялись за работу, но стихия, тающие снега и разлившиеся горные потоки не давали закончить строительство. Обе стороны кусали себе локти и время от времени с досадой поглядывали на двор соседей, где прогуливались как ни в чем не бывало их заклятые враги. В то же время никто не решался нарушить слово, данное совету старейшин.

Эта история закончилась не по-шекспировски, то есть – с хеппи-эндом. Дочь одного из враждующих кланов повенчалась с сыном другого.

«Все хорошо закончилось?» – переспросил я на всякий случай, пытаюсь найти подвох. (Сванетия – не то место, где свадьба обязательно заканчивается хеппи-эндом.)

«Не очень-то, – улыбнулся мой собеседник, – девушка вышла замуж без приданого».

Рассказы этого махшви о мести страшны и комичны. И в этом весь Иламаз. Человек, который любит говорить, что жизнь – это лишь шутка: «короткая шутка, которую не каждому дано понять».

* * *

Спустя пять лет после первой встречи с семьей Авалиани, я снова переступил порог их дома.

Помню, как в прошлый раз Иламаз кокетничал, прося гостей угадать свой возраст. Его выдавала жена – сухонькая, пожилая, с огромными глазами. Она уже подошла к восьмому десятку. Где-то там, видимо, и ее Иламаз – краснолицый здоровяк с ястребиным носом.

Вся семья в сборе – Мариджан, жена Иламаза, их сын Спартак и многочисленные внуки, правнуки и племянники, приехавшие со всех концов Грузии.

У Иламаза две внучки, но в клане Авалиани до сих пор ждут мальчика.

В первые минуты, не увидев старика, я не на шутку забеспокоился. Но вот, наконец, явился пахнувший коровой глава семьи.

Он все так же полон жизни, умудряясь за день сделать работу по хозяйству, прочитать уроки в сельской школе и побывать тамадой на свадьбе.

Стоит ему войти в дом, как что-то снова зовет его по делам.

Во дворе залаял пес. «Пойду посмотрю, что там ему снится», – улыбается хозяин, и у меня появляется несколько минут, чтобы записать впечатления прошедшего дня.

Тем временем дождь за окном превратился в ливень. Если он не прекратится, завтра гора Ушба будет затянута облаками.

Но негативные прогнозы не оправдались, и на следующий день мне удалось отправиться к подножию самой легендарной вершины Верхней Сванетии.

Знакомство с Ушбой и руинами села Мазери

Прямо по дороге, ведущей в сторону ледника Ушбы, находится поселок Мазери с руинами огромной десятиэтажной башни князей Дадешкелиани.

Иламаз рассказал об этой семье одну презабавную историю. Полтора века назад один из князей подарил эту вершину некоей австрийской альпинистке, сумевшей покорить ее.

Говорят, князь даже написал расписку, удостоверяющую передачу прав на гору.

Продолжения истории никто не знает: вряд ли в галантный век эта дама могла просить о большем.

Рассмеявшись, я представил себе современную девушку, которая попыталась бы затребовать материальные гарантии такого подарка от владетельного воздыхателя.

Впрочем, никто не знает, чем закончилась бы история этой дарственной, если бы в середине XIX века владычеству династии Дадешкелиани не пришел конец.

Сегодня альпинисты могут подняться на Ушбу как со стороны Карачаево-Черкессии, так и с грузинской стороны.

Восхождения, рискованные сами по себе, без сопровождения местных гидов могут стать смертельно опасными.

Но такие восхождения, рискованные сами по себе, без сопровождения местных гидов могут стать смертельно опасными.

Альпинист Нугзар Нигуриани, живущий в Местии, рассказывал, как однажды, отправляясь на скалы Ушбы, увидел на леднике маленькое оранжевое пятнышко.

Начав раскапывать снег, обнаружил палатку, затем рюкзак, а вслед за ним и останки альпиниста. Нигуриани и его спутники отменили запланированное восхождение и начали раскопки.

Сначала из-под снега показалась копна золотистых волос и уже совершенно побелевший скелет их обладательницы.

Сванские альпинисты откопали тела пятерых молодых людей.

Четверо юношей и их светловолосая спутница поднимались на вершину, видимо, с российской стороны, так как на грузинской территории не было обнаружено ни единого свидетельства появления подобной группы,

а испорченные временем документы принадлежали жителям Российской Федерации.

Нигуриани и его люди собрали останки, положили их в свои спальные мешки и, вернувшись в Местию, отправили найденные на телах документы в Москву. Ответа не последовало, и безымянные кости были похоронены в Сванетии.

Считается, что в последние годы восхождения на Ушбу стали менее опасными, чем полвека назад, но это далеко не так.

Таяние ледников уничтожило привычные ориентиры, и многих маршрутов, проложенных великими альпинистами прошлых лет, больше не существует. Поэтому те, кто сегодня пытаются покорить вершину, руководствуясь старыми картами, рискуют ничуть не меньше первопроходцев.

В эпосе есть множество историй, связанных с этой горой.

В древности сваны считали, что там обитает сама богиня охоты Дали – мать богатыря Амирана, подобно Прометею, подарившего людям огонь.

Никто из местных жителей не знает, откуда взялось ее название. По одной из версий, озвучиваемой по ту сторону Сванетского хребта, Ушба переводится как «шабаш ведьм».

Грузины ни за что не согласятся с этим – ведь по местному поверью не на Ушбу, а на лежащий севернее Эльбрус слетаются со всего Кавказа колдуньи на встречу с Князем тьмы.

Первая встреча с язычеством

Раз в год в Сванетии, в селе Кала, находящемся примерно в 30-ти километрах от Местии за перевалом Угири, происходит самый грандиозный праздник всех сванов – день святого Квирикe.

Это праздник имени христианского мученика, но ни один священник никогда не ответит вам на вопрос, кем был когда-то этот святой.

Дело в том, что некогда святого Квирикe звали Квирия, и он был богом плодородия.

Как пишет грузинский этнограф Сергей Макалатия, при раскопках в районе села Цдо в долине Казбека были найдены множество древних фаллических статуэток баранов, а неподалеку стоял полуметровый каменный идол, который местные жители называли «бараном самого Квирия» – то есть божества плодородия.

Через несколько веков у сванов святой с похожим именем стал одним из самых грозных и могучих защитников, почитаемым не меньше, чем Святой Георгий.

Сванская икра

На перевале Угири раньше заканчивалась территория, подконтрольная князьям Дадешкелиани, и начиналась Сванетия «*у-батано*» – дословно «Сванетия без господина».

Я остановился на ночлег в семье пастуха Нестора в нескольких километрах от места назначения.

К ужину подали один из главных гастрономических изысков Сванетии – жареную картошку.

Нет, не пироги или еще какое-нибудь блюдо с использованием этого клубня. Сванский картофель – деликатес сам по себе, он ценится во всей Грузии и является одной из главных статей местного экспорта.

Жареный сванский картофель с тонким, кисловатым соусом ткемали – одно из самых простых и вкусных блюд, которые мне доводилось пробовать.

«У нас застолье!» – отвечает сван на телефонный звонок друга.

«И что там на столе?»

«Сванская хицилава, сванская икра», – отвечает тот, имея в виду картошку.

Пока мы с Нестором уплетали деликатес, его сыновья при свете стеариновой свечи снимали шкурку с только что пойманной охотничьим псом белки.

Сванский картофель – деликатес сам по себе, он ценится во всей Грузии и является одной из главных статей местного экспорта.

Их семья не промышляет выделкой шкур, но в сванском доме в ход идет все, поэтому оставить без внимания такой трофей, как беличья шкура, было бы транжирством.

Я не стал разбивать палатку, но на случай дождя постелил спальник под навесом.

Посреди ночи проснулся от выстрела.

Это был одиночный выстрел из ружья и, не услышав после него ответной пальбы, криков или причитаний, я продолжал спать.

«Кто стрелял ночью?» – спросил у Нестора за завтраком.

«Когда коровы остаются на ночь в лесу, я всегда стреляю в воздух. Тогда волки, если они рядом, знают, что хозяин дома», – ответил тот.

Гнев святого Квирике

Добраться до церкви Св. Квирике оказалось не просто.

Незнание грузинского языка сыграло злую шутку.

Всем в Грузии известно русское слово «дорога», но слово «тропа» знакомо немногим. Поэтому «дорогой» здесь могут называть как широкую двухполосную асфальтированную трассу, так и едва заметную пастушью тропинку, ведущую в горы.

В связи с этим неплохо, на всякий случай, знать эти слова по-грузински (см. главу «Грузинские слова и выражения, необходимые в путешествии»).

Тропа становилась все уже и, наконец, привела к руслу высохшего ручья. Идти в гору становилось труднее, и вскоре я уже должен был помогать себе руками, цепляясь за корни сосен, росших по высохшим берегам.

Вскоре стало ясно – если здесь когда-то и ступала нога человека, это не был обычный прихожанин: такая дорога была тяжелой даже для самых крепких и выносливых паломников.

Ухватившись руками за корни и пытаясь проделать ногами ступеньки в рыхлой почве, я карабкался в гору.

Узкая пастушья тропа взялась как будто ниоткуда и повела в густой сосновый лес, опоясывавший вершину холма.

Около четверти часа пришлось продираться сквозь заросли молодого сосняка.

Солнце стояло еще довольно высоко, когда я достиг вершины. Церкви там не было.

Дикие травы, полынь и чертополох росли на поляне, окруженной молодым ельником, – отличный «лаунж-бар» для коз, этих любительниц «остренького», и сванских старух, собирающих травы для своей стряпни.

Дальше, за поляной, дороги не было тоже.

С этим местом была связана одна легенда.

Однажды воры, пробравшись в церковь Св. Квирике и вынеся оттуда все иконы, стали спускаться вниз, когда сполз такой густой туман, что они не могли разглядеть ничего на расстоянии вытянутой руки. Что-то водило их по этим горам и, чудом не сбросив в обрыв, привело назад, в то самое место, откуда они вынесли сокровища.

Побросав иконы, воры пустились наутек. Туман больше не застилал им глаза.

Война богов

В период советской власти большинство священников, правивших службу в Сванетии, были расстреляны или сосланы.

Сваны же так и остались верны древним традициям, только обряды теперь стали править махвы – старейшины сел.

В то утро по дороге в Кала я встретил украинского попа, путешествующего по Сванетии с женой и еще одной особой, одетой (как для Сванетии довольно опрометчиво) в короткое черное платье, не скрывающее достоинств ее крепких загорелых ног.

В эти дни на праздник Квирикоба собрались все высшие чины местной православной церкви. Они прибыли сюда, чтобы под эгидой праздника святого Квирике отслужить молебен об искоренении языческих ритуалов.

Этот батюшка поведал мне некоторые факты, услышанные от местных священнослужителей.

(Не отличаясь особым тактом, он был, впрочем, человеком довольно смекалистым и в церковных делах явно не новичком.)

Так вот, я узнал от него, что в эти дни на праздник Квирикоба собрались все высшие чины местной православной церкви. Они прибыли сюда, чтобы под эгидой праздника святого Квирике отслужить молебен об искоренении языческих ритуалов.

Одним из таких ритуалов была традиция обмазывать кровью жертвенных животных стояки дверей.

Я лично никогда не видел подобного обряда и подозревал, что он давно канул в Лету.

Что же именно сохранилось от языческого обычая, предстояло узнать на рассвете.

Заклинания и заклятие

Последние лучи солнца прятались за головой рогатого демона – Ушбы. Со стороны села Кала эта вершина выглядит трехглавой, отсюда и еще одна версия возникновения ее имени – Юш-Баш, по-татарски – «Три главы».

Когда я нашел нужную тропу, было уже почти совершенно темно.

К церкви Квирике вели высеченные в камне ступеньки.

Как и большинство грузинских церквей, храм напоминал крепость – стены были продолжением скалы, на которой он возведен.

Рано утром меня разбудил звон колокола.

Церковь Св. Квирике (сваны называют это место «Лагурка») – не монастырь, потому звук колокола не мог быть призывом к утренней молитве. Значит – обряд начался.

В синевато-сумеречном свете несколько человек разжигали огонь у входа в церковь.

Большой черный бык, весом в полтонны, был уже наготове.

Кто-то (как я понял потом – сельский махшви) прокричал в сторону церкви короткое заклинание.

До захода солнца этот человек будет выкрикивать все те же однообразные словесные формы, только с новыми вводными в виде имен и особенностей бед и несчастий, постигших их владельцев.

С первых минут рассвета на гору поднимаются сваны и потомки сванов из разных городов, чтобы попросить, при посредничестве старейшины, заступничества своего святого.

Повинуясь звуку голоса махшви, односельчане бьют в колокол, прося о милости и поддержке.

Махшви же будет громко кричать, повторяя имена, которые шепчут ему, и сжимая в руке купюры, полученные за эту услугу. К вечеру его голос станет таким хриплым, что он едва сможет говорить.

Сегодня функции сванского старейшины похожи скорее на роль английской королевы, но когда-то махшви вершили правосудие в Вольной Сванетии, где не было власти ни царя, ни князя.



*Мальчик в костюме грузинского князя на празднике
Квирикоба (Сванетия)*

В «Очерке Кавказа и народов его населяющих», изданном в 1871 году, содержится любопытный пассаж о роли махшви и о культе св. Квирик:

«Посредники совещаются секретно. Не высказывая своего решения, они заставляют обе стороны присягнуть в безусловном его исполнении. Присягают непременно при образе в церкви. В важных случаях присягают на тех образах, которых более всего боятся. Первое место занимает, в этом отношении, образ или вода св. Квирик. Клятва обыкновенно совершается так: сванет становится перед образом и бросает в него пулю.

„Если изменю, – говорит он при этом, – то да поразит меня эта пуля“. Священник, подняв пулю, бросает ее в клянущегося, и суеверие народа делает то, что клятва эта никогда или очень редко нарушается».

* * *

В темноте возле церкви несколько мужчин бросали на угли грубые бруски пчелиного воска.

Воск будет тлеть весь день, пока старейшина взывает к высшим силам.

Позже, когда взойдет солнце, здесь, у церкви, состоится единоборство между сванскими юношами – что-то вроде чемпионата по вольной борьбе.

Но главная схватка дня произойдет сейчас, в сарае под церковью Св. Квирик.

Бык еще на несколько минут получил отсрочку – в маленьком темном помещении готовили парующий котел.

Животное убивали четверо.

Убивали долго.

Как тяжеловес, пытающийся в последний раз рвануть штангу, бык пытался сбросить с себя вязавших его веревкой.

Если бы не шпагат, которым были опутаны ноги, он бы копытами превратил их лица в кровавую кашу... Но сваны знали свое дело и повалили животное на бок.

Бык продолжал борьбу на ковре и даже почти сумел освободить задние ноги, но человек в белой рубашке начал интенсивнее орудовать чем-то в районе его горла.

Постепенно дыхание быка стало походить на звук лопнувшей трубы, из которой вырывается горячий пар.

Сильней. Прерывистой.

Хрипло...

Еще прерывистой.

Вдруг – тихо.

Все?..

Нет, с новой силой... Задние копыта ищут что-то в воздухе.

Слабей, глуше.

Вдруг что-то забурлило.

Тишина...

Человек в белой рубашке поднял голову.

Его одежда осталась белой. Только от пола, ставшего мокрым и скользким, поднимался густой пар. Где-то над нами зазвонил колокол, и хриплый голос прокричал первую молитву.

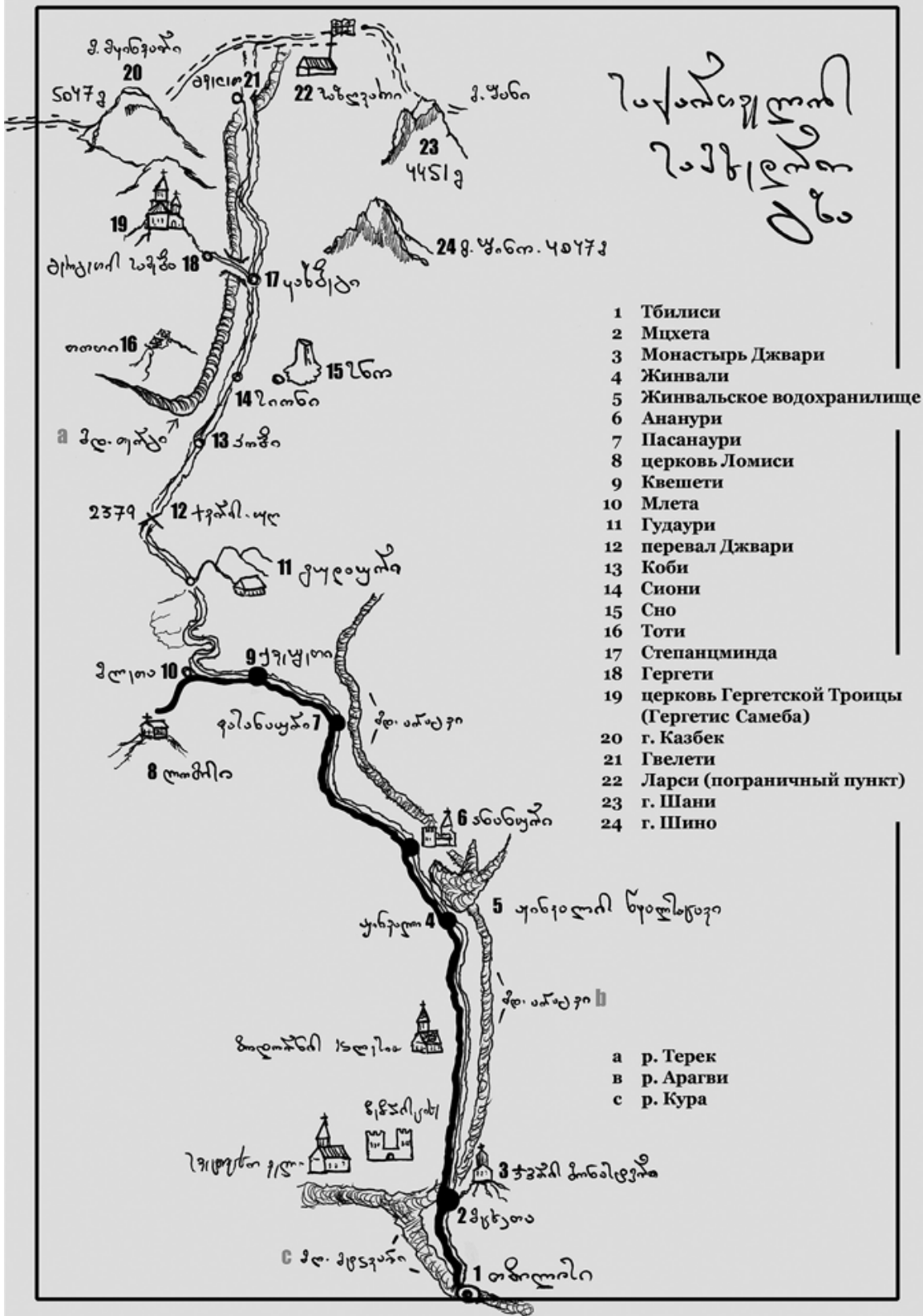
* * *

На следующий день после праздника я вернулся в Местию.

Никогда я еще не уставал так, как в те дни. Заняв комнату без окна, проспал несколько суток подряд, не в состоянии ни думать, ни писать, ни разговаривать.

Пользуясь паузой в путешествии, я расскажу еще об одном древнем обряде, по сей день существующем на другом конце Грузии – в долине горы Казбек.

Маршрут 5
Праздник Ломисоба в селе Млета
Вегетарианцам лучше не смотреть



Реванш быка

Каждый год в Млета совершается один из последних, если не последний в Старом Свете, обряд с массовыми жертвоприношениями в честь... быка.

После принятия христианства повсеместно в Грузии, вместо поклонения божеству Квирия и богине охоты Дали, начали внедряться христианские святые.

Одним из самых глубоко укоренившихся языческих культов был культ быка Ломиси, и священники для борьбы с ним пустили в ход тяжелую артиллерию. Иными словами, они решили привлечь к борьбе с язычеством наиболее влиятельного в Грузии святого – Георгия.

Некогда победивший дракона в Бейруте, в селе Млета Мтиульского района Святой Георгий был призван победить быка.

Первую версию происхождения праздника я услышал в Тбилиси.

Изначально это был языческий ритуал в честь какого-то языческого божества. По новой, христианской версии во время одного из мусульманских нашествий жители села увидели между рогов быка по кличке Ломилик Святого Георгия, который и указал им путь к спасению – отсюда и название торжества.

Каждый год в Млета совершается один из последних, если не последний в Старом Свете, обряд с массовыми жертвоприношениями в честь... быка.

По дороге в Млета создается впечатление, что у каждого грузина есть своя версия происхождения праздника.

Во всяком случае, ни в Тбилиси, ни в самом месте проведения ритуала не встретишь двух человек с

одинаковым мнением на этот счет.

Вообще-то фраза «тут не может быть двух мнений» едва ли применима в Грузии, народ которой един разве что в вопросах устройства патриархального общества, территориальной целостности своей страны, и отношении к гостям. Во всем остальном сложно представить себе нацию, отстаивающую право на собственное мнение каждого и обо всем.

(Впрочем, в селе Млета некоторые из моих стереотипов о грузинском обществе и строении семьи были несколько поколеблены.)

Однако вернемся к легенде о быке.

По пути в селение я не преминул блеснуть эрудицией в разговоре с первым встречным: «Вы едете на Ломисоба? Праздник в честь быка Ломи?»

«Какой бык? – удивился вожак одной из компаний, двигавшихся в том же направлении. – Ломиси – так звали человека. Он был такой сильный, что мог руками разорвать огромную цепь. Ломиси спас полторы тысячи грузин. Пошел к хану и отбил их всех!»

«Нет, про цепь, это все не так, – вмешался его спутник. – Несколько лет назад одна беременная женщина поднялась на эту гору с огромной цепью. Цепь эта теперь лежит в церкви Ломиси!»

Впрочем, была и общая деталь: рассказчики из села Млета непременно добавляли в историю одну подробность: богатырь Ломиси, по их версии, носил фамилию Бурдули – самого влиятельного клана в округе.

Матриархат по-грузински

Солнце уже садится, и нужно найти место для палатки. Под ногами – жидкая каша; такая себе грязевая слякоть, взбитая колесами сотен машин.

Прохожу между рядами сувениров и сладостей: по левую руку – исключительно продавцы христианско-

скобяного товара; по правую – мороженого, орехов и земляники.

Приехав в Млета, я рассчитывал немедленно пообедать шашлыком, но мясом здесь никто не торговал.

Это не была ярмарка для туристов, где путешественник может купить все, что заблагорассудится, – мясо жертвенных животных не предназначено для продажи.

Нет сомнения, что, напросившись к столу любой из компаний, я мог немедленно получить сытный ужин, но мне не хотелось терять свою независимость, попав в руки грузинского тамады.

Подкрепившись двумя стаканами свежей земляники, отправился на поиски ночлега.

Вся огромная площадь с церковью посредине и несколькими прилегающими к ней улицами (если можно назвать улицами покрытые слоем черного месива участки дороги) уставлена машинами, фургонами и большими навесами, под которыми могла спрятаться компания из 20—30-ти человек.

Ставить палатку в этом хаосе не представлялось возможным, и я подумал, что за небольшие деньги смогу снять комнату у кого-то из местных жителей (село Млета насчитывает 30–40 домов).

Хозяин одного из них предложил разместиться у него во дворе. В сухую пору я, пожалуй, принял бы это предложение, но только не сейчас.

Двор выглядел значительно чище дороги, но обилие домашней птицы, опорожнявшейся там, где заблагорассудится, заставляло запастись терпением и искать лучших условий. Я нашел их в следующем же доме.

Хозяева несколько минут посовещались за закрытыми дверями и отвели гостю одну из лучших

комнат с кроватью, хотя я и настаивал на том, что единственное, в чем нуждаюсь – это крыша и сухой пол.



Улица Руставели (как, до недавних времен, и улица Ленина) есть в каждом грузинском городке. Эта - в поселке Пасанаури, считающегося грузинской столицей хинкали

Дом был старый, построенный на горе и как бы врытый в нее; одноэтажный, если не принимать в расчет чердак, куда я и перебрался вопреки протестам хозяев.

Главным помещением жилища была кухня, оснащенная старинной металлической печкой, которая топилась дровами. Пустые оконные проемы завешены коврами, поэтому в любое время суток здесь царит полумрак.

Дом полон детей: смешливой, голосистой, слезливой оравой 2- 4-летних мальчишек и девчонок.

Пожилая женщина трудилась у печки, а несколько молодых сидели за столом и, не отягощенные домашними хлопотами, о чем-то весело болтали.

В царстве матриархата, где я очутился, было только двое мужчин. Они старались не появляться на кухне одновременно с женским составом.

Главой семьи явно была старуха. Впрочем, называть ее старухой неверно. Ничего дряхлого не было в этой седой, крупной, живой и улыбчивой женщине лет 60-75 (в Грузии угадать возраст мужчин или женщин так же сложно, как иногда в Таиланде отгадать их пол). Прародительница клана по очереди представила всех присутствующих.

Большинство из них она, то ли по причине избытка материнской любви, то ли из-за скудного запаса русских слов, называла своими детьми. Однако после некоторых уточнений («это тоже мой сын, он муж моей дочери») стало понятно, кто есть кто.

«Вы - Бурдули?» - спросил я мужчину, пригласившего меня в дом и оказавшегося «мужем дочери».

«Нет. Я – Надирадзе», – ответил он.

«Мы – Бурдули!» – провозгласила его жена.

Во всех сферах жизни села Млета фамилия Бурдули считается главенствующей.

«А они? – поинтересовался я, указывая на младшее поколение, резвившееся под ногами. – Они ведь – Надирадзе?»

Вопрос был провокационный, но я только потом понял, насколько.

«Ара! Ара! – воскликнула жена. – Нет-нет! Они – Бурдули!»

Муж поспешил перевести разговор на другую тему, и я не стал больше касаться дилеммы, судя по всему, давно разрешенной не в пользу мужской половины.

Возможно, в каких-то других краях человек, берущий себе в жены женщину из клана Бурдули, и считается представителем древнего и по всем параметрам архидостойного рода, однако здесь, в поселке Млета, нет фамилии весомее.

Будь он представителем царского рода Багратиони, возможно, жена не была бы столь категорична в желании передать девичью фамилию своим детям. Возможно, но не очевидно.

Aut Burduli aut nihil – быть Бурдули или никем, так в данном случае можно перефразировать древнюю латинскую пословицу.

Семья напоминала матриархальные общества, существовавшие в XIII веке на острове Суматра. Важнейшей социальной единицей там считалась семья «сапаруи», что означает «плоды одного чрева». Ядро составляли родственники по женской линии, происходившие от одной прабабки. Пришлая часть – это мужья, принимавшие определенное участие в жизни «сапаруи», но не имевшие прав на нажитое добро. При

разводе в такой семье все имущество, а также дети оставались в клане жены, а мужчина возвращался в дом матери.

Фактически абсолютным правом собственности на землю и имущество обладали только женщины.

Нечто подобное я увидел и в Млета: местные жители, принадлежащие к другим фамилиям, не только принимают это неравенство как должное, но и часто культивируют легенду о могуществе рода Бурдули паче самих бурдульцев.

Вот что рассказал Нико Надирадзе, женившийся на представительнице славного мтеульского клана.

«Ты слышал легенду о 300 арагвийцах?» – спросил он.

«Нет, ничего о них не знаю», – ответил я, заподозрив, что сюжет, который сейчас услышу, мне давно знаком.

И действительно, Нико почти слово в слово передал грузинский пересказ истории о трехстах спартанцах, с той лишь разницей, что дело происходило в горах Кавказа на реке Арагви, протекающей неподалеку^[9].

«Так вот, из этих трехсот арагвийцев где-то человек 160 были Бурдули... Ну, может быть 170», – уточнил Нико, украдкой взглянув на жену.

Во всех сферах жизни села Млета фамилия моих хозяев считается главенствующей, но в одной из них это выражается особенно явно. На празднике Ломисоба только человек из этого клана, причем не всякий, а непременно избранный самим старейшиной (естественно, тоже одним из Бурдули) становится главным действующим лицом в предстоящем ритуале.

Стаканчик черного

Утром, около 5-ти, меня разбудил один из гостей дома. «Алекс, собирайся! Мы идем на Ломиси!»

У меня был выбор – остаться внизу и быть свидетелем массового убийства баранов и гуляния многотысячной толпы или подняться на гору к церкви и наблюдать тот же сюжет, но в исполнении самых заядлых приверженцев культа.

«А наверху будет много баранов?» – на всякий случай спросил я.

«Много», – последовал ответ.

«А внизу?»

«Ой, много» – сказал собеседник. Не то чтобы мне доставлял удовольствие вид крови. Я отношусь к убийству животных так же, как к выращиванию и сбору урожая – природе, вероятно, было бы значительно проще без «двуногих бескрылых птиц», как назвал нас Диоген, но коль скоро Homo Sapiens уже появились на этой планете такими, как есть – всеядными и предприимчивыми, – интересно наблюдать за всеми проявлениями и поведением нашего вида.

В день праздника то ли в честь мифического быка Ломи, то ли силача Ломиси, то ли самого покровителя всех грузин Святого Георгия, прихожане съедают около полутора тысяч баранов и овец. Каждая прибывшая семья считает своим долгом принести в жертву животное; поэтому в канун праздника я встречал на дороге десятки пастухов со стадами, спешащими в Млета на предстоящее торжество.

Вместе с несколькими представителями клана Бурдули мы взбирались на гору Ломиси в предрассветной мгле.

Толпа паломников становилась все больше. Конные и пешие, с баранами и без; сельские жители и горожане; женщины (смешливые и серьезные, по-старушечьи траурные или одетые в цветастые костюмы) рыжие, черноволосые, выкрашенные хной, тщательно завитые и живописно растрепанные, и мужчины (спокойные, полные достоинства и еле держащиеся на ногах;

запыхавшиеся обжоры, тянущие в гору свое избалованное тело, а вслед за ним – и сопротивляющееся животное); юродивые (босоногие с растрепанными бородами и ищущими взглядами, пришедшие на гору то ли за благословением, то ли за причитающейся долей угощения) – все они были чрезвычайно добродушны и предвкушали чудесный праздник.

У меня был выбор – остаться внизу и быть свидетелем массового убийства баранов и гуляния многотысячной толпы или подняться на гору к церкви и наблюдать тот же сюжет, но в исполнении самых заядлых приверженцев культа.

Многие прихожане несли в руках крупные ветки и поленья.

Один крепыш (кажется, в тот день я встречал его несколько раз) тащил барана на плечах, скрестив на груди его связанные веревкой ноги.

Посреди всего этого сборища людей и животных в гору взбирались священники в рясах, подхватив полы, чтобы не елозить ими по скользкому мокрому склону. Но никто не ругается, не прокликает крутой подъем и вчерашний дождь. Все знают: это Ломисоба, а значит, с утра придется попотеть, чтобы наброситься на яства с чувством выполненного долга.

Вместо маленькой церквушки на каменистой вершине стоял большой храм с несколькими входами.

Оказалось, что это действующий монастырь, а древесина, которую волокли паломники, предназначалась монахам для отопления помещений.

Так прихожане помогали тем, для кого служение Святому Георгию и богатырю Ломиси (кем бы он ни

был), – не ежегодное развлечение, а каждодневный труд.

На вершине уже собралась толпа в несколько сот душ.



Церковь Ломиси в поселке Млета во время ритуального жертвоприношения в честь местного христианского праздника, напоминающего «курбан-байрам»

Почти все пришедшие столпились у дверей церкви. Я сделал то, чего стараюсь никогда не делать – а именно слился с толпой.

Люди, пробивавшиеся в церковь, кричали и толкались, но делали это очень миролюбиво.

«Что ты делаешь, это же женщина! Ты бы поосторожней... Немножко».

Замечания были адресованы какому-то русскоязычному туристу, и грузин, произнесший их, подбирая слова, вспоминая полузабытый язык.

«Извини, я нечаянно», – отвечает тот.

«Виджу, что нечаянно. Но все-таки».

Вдруг толпа начинает шуметь.

Грузины громко покрикивают, смеются и с уханьем напирают на стоящих впереди. Еще два шага, еще одна ступенька...

Расчищая себе дорогу, люди изо всех сил орудуют плечами. Но никаких рук! Толпа настолько миролюбива, насколько вообще может быть миролюбивой толпа.

Перед входом в церковь несколько человек из оцепления ослабляют хватку. (Видимо, это «богатыри Бурдули» – местные жители, выбранные старейшиной для поддержания порядка.) Это стало знаком для новой партии паломников протиснуться внутрь.



Охота на овец. Пастух выбирает жертвенное животное для праздника Ломисоба

Там, в освещенном лампадами и свечами помещении, оказалось довольно просторно. Двое служек направляют верующих: первый человек в шеренге хватается за звено цепи, за ним выстраиваются остальные.

Молящиеся, с цепью на плечах, должны описать три круга вокруг колонны с иконой Святого Георгия, прося покровителя о помощи и защите.

Если бы не современное платье паломников, эти люди, место и сам обряд выглядели бы абсолютно средневековыми.

Но самое ветхозаветное зрелище довелось увидеть, выйдя из храма.

Каждый хозяин жертвенного животного (это мог быть баран, овца или даже петух) описывает три круга вокруг церкви, а затем подводит жертву к человеку с ножом.

Последнего зовут Тенгиз Бурдули, и сегодня он выполняет функции главного *мнатэ* — служителя культа.

По традиции, держа в руке зажженную свечу, *мнатэ* должен перекрестить животное.

Бережно прикрывая ладонью пламя, он заносит руку со свечой над головой барана, но в ту же секунду сильный порыв ветра гасит огонь.

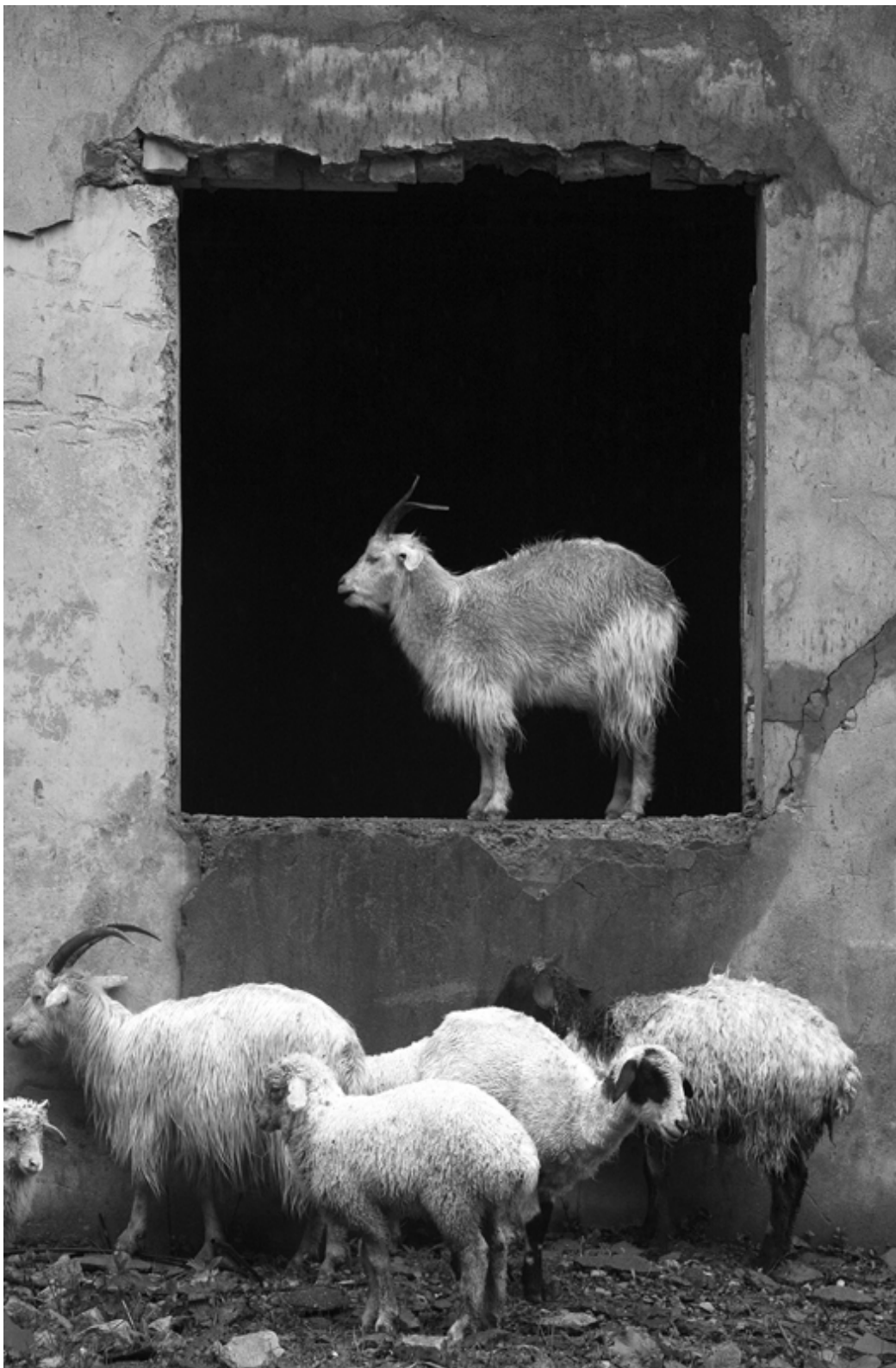
Ритуал должен быть проведен со всей тщательностью, и *мнатэ* терпеливо ждет, пока утихнет ветер.

«Кай, кай (хороший, хороший)», – приговаривает хозяин, поглаживая разнервничавшегося питомца.

Наконец Тенгиз Бурдули зажигает свечу и читает молитву:

«Когда зажигаем свечку, мы молимся за хозяина этого животного, молимся, чтобы у этого человека все

пошло хорошо. А если из его близких кто-то болен – пусть выздоровеет, а если здоров – пусть держится так, а святой Ломиса пусть присматривает за ним, за семьей и за родными».



Через минуту голова барана катится вниз с горы.

Священник выносит из церкви освященное вино. Черное и белое. В Грузии красное вино не называют «красным» – только черным. Оно и вправду черней и гуще самых густых и крепких европейских вин.

Тенгизу, человеку с ножом, приносят подношения – вино и пироги со сладковатой начинкой.

Кто-то из мальчишек, крутящихся рядом, предлагает вина и мне.

На дне стакана – остатки красного.

Верхом дурного тона было бы выплеснуть напиток – ведь на Кавказе считается честью пить из бокала друга, даже если этого друга ты знаешь всего несколько минут.

Жестом даю понять мальчику: «Наливай туда же».

Он улыбается и подает питье. Откусываю кусок пирога и, поднося ко рту напиток, вижу, как смешиваются черное и белое вино. Только то, что было на дне – гуще самого крепкого кахетинского...

Красная жидкость на глазах распадается на мелкие шарики – так свертывается кровь.

Люди, собравшиеся у импровизированного жертвенника, смотрят на меня. Теперь уже точно никуда не деться от угощения.

Я осушаю стакан.

«Кай, бичи! Кай! – говорит кто-то из них. – Хорошо, парень! Будешь еще?»

Издалека за происходящим наблюдают российские солдаты. Оттуда, где мы стоим, можно рассмотреть лишь камуфляж, но местные жители утверждают, что это именно они – солдаты пограничной заставы.

Здесь край мтеульцев граничит с территорией южноосетинской автономии, за контроль над которой Грузия и Россия воевали в 2008 году.

«В прошлом году они тоже подходили смотреть. Наши предложили им вина и закуски, – рассказывает Тенгиз Бурдули. – В этом году кто-то из нас снова ходил

к ним. Мы хотели угостить их. Они снова отказались... Но мы же грузины. А они – гости, и мы всегда предлагаем гостям закуску и вино!»

Маршрут 6
В Хевсуретию через поселок Джута
Заблудившиеся в горах

Язычники или крестоносцы?

«Хевсуры – небольшой, но наиболее своеобразный из всех одичавших христианских народов целого Кавказа».

Густав Радде, «Хевсурия и Хевсуры».

Если Сванетия – самая северная «крайность» Грузии, граничащая с Кабардино-Балкарией, то Хевсуретию, в которой происходит действие следующей главы, можно без преувеличения назвать самым суровым краем этой страны.

По одной из легенд, их было тридцать. По другой – триста. Разные авторы ссылаются на разные, часто противоречивые данные. Но все сведения совпадают в одном: верхом, в кольчугах, с длинными прямыми мечами и маленькими круглыми щитами, отряд хевсурских воинов вошел в Тбилиси, чтобы предложить царю свои услуги в новой войне.

В войне, о способах ведения которой они не имели ни малейшего представления.

Хевсуры ничего не знали о танках, самолетах, отравляющем газе и других современных технологиях. Они пришли в город не для того, чтобы справиться о новостях – главная новость была уже известна: началась война, а потому кто, как не они, должны были выслать в Тифлис свой десант?

«Зачем вы пришли?» – спросили у хевсур.

Кто спрашивал, и происходил ли вообще такой разговор, не так уж важно: все легенды о витязях и пророках, приходящих в город из отдаленных мест (верхом ли? пешком?), начинаются с вопроса «Зачем вы здесь?»

«Мы знаем, что царь вступил в войну, и решили помочь ему», – ответили хевсуры.

Был 1914 год. Или 1915?

Новости доходят в горы с опозданием, и приказ о всеобщей мобилизации мог достигнуть некоторых селений только с весенней почтой. Может быть, тогда они и стали собираться в поход?

Артиллерия, первые танки, самолеты. И триста хевсур, облаченных в рыцарские доспехи.

У этой истории нет точки – она обрывается на словах «Мы пришли помочь ему...»

Вот такие люди населяли этот край сто лет назад.

Если Сванетия – самая северная «крайность» Грузии, граничащая с Кабардино-Балкарией, то Хевсуретию, в которой происходит действие следующей главы, можно без преувеличения назвать самым суровым краем этой страны.

Прежде чем начать рассказ о путешествии в страну хевсур, хочу обратиться к еще одной истории, которая поможет лучше понять их характер.

Эту легенду рассказывают о хевсурах их соотечественники. (Когда грузин хочет поведать иностранцу историю о другом грузине, он почти всегда хвалит его, кроме тех случаев, когда герой повествования происходит из города Кутаиси – признанной в Грузии столицы прохвостов всех мастей.)

Но вернемся к хевсурам. Однажды в горном селе мужчины узнали о готовящемся нападении. Кто-то могущественный и очень опасный собирался на них походом. Это могли быть кистины (нынешние чеченцы) или воинственные отряды дагестанца Шамиля. Одним словом, кто-то очень сильный и беспощадный.

Хевсуры знали, что победить в неравной схватке у них нет ни единого шанса; если же они потерпят

поражение, то враг, расправившись с ними, надругается над их женщинами и угонит в рабство детей. Последних, скорее всего, продадут на стамбульском невольничьем рынке, где красивых девочек и мальчиков ждет куда более легкая, но позорная судьба.

Тогда хевсуры созвали военный совет. Никаких молитв, упований и надежд – в тот день они решили не полагаться на фортуна: слишком многое было поставлено на карту.

Старейшины постановили: прежде чем враг нападет, они убьют всех женщин и детей, чтобы те не достались врагу. И они убили их всех.

Обезумевшие от ярости, хевсуры вступили в неравный бой и... победили.

Эта легенда, как и предыдущая, не ставит точки. Мы не знаем, что победители делали дальше: остались ли в своем страшном, опустевшем гнезде или бросили его, рассеявшись по горам?

Или, может быть, облачившись в рыцарские доспехи, спустились с гор, чтобы умереть в новой, неслыханно кровавой, «цивилизованной» войне.

Эти две легенды лучше, чем любые исторические сводки, представляют народ, населяющий грузинские земли от перевала Медвежий крест и дальше, в ущелье реки Аргун, до самой границы с Ингушетией и Чечней.

Однако сюжет, который привел меня в Хевсуретию, не был связан с военной героикой или кровавыми межусобицами.

Однажды в Тбилиси мне рассказали о любопытном обряде, который добавил к репутации хевсур элемент пикантности, а дочерям жестоких воинов – еще большей таинственности.

«Цацали», или Шляпу можете не снимать

«Ты что-нибудь слышал о цацали?» – спросил однажды Гоча.

В тбилисском кабачке мы обсуждали предыдущую вылазку в горы. За столом сидели трое: я, Гоча – высокий рачинец с хитрыми глазами, и Тато – крепкий, мускулистый сван с открытым лицом, сопровождавший меня во время одного из путешествий в Местию.

«Цацали? Что такое цацали?» – Я никогда не слышал этого слова и потребовал разъяснений.

«Это хевсурская традиция. Если узнаешь, что такое „цацали“, тогда точно останешься в Грузии», – ухмыльнулся рачинец.

«Только перевал давно закрыт, и при всем желании ты не сможешь попасть в Хевсуретию. Это не Сванетия, куда ведет теперь бетонная дорога и два раза в неделю летает самолет. Чтобы попасть туда, придется ждать минимум полгода».

«Так что такое цацали? Какой-то грузинский обряд? – спросил я, пропустив мимо ушей первое предупреждение. – А в Сванетии можно увидеть что-то подобное?»

«Как ты думаешь, мог бы наш гость попросить сванов организовать ему... эммм... цацлоба?» – рачинец обратился к свану с ироничной улыбкой.

«Исключается!» – выпалил тот. За несколько секунд на лице Тато, в высшей степени открытом и честном, сменились одно за другим выражения гнева, недоумения и, наконец, радости. Радость воцарилась на нем после того, как он, наконец, понял, что рачинец шутит.

Теперь оба глядели на меня взглядом родителей, которых назойливый сынишка умоляет повести на американские горки; старшие же с притворной серьезностью отвечают: «Слишком мал».

«Что такое цацали, вы, черти?!» – требовал я немедленного ответа, который, никто из них, впрочем,

не собирался давать.

Однако игра в кошки-мышки не могла тянуться вечно.

Первым заговорил Гоча, понимавший, что, продержав собеседника в подвешенном состоянии слишком долго, они рискуют утратить его интерес.

Суть обряда «цацлоба» состояла в следующем: хозяин хевсурского дома, усаживая гостя за стол, среди прочих распоряжений домочадцам требует позвать в комнату незамужнюю девушку. Это может быть дочь или племянница – кто угодно из его семьи, только с одним условием: она непременно должна быть молода и целомудренна.

Приглашение главы семьи ни к чему не обязывало ее – знакомство с чужаком это скорее шанс, но никак не неотъемлемая часть ритуала гостеприимства. Девушке предстояло принять решение, хочет ли она провести ночь с их гостем.

«Вот она-то и будет его цацали», – подытожил мой собеседник.

«Провести ночь – это то, что я подумал?» – спросил я ошеломленно.

Мне никогда не доводилось слышать, чтобы среди грузинских горцев процветали такие, мягко говоря, фривольные традиции.

«Нет, дело тут не в сексе, – ответил мой друг. – Они лягут рядом, но только при одном условии: между ними будет кинжал, которым девушка воспользуется в том случае, если гость поведет себя несоответственно оказанному ему доверию...»

Долговязый рачинец хитро прищурился.

«Интересно, а что значит „несоответственно оказанному доверию“? – спросил я. – Ведь это выражение можно трактовать как угодно? Может, в этой ситуации он как раз должен... Разве суть данного обряда не в том, чтобы привлечь в селение свежую кровь?»

«Интересный вопрос. Вот это тебе и придется выяснить», – ответил мой друг, многозначительно улыбаясь.

«Ты хочешь сказать, что этот обряд до сих пор существует?»

«Я не знаю,» – ответил Гоча.

«Как это – не знаешь?»

Меня поразило, что человек, всю свою жизнь проживший в Грузии, может ничего не знать о таких элементарных вещах.

«Не знаю, – повторил он. – Я же никогда в жизни не был в Хевсуретии».

Я перевел взгляд на Тато.

Сван покачал головой.

«Я тоже».

«То есть как – не был?»

Регионы, с которыми у грузина нет родственных связей, для него попросту не существуют.

То, что Гоча, этот городской жук, никогда не заезжал в места, куда не может добраться его «мерседес», меня не очень-то удивило... Но Тато, исколесивший всю Сванетию и знающий каждый камушек в регионе, еще недавно считавшемся диким и непокоренным?

«Как ты можешь ничего не знать о Хевсуретии?» – удивился я.

«Потому что я – сван!» – с достоинством ответил Тато.

Вопрос казался исчерпанным.

Что еще можно узнать у грузина, который путешествует по собственной стране только из необходимости, нанося визиты родственникам по случаю похорон или свадеб; улаживая вопросы наследства или

доставки в семейный погреб вина с семейного виноградника (если его родители – кахетинцы) или картошки – если он родом из Сванетии?

Регионы, с которыми у грузина нет родственных связей, для него попросту не существуют.

«Откуда же вы знаете о „цацали“? – спросил я своих собеседников. – Только что ты говорил со мной так, будто всю жизнь только и делал, что шлялся по горным поселкам, – обратился я к Гоче, – засыпая рядом с кинжалами и хевсурскими девственницами. А сейчас оказывается, что ты ни разу не бывал там?»

В ответ он только пожал плечами.

В этот момент стало ясно – находясь в Тбилиси, можно поговорить с сотней людей, прочесть дюжину монографий, но ни на йоту не приблизиться к пониманию того, что происходит за сотню километров. Поэтому мне не обойтись без гида, который поможет в поисках «цацали» и других древних обрядов.

Знакомство с гидом

Мы привезли с собой плохую погоду. Тбилиси заплыл и раскис.

Барометры, сайт CNN и даже царица Тамара (наш мозг и интуиция в Грузии) заблудились в собственных прогнозах.

Вместо обещанных «плюс тридцать два и никаких осадков» мы кутаемся в дождевики, мечтая о глотке чачи.

Чача. Любимое средство от всех болезней, панацея от плохой погоды, гриппа, ангины, больной печени, легких и даже мозгов.

«Пятьдесят грамм чачи перед ужином очень полезно для здоровья!» – изрек наш хозяин Мамия, когда мы переступили порог гостиницы.

«То же самое он скажет утром, перед завтраком, – говорит мой коллега. – Я этого парня знаю».

Мамия приносит к столу бутылку, на две трети заполненную крепкой виноградной водкой.

За столом Мамии (батано Мамии, господина Мамии) сидят несколько его друзей. Никого из них мы раньше не видели в глаза, но они улыбаются как старые приятели и зовут к себе.



Центральный собор в городе Кутаиси

«50 грамм чачи очень полезно при простуде», – говорит один, заметив, что кто-то из нас шморгает носом.

«Стакан чачи сразу лечит простуду. Моментально!» – подтверждает другой, судя по виду, не только никогда не болевший простудой, но даже неспособный понять, как простудой вообще можно болеть, особенно в такой

прекрасный погожий денек. Он не в курсе, что на улице хляби, и удивляется нашим мокрым волосам. Для него время остановилось около полудня, когда он заглянул к Мамии пропустить стаканчик.

Итак, мы прибыли. Сегодня вечером предстоит впервые встретиться с нашим проводником и переводчиком Кобой.

В первом разговоре по телефону он произвел впечатление сверхсерьезного человека, чем невольно напомнил своего жуткого предтечу.

«Меня зовут Коба», – сказал будущий гид в первые секунды нашего телефонного знакомства.

«Коба – это от какого имени?»

«Коба. Просто Коба», – ответил он.

Услышав это, я представил себе прихрамывающего на одну ногу грузного человека в кителе и с трубкой. Грузина, страшнее которого нет...

Тем временем мой новый знакомый медленно и рассудительно говорил что-то, вытягивая из меня все, что я знал о хевсурах и их столице – крепости Шатили.

Я чувствовал, как жалкий хитиновый покров моих знаний медленно превращается в прозрачный, колеблющийся на ветру саван. Это было почти физическое ощущение, от которого вдруг стало холодно и как-то не по себе.

Коба раскусил меня. Я ничего не знаю о хевсурах и традиции загадочного «цацали».

Наш первый разговор я закончил в крайне угнетенном расположении духа. Каждый вопрос казался испытанием, хитрой уловкой старого чекиста. Его тихий, полный, как мне показалось, наигранного спокойствия голос заставил забыть даже то, что я знал об обычаях горцев.

«Хорошо, – сказал напоследок Коба. – Все это вы узнаете на месте. Положитесь на меня».

Теперь уже стало абсолютно ясно, что хочу я этого или нет, нам предстоит положиться на милость Кобы.

Аудиенция с ним была назначена на девять. До встречи оставалось два часа.

Коба открывает карты

Уже половина одиннадцатого, а Кобы все нет. Его мобильный женским голосом с грузинским акцентом сообщает, что «абонент находится вне досягаемости».

Когда Коба, наконец, объявился, было около полуночи. Появился он не совсем так, как мы предполагали. Раздался звонок телефона – царица Тamar сообщила, что Коба у нее.

Реакция ее супруга напоминала молниеносную контратаку на захваченную врагом крепость: мы оставили трапезу и недопитые бокалы и стремглав бросились к машине. Никогда еще я не видел Гочу в таком настроении: превышая все допустимые скорости, мы мчались в направлении резиденции царицы.



Считается, что традиционные моховские шапки – идеальная защита от дождя. Торговцы товаром стараются сохранить в плохую погоду по крайней мере их внешний вид

Человек, чье появление могло вызвать такую смену в настроении самого уравновешенного и спокойного из известных мне грузин, должен быть личностью выдающейся.

Я приготовился наблюдать за схваткой.

Гоча стремглав взлетел по лестнице и позвонил в дверь. Дверной звонок, так же, как и звонок телефона, всегда передает эмоцию того, кто нажимает на кнопку. Именно поэтому звонки бездушных электронных устройств могут быть смущенными и тихими, нежными и воркующими; яростными, настойчивыми и истеричными, и если это их свойство и связано с напряжением, то отнюдь не напряжением в электрической сети.

На сей раз звонок был проникающим, как кинжал; он словно сообщал о том, что грузинский муж, охраняющий свою крепость, всегда находится во всеоружии.

Через секунду (словно Тамара ждала его возвращения у самих ворот крепости) в замке повернулся ключ.

Увидев свою царицу в целости и сохранности, Гоча замедлил шаг. Вступив в законные владения, он снова был преисполнен спокойствия и достоинства, как и подобает венценосному супругу.

«Он там», – многозначительно сказала Тамуна, указывая внутрь помещения.

Последовав за хозяином в гостиную, я ожидал увидеть человека, вооруженного если не винтовкой и кинжалом, то, по меньшей мере, темной харизмой вождя, взгляда которого не выдерживают никакие замки (в том числе замки' на сердцах самых неприступных женщин).

Переступив порог гостиной, я посмотрел на диван, куда был направлен взгляд Гочи. Там, мирно свернувшись калачиком, спал человек в черном гольфе и видавших виды кедах, напоминавших футбольную мечту мальчишки из поздних 80-х.

«Коба!» – позвал Гоча.

Ответа не последовало.

«Коба!» – повторил он через несколько секунд.

Человек вздрогнул, потянулся, потом, как будто осознав, что находится не дома, резко сел и уставился на нас глазами, покрытыми пеленой сна.

Он сказал что-то по-грузински. В ответ Гоча рассмеялся и произнес несколько фраз, которые, как мне показалось, содержали слова «цацлоба» и «Хевсурети», уже знакомые ранее.

«Выезжаем завтра», – произнес Коба таким тоном, каким Иосиф Сталин, вероятно, отдавал приказ о наступлении на Сталинград. И, как ни в чем не бывало, закулив сигарету, принялся рисовать схему нашего маршрута.

Договорились выехать из Тбилиси рано утром, чтобы, оставив по правую руку поворот перед водохранилищем Жинвали (легкий путь в Хевсуретию), следовать дальше по Военно-Грузинской дороге, в глубь региона Хеви, населенного народом, именуемым мохевцами. (К слову, оба названия – Хеви и Хевсуретия – происходят от слова «ущелье».)

За первый день пути было решено проехать поселок Степанцминда и живописную церковь Гергетской Троицы (Гергетис Самеба), пересечь ущелье Трусо и добраться до поселка Джута – последней точки маршрута перед страной хевсур.

Но прежде чем отправиться в Джуту, мы останемся на ночлег в старинном осетинском селе неподалеку от Крестового перевала.

Орлы с кургана Тоти

«Когда последние лучи солнца догорали на снежных вершинах, я находился еще под пятою горы Тот-Гог. Она, покрытая мрачною тенью, представлялась в виде черного и грозного исполина. Было совершенно темно, когда я прибыл в деревню. Осетины встретили меня с зажженною лучиною и гостеприимно предложили убежище в лучшей хижине... На другой день, с восхождением солнца, я окинул глазами деревню Тот. Она состоит из десяти каменных саклей, большею частью построенных в два яруса и тесно расположенных между собою. На западную сторону от деревни возвышается, в виде конуса, высокий гранитный курган, на вершине которого воздвигнут из каменных плит грубой работы небольшой четырехугольный осетинский жертвенник, называемый кивзет и во множестве обложенный жертвоприношениями, состоящими из турьих и оленьих рогов».

*Из записок русского
путешественника, газета
«Тифлисские ведомости», 1830 год*

«Это осетинское село. Когда-то там жил один дед. Но его уже давно нет там... Никого уже там нет...» – сказал мужик в одном из маленьких придорожных универсамов (так я прозвал крохотные сарайчики с надписью «Чай. Кофе. Вулканизация». Или еще что-то в

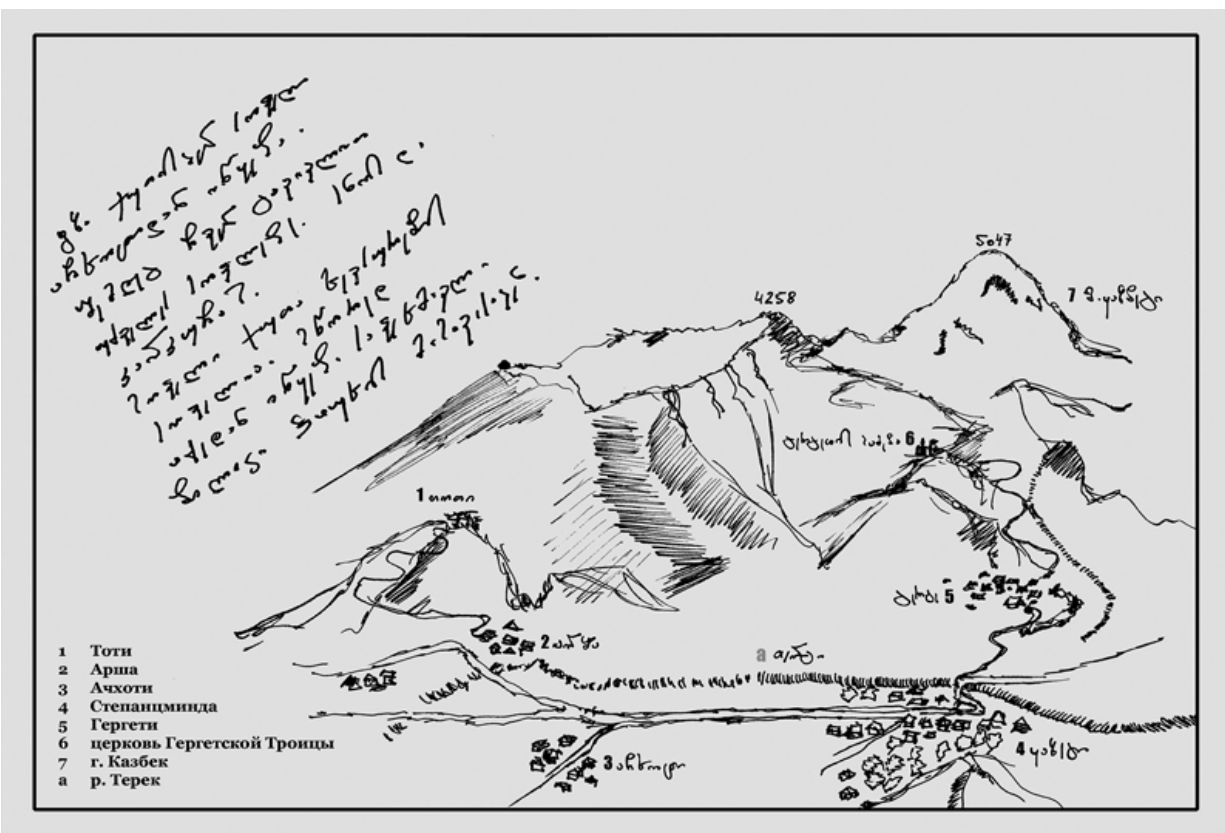
этом роде... Во всяком случае чай и старые покрышки там точно можно найти).

Тоти – так теперь называется это место. Оно расположено высоко, на горе, возле большого каменного кургана, показавшегося сначала обыкновенным холмом, покрытым колючками и травой.

Село было совершенно безлюдно. Судя по надписям на стенах в стиле «здесь был...», мы опоздали лет на 50.

В домах по-прежнему стояли большие глиняные кувшины для вина. Они, разумеется, были пусты.

Жители оставляли свои дома не в спешке. Они уходили постепенно, семьями, дом за домом... Говорят, несколько лет назад здесь еще видели кого-то. Хозяин приходил наведаться в свою старую саклю. Был и другой старик, все еще живший там, который просто давно не выходил на люди и о котором все успели забыть, как вдруг кто-то зоркий, с орлиными глазами, рассмотрел его снизу, с дороги, и сказал соседям: «Смотри, это старый Муса. Он еще там... Он все еще там».



После этого несколько дней кряду в поселке у дороги вспоминали старого Мусу из Тоти. А потом он снова исчез. С тех пор никто больше не показывался на горе Тот-Гог.

Мы разбили палатку на балконе старого дома. Была долгая ночь тостов и молитв... Грузинские тосты – как короткие молитвы друг за друга. Мы молились до полуночи.

Продрав глаза с рассветом и высунув нос из палатки, я увидел совсем другой пейзаж.

Повсюду стало белым-бело: горы, долина, склон, по которому мы поднимались. И сквозь ущелье, в километре от нас, клином, как звено истребителей, летело семейство орлов.

Я смотрел на них, пока они не скрылись за одной из гор, закрывавшей вид на дорогу, которая вела к поселку Степанцминда и дальше, в сторону Владикавказа.

Жители оставляли свои дома не в спешке. Они уходили постепенно, семьями, дом за домом.

Позже в то утро я взобрался на небольшой холм, возвышавшийся над селом; тот самый, который, как следует из публикации 1830 года, был курганом с жертвенником на верхушке. Там, наверху, схватившись рукой за камень, чтобы помочь себе при подъеме, почувствовал ладонью неприятную теплую слизь. Да, это было оно... Я не орнитолог, и не большой специалист в разновидностях птичьих экскрементов, но что это еще могло быть на самой вершине холма; на чистом, без следа живого существа, камне? Спустившись, я продемонстрировал руку моим спутникам.

«Ну что, поздравляю, – сказал один из них. – Влез...»

«Это – орлиное!» – с гордостью произнес я.

«Не льсти себе», – ответил мой спутник.

Я не стал спорить. Что они понимают в птичьих делах!

Хевсуры, в гости к которым мы опоздали

Я не намерен утомлять читателя пространными рассуждениями о Хевсуретии, какой она изображена в монографиях Императорского географического общества и какой мы ее уже никогда не увидим. Тем не менее, хочу привести наиболее интересные наблюдения, позволяющие нарисовать портрет хевсура, каким он предстал перед путешественниками в тот самый жестокий и романтический век.

«Тип хевсура напоминает скорее древнего запорожца или скифа или сармата: та же обувь, те же панталоны, короткое платье, прямой палаш, густые волосы, стриженные в кружок, те же усы, короткие бороды, мужественные физиономии и чуб древних

запорожцев...» – писала графиня Уварова, много лет подряд приезжавшая на Кавказ и оставившая после себя несколько томов любопытных путевых заметок.

«Хевсур груб, надменен, придирчив, горд и беспечен. Уважает только храбрых и считает себя выше всех народов. (...) Хевсурские девушки до 16 лет очень милы и стройны, но изнурительные работы, неопрятность и грубая пища делают их к 25 годам уже старухами. Последние крайне безобразны и, по выражению очевидца, напоминают киевских ведьм», – пишет журналист Арнольд Зиссерман, проживший четверть века на Кавказе и помогавший самому Льву Толстому собирать материал для произведений, описывавших здешнюю жизнь.



*Хевсуры, в гости к которым мы опоздали.
Репродукция дагерротипа XIX ст., автор – А. Роинашвили*

Путешественники XIX века изображают хевсур язычниками, в чьей религии смешались элементы христианства, талмудизма и древних верований, отдаленно напоминающих друидские.

«По понятию хевсура есть Бог востока и Бог запада; Бог душ, Христос Бог, большой Бог и маленький Бог. Народ более всего уважает Бога войны и сына Божьего, но никто не может объяснить истинных догматов своей религии», – находим в антологии статей о Хевсуретии, подготовленной Н. Дубровиным.

Ссылки на любопытные языческие ритуалы хевсур есть также у знаменитого британского антрополога Джеймса Фрезера, описавшего в своем исследовании магии и религии ритуал «вспашки дождя»: колдовство хевсурских женщин, призывающих дождливую погоду. Похожие ритуалы Фрезер фиксировал в румынской Трансильвании и некоторых районах Индии.

О язычестве хевсур свидетельствуют жертвенники, или капища, а также культ хевисберов (дословно – «старейшин ущелья»), выполнявших роль прорицателей, шаманов и знахарей одновременно; почитание же священных рощ, вера в ангелов, живущих в некоторых деревьях, напоминают веру друидов.

В «Истории войны и владычества русских на Кавказе» упоминается о росшем в Хевсуретии дубе, прозванном Багратионом в честь знаменитой грузинской царской династии. Местные жители считали дерево священным, и если кто-то из отпрысков славного рода приходил к ним и, обняв дуб, произносил: – «Предок мой, защити своего потомка», то хевсуры всеми силами обязаны были поддерживать его.

В книгах этнографов и путешественников содержится множество любопытных фактов из жизни

этого этноса, однако ни одна из книг не проливала свет на ритуал «цацлоба».

И если графиню Уварову, интересовавшуюся во время своих путешествий, в основном, церковными реликвиями, еще можно заподозрить в простительном ее полу и положению пиетизме, то вряд ли в этом можно уличить немецкого этнографа Радде или журналиста Зиссермана. Как бы то ни было, обряд «цацали» оставался загадкой; явлением, о котором я знал только из разговоров нескольких эрудированных тбилисцев.

Отправляясь в Хевсуретию спустя год после описанного в начале этой главы разговора, я был не более осведомлен о таинственном обряде, чем в день, когда впервые услышал само слово.

На баррикаду!

Если вы, дорогой читатель, отправитесь в Хевсуретию через поселок Джута, и погода позволит вам разглядеть дальние вершины, не спускайте глаз с правой стороны дороги. Там, в просвете одного из ущелий, впервые покажутся голые, отвесные скалы Чаухского массива.

Чаухский массив – довольно странное место. Местные жители рассказывают о нем занятную историю. Однажды охотник из села Джута погнался за горным козлом и так увлекся, что не заметил, как на скалы опустился туман.

Никто не знает, что он делал после того, как осознал, что дорога назад отрезана. Искал ли спуск вслепую или остался ждать, пока осядет густое молоко? Стал ли добычей хищника или сам свалился со скал, не угадав с точкой опоры?

Факт в том, что он так и не спустился вниз, а его оружие нашла на скалах группа участников юношеской альпиниады... спустя двести лет.

Хевсуры, живущие по обе стороны кряжа, называют Чаухский массив «баррикадой» из-за отвесных скал, издали похожих на зубчатую стену крепости. Эти неприступные скалы отгораживают Хевсуретию от грузинской провинции Хеви.

За Чаухским перевалом, на восток через Архотское ущелье, лежит путь в Ингушетию, которую здесь по привычке называют Чечней, а ее народ, как и чеченцев, – «кистами» или «кистинами».

Село Джута, через которое пролегает наш маршрут, находится на подступах к «баррикаде» со стороны горы Казбек и поселка Степанцминда.

«Мы не будем нигде останавливаться до Джуты», – сказал Коба тоном, не терпящим возражений.

«Почему не будем?» – спросил я, до которого никогда с первого раза не доходит смысл фраз, произнесенных в безапелляционной форме.

Хевсуры, живущие по обе стороны кряжа, называют Чаухский массив «баррикадой» из-за отвесных скал, издали похожих на зубчатую стену крепости. Эти неприступные скалы отгораживают Хевсуретию от грузинской провинции Хеви.

Коба посмотрел взглядом человека, изо всех сил старающегося сохранить невозмутимость. При этом в его глазах плясали веселые искорки.

Выдержав паузу в несколько секунд, он спросил: «А что, вы хотите познакомиться с сумасшедшим Элгуджей?»

Оказалось что где-то здесь, неподалеку от села Джута, живет человек, известный в округе под именем «сумасшедший Элгудж».

Одним из самых знаменитых приключений этого разбойника было похищение туристки из Петербурга,

которая заявила о своем исчезновении только спустя сорок лет.

Вот как это произошло: однажды Коба, приехав в долину Казбека с командой альпинистов, но отделившись от остальной группы, шагнул в сумерках в сторону близлежащего села.

По дороге были разбросаны здания, казавшиеся на первый взгляд заброшенными.

Неожиданно он услышал рядом голос и рассмотрел в полумраке женщину.

«Туристка», – ухмыльнулся Коба про себя, еще не подозревая, насколько он близок к истине.



Грузинский полицейский патруль в провинции. По сравнению с эпохой Дюма, у охранников порядка здесь не так уж много работы

«Вы откуда?» – спросила женщина.

«Я из Тбилиси. А вы?»

«А я из Питера», – ответила она.

Коба оглядел ее с головы до пят.

Седые волосы, одета, как мохевская старуха... И говорит по-русски! «Странно, – подумал Коба, – одета,

как грузинка, а говорит со столичным акцентом».

«Я, вообще-то, в 70-м приехала в тур к Казбеку, – продолжила она, как ни в чем не бывало, – и тут меня похитил сумасшедший Элгудж. Так что теперь я его жена. Заходите к нам в дом...» – добавила она все тем же жизнерадостным самоуверенным тоном, свойственным даже не северянам, а жителям нынешней российской столицы.

В ответ на приглашение Коба, смеясь, отказался и на всякий случай ускорил шаг, чтобы поскорей убраться с территории «сумасшедшего Элгуджа».

Для успокоения нынешних путешественниц стоит сказать, что этот любитель туристок одряхлел и последние несколько лет не только не похищает их и не третирует куда более обороноспособное местное население, но даже практически не выходит из дома; полицейские же патрули в Грузии так тщательно оберегают безопасность гостей, что любители свадеб с похищениями не только не рискуют атаковать симпатичных туристок с рюкзаками, но даже стесняются смотреть на них иначе, как с грустной нежностью.

Так мы добираемся до Джуты – хевсурского села, населенного отпрысками рода Арабули. Скорее всего, эти выходцы из Хевсуретии, спасаясь от кровной мести, перешли через «баррикаду» столетия назад, чтобы поселиться в нескольких километрах от подножия Чаухского массива, но уже с другой стороны.

«Вообще-то они все уже „светские хевсуры“», – говорит Коба. «Светские хевсуры» – это те, кто, нося хевсурские фамилии и гордясь родством с горным племенем, проводят зиму в теплом Тбилиси, возвращаясь в родные села, только когда сходят снега.

Разглагольствуя о светскости современных хевсур и отпуская шуточки по поводу «сумасшедшего Элгуджа», мы постепенно углублялись в Чаухское ущелье.

Трава под ногами была мягкой, земля все еще отдавала тепло августовского солнца, и я снял летние сандалии и пошел босиком.

Мелкие облака периодически заслоняли солнце; их тени неслись по горе, чередуясь с просветами. Они плыли быстро, и мне нравилось смотреть на них. Кобе же эти тучи были не по душе; он то и дело зло поглядывал на небо и что-то бормотал себе под нос.

Человеку, не владеющему грузинским, могло показаться, что он вспоминает своего деда. На самом деле Коба грязно ругался.

«Шеми деда... Эти тучи...» – бормотал Коба.

«Что с ними?» – спросил я.

«Не нравятся мне эти тучи, – многозначительно произнес наш гид. – Но я ничего не могу с ними сделать».

«Почему не нравятся? Чем они могут нам помешать?»

«Туман, – ответил Коба. – Если они принесут плохую погоду, мы завтра не сможем выйти из лагеря, потому что если туман застигнет нас в горах, это уже не очень хорошо».

Слова «не очень хорошо» из его уст звучали более угрожающе, чем самые пессимистичные прогнозы синоптиков. Картинка перед глазами как-то сразу изменилась: вместо золотистых просветов я видел теперь темные пятна, плывущие по горам.

В тот день мы могли не слишком торопиться: прежде чем перейти Чаухский массив, предстояло сделать стоянку у его подножия. До заката оставалось часа три, и мы, взгромоздив на спины рюкзаки, шагали по дну ущелья, за которым открывались отвесные скалы «баррикады».

По другую сторону Чаухского массива – Абуделаурские озера и огромные камни села Рошка, которыми, по легенде, швыряли друг в друга дэвы в

эпоху, когда в Хевсуретии еще водились дэвы. За горным массивом можно будет найти дрова, чтобы приготовить еду, а затем нам предстоит долгий переход в Шатели – главную крепость Хевсуретии.

Наемники трансильванского князя

Одна любопытная деталь долгие годы не давала покоя журналистам, писавшим о Кавказе. Это вооружение хевсур, очень напоминающее амуницию рыцарей времен Крестовых походов.

Длинные прямые мечи и щиты хевсур, наподобие тех, что использовались во время конных поединков на турнирах, совершенно не похожи на доспехи, использовавшиеся соседними кавказскими народами.

Этот факт дал почву для разнообразных теорий, самая романтическая из которых – о тевтонцах, которые якобы забрели в горы Хевсуретии и остались там, привив этому горному племени европейскую моду.

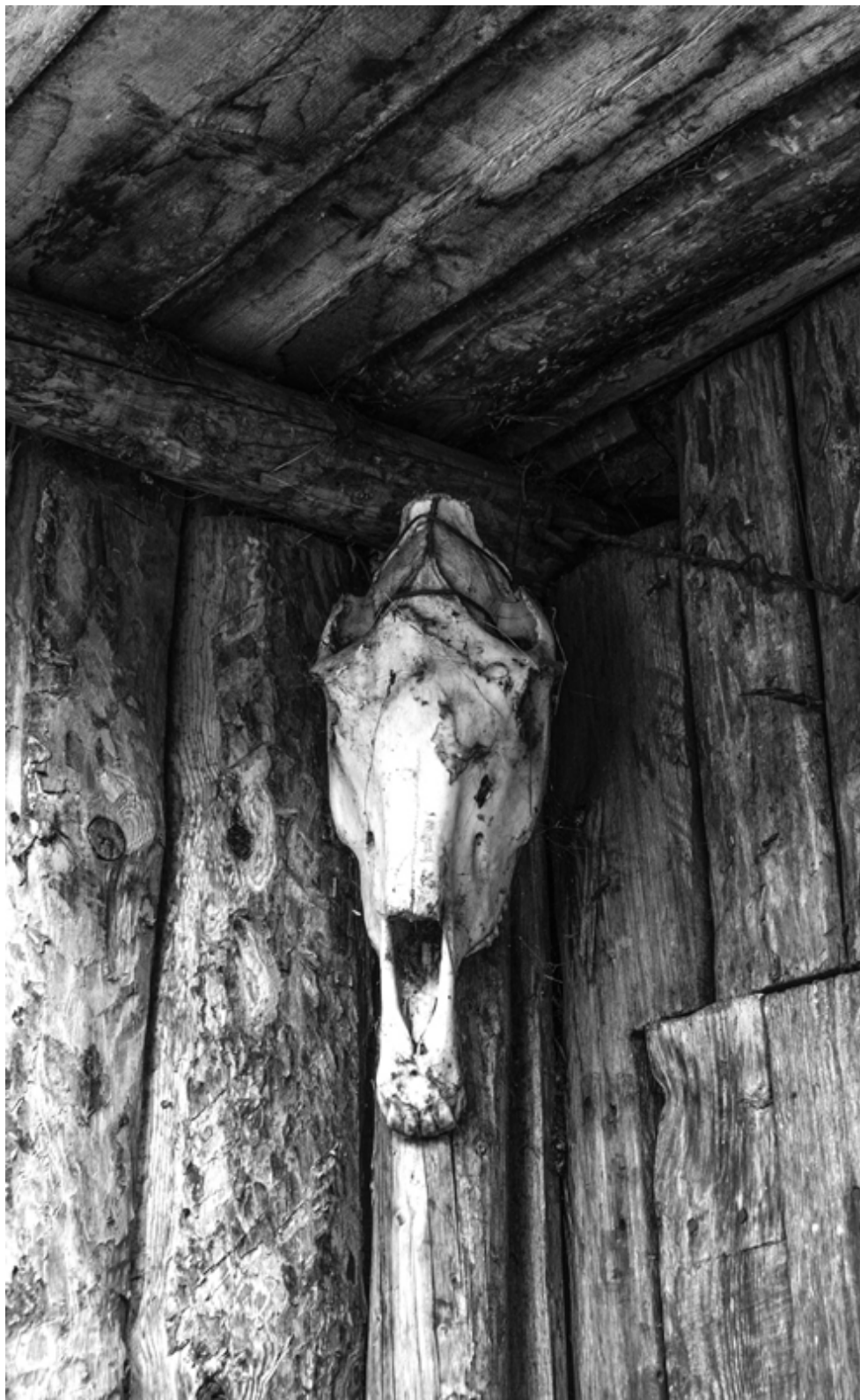
«Видеть в них потомков крестоносцев весьма трудно, ибо ничего не подтверждает этого мнения: ни тип хевсуров, ни их нравы, ни обычаи... – пишет Уварова. – Хевсуры, говорят, фехтуют, но присмотритесь к этому фехтованию, к этим скорченным, подпрыгивающим фигурам, и вы, вероятно, согласитесь, что фехтование это не занесено в горы средневековым рыцарством, а скорее заимствовано у какого-нибудь первобытного дикого народа».

Дискуссии на тему, могут ли хевсуры быть потомками тевтонских рыцарей, продолжаются уже не одно столетие, но никто и никогда не упоминал о том, что, возможно, сами полуязычники хевсуры могли стать крестоносцами!

В конце XV века, когда Ватикан пытался объединить государства Европы в борьбе против Османской империи, одним из самых талантливых полководцев

своего времени, на которого делал ставку Святой престол, был трансильванский князь, ставший впоследствии польским королем. Его звали Стефан Баторий.

Поход против Турции, который должен был возглавить Баторий, не состоялся, но в других битвах польского короля в составе его гусарских батальонов сражались черкесы и грузины.



Череп жертвенного животного, используемый в качестве талисмана в сванском доме. Когда-то в хевсурских домах точно так же прибивали к дверям домов отрубленные кисти рук убитых в битвах врагов

Эти факты широко известны, но мало кто интересовался тем, кем были эти грузины... И я никогда не подумал бы о хевсурах, если бы не статья, случайно обнаруженная в газете «Кавказ» (№ 24 за 1851 г.)

«Собираясь в дело, хевсур весь замыкается в железо. На голову надевает чичкани (шишак с сеткой, покрывающей шею), рубаху плетеную из железной проволоки, рукавицы, прямые палаши и дашна – короткая сабля, употребляемая вместо кинжала. Замечательно, что все щиты и прямые палаши имеют надписи: Genua, Souvenir, Vivat, Stephan Batory, Vivat Husar и проч.»

Итак: Виват Стефану Баторию и его гусарам-хевсурам!

А ведь все могло произойти именно так... Если бы состоялся этот Крестовый поход, язычники-хевсуры под предводительством Батория могли стать новыми крестоносцами, идущими войной на неверных, чтобы приумножить славу Господню и папскую казну!

Горный чай

«В самом западном углу западного фронта массива Чаухи находятся главные источники Черной Арагвы. В области истоков этой реки существуют только редко посещаемые, узкие тропинки горных охотников, нередко совсем прерываемые шиферными осыпями; тропы эти ведут на восток, мимо Чаухи, в землю Хевсуров...»

*Записки Кавказского отдела
Императорского русского
географического общества.
Тифлис 1881 год*

Среди всех горных растений альпинисты больше всего ненавидят чай. Нет, не засушенные, измельченные листья, которые нужно заливать кипятком, а дикорастущую скользкую поросль под ногами. Никогда не знаешь, что под нею: грунт или камень, и хорошо ли держится этот камень, или это просто поросший мхом мелкий валун, который покатится вниз, стоит лишь наступить.

Сейчас они как раз вышли к зарослям чая.

Компания эта не была похожа на группу альпинистов.

Только один из них, шедший впереди, был одет в горные ботинки. Идущий следом был в обычных кроссовках, а третий, замыкавший группу, – в открытых сандалиях на босу ногу. Все трое несли рюкзаки, но только у двоих были альпенштоки, эти специальные палки для ходьбы в горах. Причем вместо двух, как положено, у этих двоих в руках было только по одной.

Замыкающий шел вообще без палок, то и дело хватаясь руками за одиноко лежащие валуны.

«Знаешь, что мне было сейчас приятней всего? – спросил второй у шедшего следом. – Приятней всего мне было бы сейчас увидеть коровье дерьмо... Точно знаешь, что если корова дошла сюда, то и человек доберется».

Но там, где они шли, не было коровьего помета.

Там вообще ничего не было, кроме мелкой, крошащейся гальки. Впереди же, по всему склону – заросли горного чая.

Видел бы их сейчас старик Хута!

«Я маму их... этих альпинистов. Ты посмотри, как они идут!» – вот что он сказал бы. Он всегда говорил нечто

подобное, когда наблюдал вопиющее несоответствие внешнего и внутреннего; несуразность и возникающую от этого комичность ситуации и оказавшегося в ней человека, который по незнанию или из-за бахвальства сам выставил себя идиотом, и теперь шагает вперед с гордо поднятой головой.

Полюбуйтесь: девушка в мини-юбке с кривыми ногами. А вот альпинист с огромным рюкзаком, но без веревок и альпенштоков.

Посмотри на него, как он идет, почти на четвереньках, как доисторические люди, но зато с огромным, современным рюкзаком, со встроенной заводской железной рамой и десятками креплений для ледорубов, веревок, мало ли чего... Рюкзак, похожий на деталь скафандра, но совершенно бесполезный сейчас, когда у них не было самого главного – веревок для страховки.

«Маму его», – пробурчал бы Хута, увидев дорогой, модный рюкзак. Такого снаряжения не знали в те времена, когда он сам, Хута Хергиани, поднимался на Эверест.

«Первый грузинский альпинист, участвовавший в восхождении на Эверест», – вот что нужно сказать о нем, чтобы не разглагольствовать много.

«Вы устали, батано Хута?» – спрашивали у него в конце какого-нибудь трудного дня в горах, или в третьем часу утра на исходе особенно изматывающего застолья, когда все уже валятся с ног, а он, старый седой Хута, сидит, покачиваясь, стараясь не терять нить разговора и медленно попивая из своего стакана *махшви* – сванского старейшины.

«Может, вы не выспались? Вам нужно отдохнуть?» – спросит кто-то из гостей, сам собираясь выйти из-за стола, но не решаясь без позволения махшви.

А тот сидит как ни в чем не бывало, со спокойной улыбкой очень усталого, но и очень сильного человека:

«Не выспался?.. Да я после Эвереста до сих пор никак не выплюсь», – улыбается он.

И все улыбаются, вторя ему, и кивают головами.

И Хута начинает вспоминать восхождение в 1982-м, и уже никто никуда не спешит, и его жена подает на стол только что испеченные *кубдари* – сванские пироги с мясом, приправленные множеством специй и горных трав.

Тем временем там, в горах, спуск становился круче, и если шедшие впереди все еще могли идти на двух ногах, помогая себе палками, то последнему не оставалось ничего другого, как скользить, подобно серферу, по осыпающемуся грунту.

«Куда идут эти клоуны?.. Маму их», – теперь уже с грустью сказал бы старый альпинист, потому что увидел бы то, что они еще не могли видеть: внизу, метрах в ста, начинались отвесные скалы.

«Коровье дерьмо... Больше всего я хотел бы увидеть коровье дерьмо», – бормотал себе под нос один.

Не было ни намека на тропу. Они пропустили ее? Начали спуск слишком рано или слишком поздно?

«Если мы дойдем вон до того ледника, – сказал, видимо, проводник, – останется пройти пять километров, чтобы добраться до озер Абуделаури... Там и поставим палатку».

Он не успел закончить фразу, потому что тот, кто шел впереди, остановился, присел на корточки, а потом осторожно попятился назад.

Двое других замерли, следя за ним.

«Ручей этот!..» – выкрикнул он. Голос человека звучал так, как будто он запыхался, хотя никуда не бежал.

Прежде чем закончить фразу, остановился, чтобы перевести дух. «Короче, там сразу обрыв! Дальше дороги нет!»

Шедший вторым кое-как подполз к краю уступа и выглянул вниз. Оттуда был виден ледник, который и был их ориентиром. Но сразу же под ними начинался отвесный скалистый обрыв. С двадцатиметровой высоты вниз падали воды ручья, русло которого только что казалось надежным спуском.

С двадцатиметровой высоты вниз падали воды ручья, русло которого только что казалось надежным спуском.

«Хорошо, что мы не пошли так, как я предлагал вначале!.. По ручью», – задумчиво сказал тот, кто шел первым.

Проводник не сказал ничего. Его лицо не выражало никаких эмоций – ни разочарования, ни удивления, ни злости.

Если бы только они были внимательнее, они бы заметили. Но они могли лишь смотреть себе под ноги и материться, стиснув зубы, видя, как мелкие камушки выскальзывают из-под ног, а холмики, казавшиеся надежной опорой, шурша, осыпаются при малейшем прикосновении; осыпаются, как трухлявая старая тряпка, которую берешь в руки и вдруг, почувствовав ветхость, с отвращением отбрасываешь. Ведь то, что ты отбрасываешь, – даже не ткань, а теряющая очертания, рыхлая, изъеденная молью ветошь...

«Маму их... Куда они идут...» – сказал бы Хута Хергиани, если бы видел их сейчас.

Седой и располневший, он был в разы выносливее молодых, и всегда уходил вперед, чтобы только не видеть, как плохо они ходят. И все же именно он, Хута, всегда первым успевал на помощь тому, кто оправданно или неоправданно рисковал и оказывался в положении, когда больше не мог помочь себе сам.

Видел бы их сейчас Хута. Если на гору спустится туман, то не только они сами – уже никто не сможет им помочь.

Будь Хута с ними, они уже стояли бы лагерем наверху, перед началом спуска, в сгущавшемся тумане, и дожидались бы смены погоды; вот в эти самые минуты сидели бы на корточках, грея воду на горелке, жуя *чорчхело* (этот грузинский сникерс – грецкие орехи в загустевшем, с примесью муки, виноградном соке) и разглагольствуя о том о сем.

Бывалый альпинист ни за что не пошел бы на этот склон. Или, уже оказавшись на нем, немедленно развернулся перед зарослями скользкого чая. Он заставил бы их подняться до первого уступа, разбить там лагерь и ждать. Делать это нужно было срочно, пока не начался дождь.

Нет, Хута не позволил бы этот спуск. Даже не потому, что он был слишком опасен, а потому, что опасность эта была бессмысленной.

Но эти глупцы не были альпинистами... и продолжали идти.

Миновав небольшой каменный уступ, они вышли на склон, поросший чаем.

Почва под ногами исчезла под настилом темно-зеленых листьев, становившихся мокрыми из-за начинавшегося дождя.

Дождь усилился, когда они достигли середины дикой чайной плантации – зарослей мелкого, по щиколотку, кустарника с крупными плоскими блестящими листьями, напоминающими по цвету темно-зеленый бархат.

«Чайная плантация дэвов» – вот что это такое. Кто-то ведь насадил эти заросли? Не может же чай расти на земле просто так, без чьей-то на то насущной потребности?

Листья чая блестели, а капли скатывались по ним, просачиваясь в рыхлую землю.

«Куда они идут! Куда они идут, маму их?!» – бормотал под нос один из них, думая о себе и своей группе как бы от третьего лица, вспоминая старого альпиниста Хуту, который водил в горы сотни молокососов, возомнивших себя скалолазами.

Но, так или иначе, менять что-то в маршруте было уже поздно: подняться назад по этим зарослям они все равно не смогли бы. Теперь у них не было другого пути, кроме как пробираться вперед.

Для тех, у кого в руках были альпенштоки, этот чай по-прежнему оставался коварным врагом – не видя ничего под его листьями, они, как саперы, водили палками по земле, пытаясь угадать, что ждет их с каждым следующим шагом. Для того же, кто шел без альпенштоков, чай стал спасением – хватаясь руками за его крепкие деревянистые стебли, он пробирался вперед, как паук.

Двое следили за идущим впереди. С опаской ждали, что он снова остановится и теперь уже с отчаяньем в голосе прокричит: «Все! Дальше дороги нет!»

Потому что если бы и этот спуск закончился обрывом, они оказались бы отрезаны: склон, по которому они только что спустились, был уже недоступен для подъема.

Заросли чая закончились, но идти легче не стало.

Они вступили на поросший мхом склон, по которому протекали десятки мелких ручейков... Дождь, процеживаясь сквозь рыхлый грунт, наполнял их русла, с каждой минутой становившиеся все шире и шире. Теперь вода сочилась уже из самой мшистой почвы.

Сейчас это и вправду был бархат – темный, мокрый бархат, по которому, смешавшись с дождем, текла студеная ледниковая вода.

Скользя, едва удерживая равновесие, они добрались до узкого гребня – единственного надежного места на всем спуске.

Перед глазами был ледник.

Старый, серый, весь в пятнах, как от жидковатого турецкого кофе, но все еще твердый, несмотря на августовское солнце.

Когда человек в сандалиях (последний в цепочке) ступил на лед, двое шедших впереди уже сидели на рюкзаках, курили и рассматривали водопад, проедавший проталину в толстом белом панцире. Добравшись до группы, он тоже попросил сигарету и задымил, глядя на скалы и обрыв, который только что удалось обойти.

Так они сидели с полчаса, ели шоколад, курили и смеялись над своим приключением, еще не вполне понимая, откуда только что спустились.

Тот, кто был в сандалиях, достал из рюкзака горные ботинки.

«Похолодало, – сказал он, – пора надеть тапочки потеплее».

И они пошли дальше, покуривая и сплевывая.

На холме, в нескольких сотнях метров впереди увидели первую корову, пасшуюся, как ни в чем не бывало, среди огромных валунов. Так они вошли в Хевсуретию. Или думали, что вошли.

* * *

Вечером трое путешественников остановились у реки, пересекавшей широкую тропу, на которую они, наконец, вышли.

Разбив лагерь, разожгли костер, разрушив расшатанный забор возле какого-то заброшенного сарая. Неизвестно чем была эта хибара до момента, пока люди, использовавшие ее, покинули эти места. Не

обнаружив никаких следов хозяев, путешественники без зазрения совести разобрали ограждение, чтобы как следует согреться и приготовить еду.

Сидя у костра, вспоминали прошедший день и переход; и каждому из них казалось поразительным, что шедший рядом совершенно не догадывался, о чем в тот момент думал его попутчик.

«Ты так быстро вырвался вперед... Молодчина», – сказал тот, кто весь спуск прошел без альпенштоков и в летних сандалиях.

«Ну, у меня интересные мысли были, – ответил человек, которому адресовался комплимент. – Я всю дорогу думал, что если вот-вот упаду и покачусь вниз, то могу зацепить кого-то... Сначала я старался все время идти так, чтобы никого не видеть перед собой. Все время впереди был или ты или Коба, и мне казалось, что я вот-вот покачусь вниз. А внизу вы двое... встретитесь, – на слове „встретитесь“ он криво ухмыльнулся. – Кроме того, я всю дорогу думал о твоих сандалиях», – добавил он.

«О моих сандалиях? – изумился первый. – А что в них такого?»

«Я думал о том, что если ты можешь пройти там в своих сандалиях, значит в этом маршруте нет ничего страшного... Поэтому я и шел, все время оглядываясь, – засмеялся он. – Если бы ты поменял сандалии на горные ботинки, тогда я бы понял: дело плохо».

«Почему, кстати, ты не переобулся?» – спросил проводник.

«А у меня сигареты закончились».

Остальные взглянули на него с изумлением.

«Мне все время хотелось попросить у тебя „Астру“, но ты с сигаретами шел впереди...»

«Самое паршивое в этом спуске то, что никто не мог помочь другому», – задумчиво произнес один из них.

Они курили молча, глядя на огонь.

«Самое паршивое в этом спуске то, что мы пропустили спуск», – сказал проводник.

Оба путешественника посмотрели на него с недоумением.

«Как это – пропустили спуск?»

Проводник сплюнул в огонь и посмотрел на этих двоих загнанным взглядом, как Паниковский Ильфа и Петрова; посмотрел на них с пониманием: «будут бить».

«Мы должны были выйти сразу к озерам – они в километре от того места, где нужно было спуститься. Но их не было. То есть нас не было там, где они... Я не знаю где мы, короче», – выдавил он из себя.

«Может быть, мы – в Чечне?» – спросил один, злорадно предвкушая плохие новости.

Проводник молчал.

«Пошли спать, завтра все равно узнаем. Даже если мы оказались в Чечне, информация об этом никак не улучшит наш сон, – философски заметил тот, кто шел в сандалиях. – Так что где бы мы ни были, мы спустились, а это уже сама по себе хорошая новость».

Неожиданный поворот

Проснувшись утром, путешественники собрали лагерь и отправились дальше в направлении, указанном проводником.

Раз десять переходили через ледяные воды горной реки.

Проблема в том, что там, куда они планировали выйти, не должно было быть никакой реки...

По дороге встретился мост изо льда, не растаявший под летним солнцем. Этот мост был великолепной иллюстрацией хевсурской зимы, описание которой опубликовано в газете «Кавказ» полтора века назад:

«Зима неприветлива в Хевсуретии: огромные сугробы снега заносят все ущелья, сообщение между

деревнями прекращается и несколько месяцев кряду слышен только вой ветра, глухое журчание полускованных льдинами водопадов, да вой волков, не находящихся, чем утолить свой голод. Обрушившиеся со страшной высоты скал завалы местами образуют крепкие своды над руслами рек; вместо деревень виднеются только верхушки сосен да закопченных башен. С наступлением весны вся эта снежная масса начинает оседать, и ходьба по ней делается еще труднее. На каждом шагу путник погружается по пояс в снег, и, не успев выкарабкаться из него, опять тонет... Часто нет другого пути, как по заваленному огромному камнями руслу реки, катящей с шумом целые массы пены. Тогда, держа друг друга за руки, опираясь на остроконечные палки, путники едва переступают и борются с сильным напором воды. Местами снег образует над реками своды, живые мосты, проходя по которым треск дает знать о возможности провала и падения с высоты нескольких сажен прямо в поток, с глухим ревом пробивающий себе дорогу сквозь груды снега».

Наш гид становился все более нервным; постоянно вертел головой, иногда останавливался, осматривая изгибы ущелья, и что-то беспрестанно бормотал. С его лица не сходило страдальческое выражение.

«Ты сейчас хотя бы примерно понимаешь, где мы?» – спросил я (думаю, читатель уже догадался, что в этом приключении не обошлось без участия Кобы и вашего покорного слуги).

Остановившись на несколько секунд и еще раз оглядев окрестности, наш гид произнес: «Не беспокойся. Мы точно в Грузии, только не совсем там, где должны быть...»

И с этими словами снова зашагал вперед.

Дорога становилась шире, теперь это была уже не едва различимая пастушья тропа, а широкая тропинка,

какие встречаешь неподалеку от крупных сел.

Очевидно, мы приближались к какому-то населенному пункту, и я начал перебирать в уме названия мест, которые могли находиться поблизости.

Вдруг впереди мы увидели несколько невысоких сооружений и развевавшееся на флагштоке красно-белое полотнище.

При виде этих цветов у меня отлегло от сердца – меньше всего хотелось сейчас увидеть флаг другой страны.

В нашу сторону шел высокий человек в камуфляже. Если верить путевым запискам начала прошлого века, хевсуры – низкорослый, коренастый народ с несколько азиатскими чертами.

Человек, направлявшийся в нашу сторону, выглядел совершенно иначе. Это был мужчина двухметрового роста с продолговатым, очень европейским лицом и огромными руками.

Остановившись на несколько секунд и еще раз оглядев окрестности, наш гид произнес: «Не беспокойся. Мы точно

в Грузии, только не совсем там, где должны быть».

«Откуда вы идете?» – спросил он.

«Идем из села Джута! – ответил я. – Направляемся в сторону Абуделаурских озер, и...»

Человек рассмеялся, а Коба, как написал бы классик позапрошлого века, «возвел очи горе».

«Вы сейчас подходите к селу Джута, – сказал пограничник, – только с другой стороны. Вы вернулись в то место, откуда пришли».

У Кобы был отсутствующий взгляд.

Как я понял впоследствии, этот взгляд всегда был у него на вооружении, защищая Кобу от неприятностей в

двух самых сложных его состояниях – состоянии беспробудного опьянения и болезненного разочарования, часто следующего за первым.

Коба не реагировал на мои испепеляющие взгляды – он смотрел сквозь меня в направлении перевала, откуда мы только что спустились.

«Туман, – тихо сказал Коба. – Из-за тумана мы пропустили поворот».

В защиту нашего гида надо сказать, что такие случаи на перевале не редкость.

Как мы узнали от пограничника, несколько лет назад подобное случилось с группой немецких альпинистов, застрявших в тумане посреди зарослей горного чая. Их эвакуировала прибывшая на вертолете спасательная группа.

У нас же не было раций, по которым мы могли передать сигнал бедствия. Если бы не спустились сами, шансы на то, что кто-то помог бы, равнялись нулю.

Еще одна история, рассказанная нам пограничником, была куда комичней. Однажды в Джуте выдавали замуж девушку из рода Арабули. Ее жених оказался хевсуром из Шатели по фамилии Чинчараули. (Зов предков? Необратимый фатум?)

Гости возвращались со свадьбы с похмелья и верхом, выбрав для этого тот самый злополучный Чаухский перевал.

Родственники невесты пытались отговорить их, но шатильцы не поддались на уговоры. Еще не хватало! Чтобы Чинчараули спасовали перед опасностью, на которую им указывают какие-то Арабули, да еще не хевсурские, а эмигранты из села Джута?..

Наплевав на предупреждения, шатильцы отправились в путь, заявив, что перейдут перевал и к вечеру, искупавшись по дороге в Абуделаурских озерах, будут уже дома.

К вечеру они действительно вернулись, но не домой, а в Джуту. Жители этого села не стали насмехаться над бахвалами, а усадили их за стол, продлив праздник еще на несколько дней.

«Туман, чертов туман, этого чертового горного деда туман, напустил его мохнатый горный дед, в пропасти бы ему пропасть...» – Коба ругался грязно и долго, и высокий человек не перебивал его, не поощрял и не останавливал; только смотрел с выражением человека, который все понимает, но не видит смысла произносить это вслух.

Там, на перевале, еще не начав спуск, каждый из нас подсознательно знал, что мы заблудились, но сказать об этом вслух не решился никто, и меньше других – наш провожатый.

Я вспомнил, как перед началом спуска мы ждали Кобу на вершине, а он забегал вперед, не снимая с плеч тяжелого рюкзака; через несколько минут возвращался, чтобы снова скрыться за очередным возвышением, пытаясь что-то разглядеть в сгущающемся тумане.

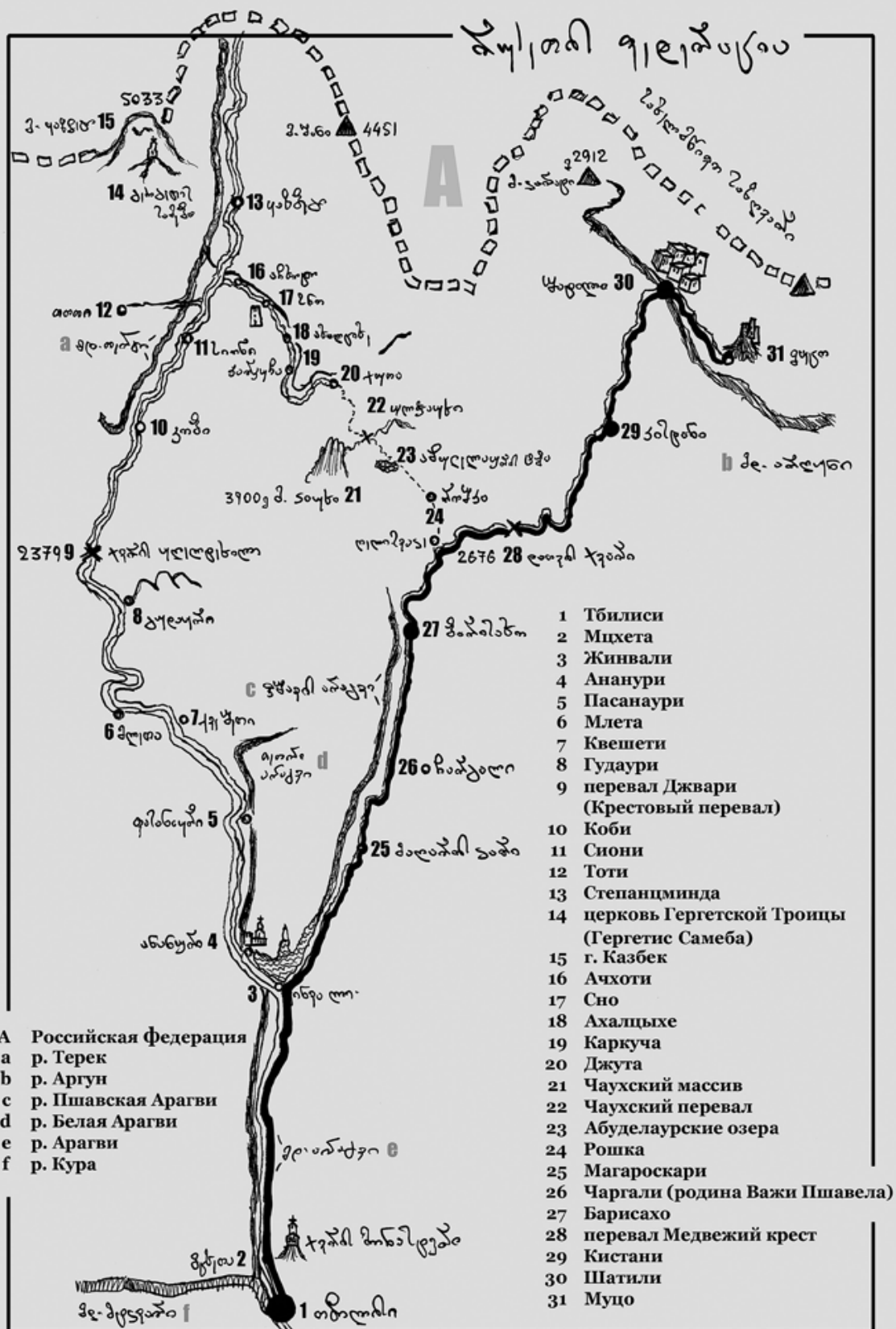
Там, на перевале, еще не начав спуск, каждый из нас подсознательно знал, что мы заблудились, но сказать об этом вслух не решился никто, и меньше других – наш провожатый.

Я никогда прежде не испытывал к одному человеку столько ярости и жалости одновременно. Мне захотелось убить Кобу и обнять его в один и тот же момент.

В тот день Коба перестал быть в моих глазах всесильным диктатором и стал моим другом.

Маршрут 7

**В Шатели через страну пшавов
Черепи, древние святилища и
хевсурский Нью-Йорк**



Медвежий крест

Отказавшись от первоначального плана пересечь массив «баррикада», мы решили добраться до Хевсуретии по автомобильной дороге, уходящей вправо перед водохранилищем Джвари и пролегающей через страну пшавов.

Пшавия – это место, откуда, как писала в начале прошлого века уже упомянутая нами любознательная графиня Уварова, *«происходят все великие поэты Грузии»*.

На самом деле речь идет об одном поэте – Важе Пшавела.

Благодаря его стихам каждый грузин знает о традиции хевсур рубить руки врагов, сраженных на поле брани, и хвастаться ими перед соплеменниками:

*«Немало кистов без руки
Оставил он на поле боя.
У труса разве есть враги?
Их много только у героя».*

Читая эти строки, я и представить себе не мог, что хевсуры, эти рыцари без страха и упрека, способны быть ябедниками и кляузниками.

Однако время, свободное от охоты и стычек с врагами, они посвящали судебным спорам с соседями из низин. За добродушие и уступчивость хевсуры прозвали пшавов «жирными дойными коровами» и прибегали ко всяческим уловкам, чтобы вытянуть из них то, что по каким-то причинам не могли отобрать силой.

Появление в начале XIX века гражданских судов открыло для хевсур новое развлечение – сутяжничество.

*«Предметы споров иногда бывают до того странны,
что мне приходилось, присутствуя на суде, хохотать до*

слез, – пишет журналист Арнольд Зиссерман. – Один хевсурец предъявил на пшавца претензию, что дед его, еще до прихода на Кавказ русских, поймал однажды в Арагве большую лососину, которую по величине не мог отнести домой и оставил в воде привязанную за камень, с тем, чтобы на другой день приехать за нею на катере; но ночью она была украдена, как узнал претендатель, дедом пшавца. Вот он и требует с него следующего удовлетворения: лососина стоила одной овцы, которая с тех пор, в течение, положим, 60 лет, дала бы шерсти и сыру по крайней мере на 10 коров, да от нее были бы другие овцы, от этих другие, по крайней мере штук 150, да за столь долгие ожидания, и для подарков судьям 5 коров. Всего 55 коров или 275 рублей!!!.. отделаться нет возможности, и после долгих суждений, просьб, угроз, пшавцу ни за что ни про что приходится все-таки отдать несколько коров, чтобы отвязаться; а то не дадут ему нигде проходу.

Другой хевсурец пресерьезно требовал с пшавца удовлетворения за кровь своего брата, грозя страшным кровомщением. На вопрос убит ли его брат этим пшавцев в драке или нечаянно, он рассказал: однажды покойник с двумя товарищами отправились ночью в пшавское ущелье и украли с мельницы два жерновых камня, с коими пробирались домой; но по дороге на них напали хищные кистины, завязали перестрелку, и брат его убит; жернова эти оказались принадлежащими этому пшавцу, и как они были причиной смерти его брата, но он и требует удовлетворения за кровь!..»

Перечень этих исковых заявлений, изложенный острым языком Зиссермана, настолько забавен, что знакомясь с ними, я не мог остановиться и несколько дней в тбилисской библиотеке посвятил одним только судебным делам хевсур. Вот еще один образчик раннего творчества этих новоиспеченных рейдеров в законе:

«Еще один хевсурец требовал платы за кровь по следующему случаю: отец его, лет 40 тому назад, был в гостях у одного пшавца, где напился пьян; при выходе из дому треснулся лбом о притолоку низенькой двери; теперь же, при смерти, объявил, что умирает, собственно, от боли в голове продолжавшейся со времени этого случая, и завещал своим детям отомстить за его смерть. Ему было лет за 70!»

* * *

Проехав мимо страны пшавов, оставив позади хевсурские поселки Корша и Барисахо, мы приблизились к перевалу Медвежий крест.

До этого места дорога вряд ли удивит путешественника, знакомого с грузинскими пейзажами, но дальше картина резко меняется.

Оттуда, с высоты больше 2000 тысяч метров над уровнем моря, видны скалы «баррикады», защищавшие хевсур с тыла, в то время как впереди, за следующим горным кряжем – уже Чечня.

С верхней точки перевала видны огромные зеленые луга, усыпанные маленькими точками, сверху напоминающими белоснежные камни.

«Это что – мрамор? – спрашиваю у Кобы. – Откуда здесь столько его?»

«Это не мрамор – это овцы», – улыбается Коба.

Перевал на закате – красивое зрелище, однако неопытному водителю лучше проехать следующий участок пути, пока солнце еще высоко.

Глядя на хевсурские реки, понимаешь, что легенды о дэвах могли появиться только здесь.

Узкая дорога пролегает по самой кромке шумного потока.

Острые и зазубренные камни как будто созданы для того, чтобы ими сражались великаны – они напоминают гигантские топоры древнего человека.

Скалы наверху и их осколки, омываемые бурной рекой, местами поросли мелкими соснами.



*Дорога в Хевсуретию за перевалом Медвежий крест
(«Датвис Джвари» – груз.)*

Щербатые скалы в нескольких десятках метров над головой не вызывают доверия, так что этот пронзительно красивый участок пути хочется преодолеть как можно быстрее.

Глядя на хевсурские реки, понимаешь, что легенды о дэвах могли появиться только здесь.

В эпоху индустриализации коммунистическое правительство всерьез рассматривало возможность строительства в Хевсуретии железной дороги. Но если ущелье в Вардзии из-за риска обвалов можно назвать «ущельем тишины», то ущелье реки Аргун на подъездах к крепости Шатели я назвал бы «ущельем шепота» – такой шаткой выглядит нависающая над дорогой каменная стена.

Одинокое дерево

«Когда-нибудь и этого смоем потоком, – скажут те, кто увидит дерево, растущее в расселине скалы посреди горного потока. – Не может оно расти тут, ему же не за что зацепиться корнями!»

Проезжая мимо, путешественники каждый раз оглядывались, ища подтверждения этим словам.

При виде сосен, вросших в осколки скал на реке Аргун, я вспомнил высокого пограничника, хевсура из рода Чинчараули, встреченного в селе Джута.

Этот человек сам был как дерево, стоящее на подмытом берегу.

Он рос, как будто не глядя себе под ноги. Но его почему-то не смывало.

«Ну вот, еще немножко. Смотри, скала с каждым годом становится тоньше, вот уже видно, как торчат из нее корни... Эта поросль не продержится долго».

Но дерево продолжает расти.

Все они – и деревья и люди – живут здесь несколько веков, и городские жители никогда не поймут, как они выживают в этих горах.

Представители древних хевсурских фамилий, главных стражников Грузинского царства, продолжают нести службу круглый год.

Зимой, когда перевал закрыт, в горы может вылететь вертолет, чтобы забрать человека, с которым

случилось несчастье.

Если будет связь, если не порвет кабель электропередач и если будет кому позвонить и сказать: «Беда». И если тот, кому нужна помощь, признается в этом и согласится принять ее.

Люди и скелеты Шатили

«Все эти башни, навесы, коридоры, лестницы, темные и светлые помещения, лепятся друг на друга и друг около друга, так что кажутся одной единой массой, закопченной и заваленной навозом, но вместе с тем представляющей вашим взорам весьма теплым живописным пятном на синем небосклоне, на светлых скалах, окружающих это пятно».

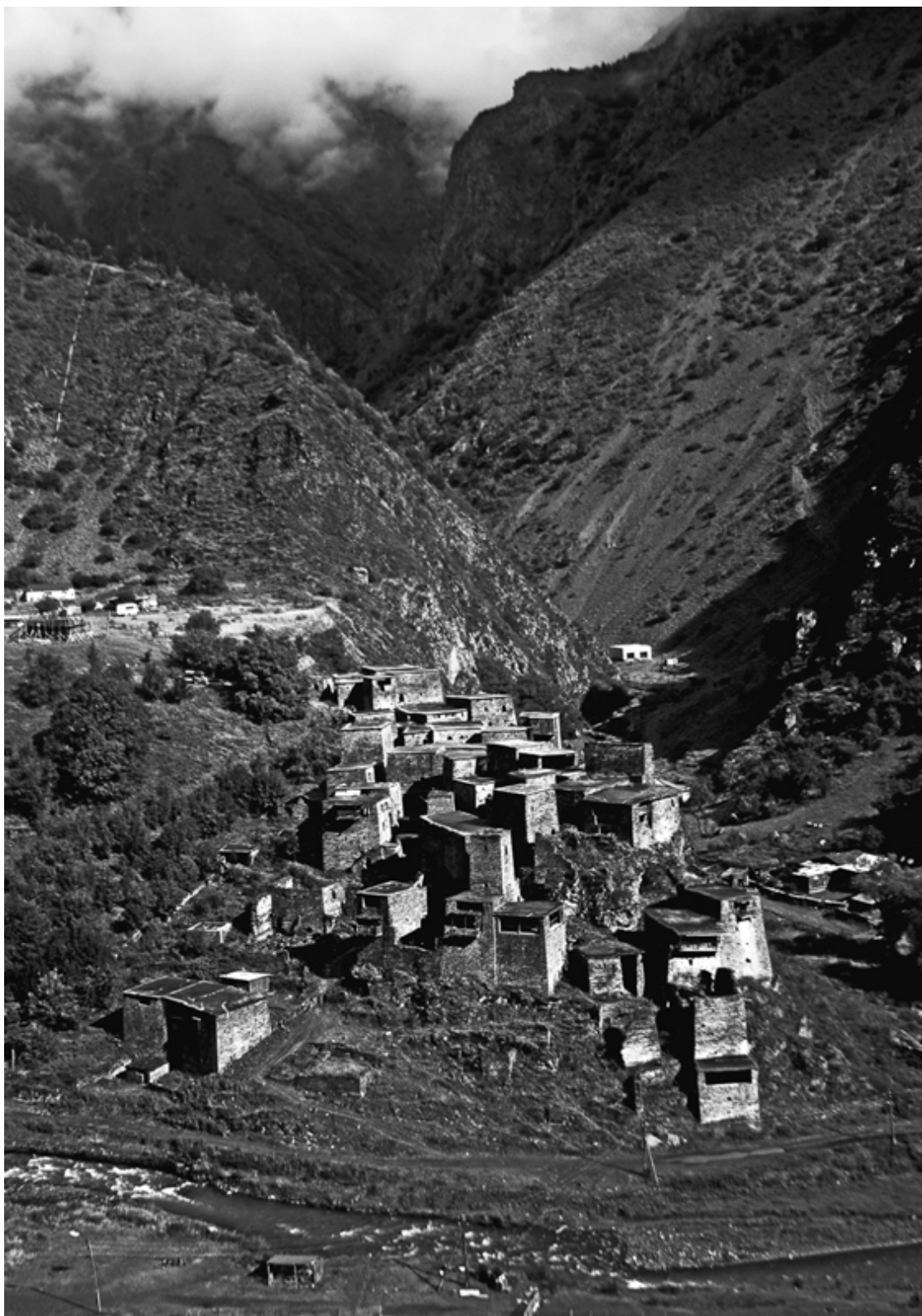
Графиня Уварова

Посмотрите налево, уважаемые любители древностей, – затылком к остальной Грузии, лицом на восток. Прижавшись спиной к скалам, нащупав в них каждую впадину, ребрами к камню, камень к камню; острые уступы – как продолжение стен. Сланец, скалы, кирпичная кладка, снова скалы – ярусы крепостей, вросшие в породу, – не подкопаться. А сверху – черные, просмоленные крыши.

Летом они ночевали на крышах домов (крыши нижних соседей служили полом для тех, кто жил выше). Здесь, укрывшись шкурами от дождя, хевсуры могли спать под звездным небом или теплым дождем.

На этих самых крышах, если верить писателю Михаилу Джавахишвили, молодые хевсурки приходили разделить ложе с незнакомцем, пришедшим в Шатили, чтобы остаться здесь навсегда.

Говорят, когда-то их женщины смазывали волосы коровьей мочой, чтобы придать им медный оттенок. Женщины здесь пахли мускусом и стадом. А еще говорят – они были красивы.



Поселок Шатили, столица региона Хевсуретии

Гурийки, имеретинки, жительницы Тбилиси... Их красота гремела на весь Кавказ, поражая европейских путешественников, и даже Александра Дюма. Но хевсурки? Приземистые, коренастые жены и дочери этих горных дьяволов?

Графиня Уварова находит их весьма привлекательными. Другому путешественнику они показались ведьмами...

Лежа в палатке на берегу Аргуна и перечитывая записки Императорского географического общества, я вспоминаю услышанное и прочитанное о крепости Шатили.



Крыши домов в поселке Шатели. Некоторые башни здесь по-прежнему обитаемы

Говорят, в девятнадцатом веке Шамиль, предводитель всех мусульманских племен Северного Кавказа, пришел в Хевсуретию, чтобы, именем Аллаха, выжечь всех хевсур. Но увидев крепость Шатели, он развернулся и ушел.

«Здесь нечего ждать... Они могут сидеть в этих башнях вечно», – сказал терпеливый стратег, не любивший, впрочем, терять время понапрасну.

Разоруженное, покорное стадо – вот кем должны были стать гордые горцы, жившие за перевалом Медвежий крест.

Потом, спустя почти век, появились русские. То есть русские были здесь и раньше, но то были другие русские.

Прежние русские хотели, чтобы хевсуры воевали с кистинами и Шамилем; и чем больше хевсуры приносили отрубленных рук людей Шамиля, тем больше радовались русские. Иногда горы наводняли целые армии, и хевсурам приходилось отдавать часть своих стад, чтобы прокормить их.

Тогда Чинчараули, Арабули и все остальные жители Хевсуретии ненавидели гостей. Они называли русских «лягушонки» – из-за зеленых мундиров.

Когда пришли коммунисты, хевсуры тоже по привычке называли их «лягушонки».

Сначала они не убивали – только слушали и смотрели. Но то, что они услышали, поразило хевсур. Еще никогда гости не позволяли себе таких дерзостей. Эти «новые русские» пришли не за тем, чтобы помочь хевсурам убивать их врагов и добывать больше рук, которые можно прибить к стенам домов и доказать

соседям свое превосходство; они пришли, чтобы отобрать у хевсур их единственное богатство – стада коров и дорогие, инкрустированные золотом и серебром винтовки.

Разоруженное, покорное стадо – вот кем должны были стать гордые горцы, жившие за перевалом Медвежий крест.

Нигде больше в горах Грузии не было такой войны.

Несколько лет маленькие отряды хевсур пытались отстреливаться от подразделений Красной армии, пришедшей уже не за головой Шамиля, а по их, хевсуров, душу.

Соппротивление, начавшееся в 20-е годы, продолжалось до середины 30-х. И тогда, уже почти уничтоженные, хевсуры решили прибегнуть к последнему средству – дипломатии. Они написали первую в своей истории «ноту протеста». Это было прошение хевсурского народа «великому правительству Америки». Письмо было написано по-грузински и от руки... Ни до, ни после никто не слышал о том, чтобы хевсуры писали письма международным посланникам или в Лигу Наций.

*«Мы, народ Хевсурети, потревожены
Большевиками. Нам запрещают веру, хотят
создать колхозы и собирать много налогов.
Часто приходят и убеждают нас, но мы не
согласны и пока не погибнет вся Хевсурети – не
будем согласны. У нас нет оружия, но мы будем
воевать мечами и кинжалами. Обращаемся с
просьбой большой к Америке, вы сильное
государство, помогите нам – ведь жаль нас.
Надеемся, что поможете, ибо кроме вас другого
помощника у нас нет. Так, братья, доживаем мы
последние дни.*

Представители всей Хевсурети

Гига Ликокели

В. Горгилашвили

23/ VI-36 г.»

Письмо, как и большинство посланий, сброшенных с борта тонущих кораблей, не дошло до адресата.

Часть покоренных хевсур спустилась в низины. Несколько семей остались в горах. Эти последние, как и сто лет назад, служат пограничниками в местах, где рождались и умирали их предки. Теперь их можно узнать по шапкам с вышитыми разноцветными крестами и фамилиям, заканчивающимися на «-ли».

Встретив в городе «светского хевсура», спросите у него: «А как зовут вашего сына?» И перечислите имена мальчишек, родившихся в хевсурских крепостях: Мгела (волк), Вепхвия (тигр), Лома (лев) или Бахала (птенец ворона).

А вы уже были с ним в Шатели? Вы уже показывали ему свою родовую башню, господин «Ли?»

И тогда один из этих Чинчараули, Арабули, Циклаурири или Ликокели, услышав это, поведет вас в свой дом и начнет рассказывать о том, как его отцы и деды собирали ополчение против оккупантов, как хевсуры дали последний, самый страшный бой в ущелье Ликоки, возле села Якушо, что лежит направо от села Корша – последнего населенного пункта Хевсуретии, за которым начинаются уже низины.

Лучшие кадры случаются, когда камеры нет под рукой

«Женщины хевсурки весьма красивы; на вид здоровы и крепки, черноволосы, темнокожи, с красивым овалом лица, крупными чертами, черными открытыми с хорошим разрезом, большими приветливыми глазами».

Графиня Уварова

Спозаранку меня разбудил наш проводник. «Скорей, скорей! Посмотри, что там происходит!» – яростно шепчет Коба, расталкивая меня так, будто в Шатили произошло землетрясение или Аргун вышел из берегов. Натягиваю штаны (я уверен, что ни одна катастрофа не может быть преодолена в неглиже) и выскакиваю из палатки.

«Что случилось?» – спрашиваю у Кобы, недоуменно оглядываясь по сторонам.

«Ты хотел красивый типаж хевсурки – вот!» – говорит он мне.

Коба произносит эту фразу, указывая рукой в сторону скалистого кряжа.

Впрочем, как бы я не спешил, все равно не успел бы достать камеру. А тем более не успело бы солнце, лучи которого только начали пробиваться в темное ущелье.

Вверх по склону, погоняя небольшое стадо, взбиралась женщина. Поджарая, стройная, в длинной, по щиколотки, юбке, с огромной копной рыжих волос.

«Местная, – задумчиво произносит Коба. – Она ходит, как местная... Ты только посмотри, как она ходит!»

Это говорит обо всем. И о хорошем здоровье, и о том, что она родом с гор. Даже горожанин Коба не в силах устоять.

Женщина взбирается в гору лучше любого альпиниста.

«Как она ходит», – вздыхает Коба, глядя на копну рыжих волос, владелица которой за несколько минут преодолела подъем, на который нам понадобилось бы не меньше четверти часа.

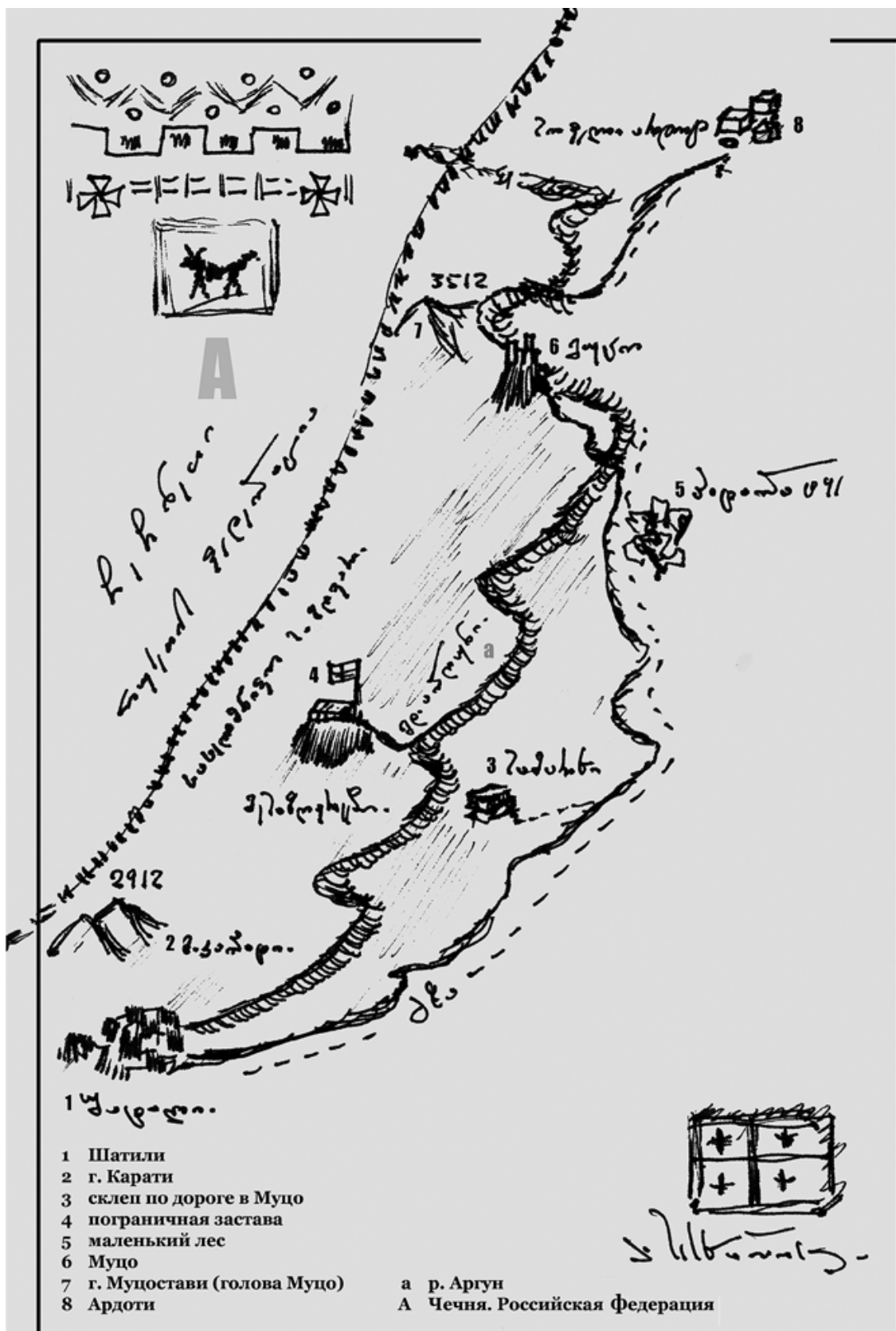
Похоже, в Шатели все еще есть жизнь, и мне будет кого расспросить здесь об обряде «цацлоба».

Хевсурский Нью-Йорк

«Сообщаю прежде всего о в высшей степени любопытных древних кладбищах шатильских хевсуров, расположенных верстах в трех ниже селения, на том месте, где бурные воды текущего прямо с юга ручья Ардоти-цхали впадают с правой стороны в р. Аргун. Непосредственно у левого берега этого значительного притока стоит изолированная шиферная скала. Там расположены семь надземных усыпальниц одинаковой величины и формы.

Заглядывая через отверстие в мрачную внутренность усыпальниц, мы заметили длинные шиферные скамьи, устроенные вдоль боковых стен покоя. На эти-то скамьи в былое время хевсуры сажали своих усопших, хотя без всякого украшения, но вполне одетых, и клали возле них трубку и табак.

Вот сидят они, эти когда-то дикие молодцы... Облеченный в пестрый парадный наряд, прислонен к углу стены мужской скелет; его череп поник на грудь; сосед его, потеряв равновесие, упал на левый бок; в лоне его успокоился череп третьего скелета, и разрушенные временем бранные останки четвертого валяются на полу. Кругом слышится шелест березового леса; Ардоти-цхали стремительно кидает свои пенящиеся воды в Аргун; с светлой небесной лазури льются теплые лучи солнца на древние хевсурские усыпальницы». Так описал увиденное на дороге из Шатели в Муцо этнограф Густав Радде.



Это массовое захоронение до сих пор там – множество скелетов, сложенных рядами в старинных склепах.

Но куда больше меня заинтересовали другие кости...

Когда мы достигли крепости Муцо, солнце уже склонялось к закату.

В двухстах или трехстах метрах над дорогой виднелась первая башня.

«Погоди, погоди... Сейчас ты увидишь хевсурский Нью-Йорк», – приговаривает провожатый.

Пройдя поворот, мы видим всю крепость – десяток похожих на небоскребы черных башен, стоящих посреди скал на вершине.

Никогда в своей жизни мне не приходилось видеть более защищенного форта.

Муцо – первый форпост Грузии на востоке. Глядя на эти утесы, можно понять, почему хевсуры привлекались на службу не только в личную гвардию грузинских царей, но входили в состав элитных подразделений европейских государей.



Башни крепости Муцо, последнего форпоста Грузии перед страной «кистин», как тут некогда называли чеченцев

На протяжении веков хевсуры считались одним из самых бесстрашных народов, населявших Кавказ. И глядя на Муцо, я понимаю почему: страх порождает страх и с годами воспитывает бесстрашие – обратную сторону еще большего страха, сделавшего этих людей отчаянными воинами.

Коротко говоря, Муцо – жуткое место.

В конце XIX века проезжавший по этой дороге Густав Радде называет Муцо руинами и не дает себе труда подняться наверх, к самой крепости.

Не дает себе труда или не поднимается из страха?.. В те годы в Муцо еще кто-то жил.

Сейчас, у подножия, стоит одинокий дом охотника Нугзара, лицо которого обезображено широким, рваным шрамом. Это – последний хевсур, обитающий там.

Муцо – первый форпост Грузии на востоке. Глядя на эти утесы, можно понять, почему хевсуры привлекались на службу не только в личную гвардию грузинских царей, но входили в состав элитных подразделений европейских государей.

Построенная, как утверждают сами хевсуры, человеком по имени Торгвай, крепость Муцо несколько веков была пристанищем для трех фамилий: Дайаури, Чолокашвили и Торгва (или Торгвай).

Последние, очевидно, и были потомками легендарного основателя крепости.

Торгва. Таких фамилий больше нет нигде. Это вымерший род, судя по всему, закончивший свое существование здесь же, среди небоскребов хевсурского Нью-Йорка.

Мы поднимаемся вверх по крутой тропинке среди камней, острых, как каменные топоры или наконечники копий.

На середине подъема, за одним из поворотов тропы – маленькое сооружение, похожее на те, что описаны в записках Густава Радде. Это – местное святилище, *хати*. Внутри пусто, и если здесь и были какие-то сокровища, их давно растащили охотники за древностями. Единственный предмет, который никто не осмелился забрать с собой, – выбеленный ветром череп.

Судя по размерам и степени сохранности, череп этот принадлежал юноше или девушке лет 14-16; человеку, не обезображенному в битвах и даже еще не нуждавшемуся в услугах дантиста.

Чума? Холера? Выстрел? Или, может быть, петля?

Мужчины здесь чаще всего умирали насильственной смертью, женщины же, во время выяснений отношений, были неприкосновенны; в Хевсуретии, как и в Сванетии,

женщине стоило бросить в толпу дерущихся платок, чтобы предотвратить убийство.

Молодая девушка, если она не умерла от какой-то болезни, могла покончить жизнь самоубийством, уличенная в сексуальной связи до брака.

«Хевсурские девушки слынут целомудренными. Забеременеть вне брака считается таким большим позором, что девушка редко переживает его: она лишает себя жизни или веревкою или пулей», – пишет Радде.

В 1876 году, когда по Хевсуретии путешествовал этот немец, в Шатили и окрестностях было зарегистрировано два самоубийства. Оба они были совершены девушками и, вероятнее всего, на почве любовных отношений.

Я никогда не узнаю, что случилось с обладательницей или обладателем этого черепа, но вид красивых костей, не изношенных еще жизненным циклом, всегда вселяет ностальгию.

Вчера вечером, лежа в палатке и изучая путевые заметки, я нашел список имен хевсур, принятых здесь в XIX веке. И теперь, взбираясь по ступенькам в скале, перебирал в уме имена, которыми могли звать девушек, живших и умерших в Муцо.

Мзе-винари (кто тут солнце?), *Гандза* (клад), *Вардуа* (роза) или *Тетруа* (белая).

Кроме этих странных, нигде больше не встречавшихся имен, в горах Хевсуретии были популярны также Мариам и Тамара (имена самой популярной грузинской святой и горячо любимой царицы).

«Тетруа, – подумал я. – Пусть этот череп зовут „Тетруа“, или „Белая“».

Белая, как соль, как снег, как выбеленная ветром кость.

Беглый царь

Многие грузинские крепости напоминают великолепно сохранившийся скелет; нетронутый, на нем еще можно рассмотреть остатки одежды и доспехов. Скелет настолько хорошо сохранившийся, что чинить в нем что-то, или, не дай бог, добавлять новые детали, взамен растасканных, кажется кощунством.

В Шатили, столице Хевсуретии, уже не возникает ощущение, что остов на склоне горы вот-вот встанет и пойдет. Другое дело – Муцо, самая таинственная из виденных мною крепостей.

Думая о Тетруа и размышляя о хевсурских скелетах, я на несколько минут забыл о Торгвае – легендарном властителе Муцо.

Башню, которую мы увидели со стороны дороги, называют башней Торгвая.

Говорят, здесь, возле самого большого святилища на горе, стоял его трон.

Мне не удалось найти сколько-нибудь достоверных свидетельств о жизни этого человека. Интереснее других о нем рассказал Шота Арабули – художник, живущий в хевсурском селе Корша, чей дом и прилегающий к нему небольшой музей обязательно стоит посетить на пути в Шатили.

Итак, Шота, с детства увлеченный историей Хевсуретии, рассказал следующее: Торгвай был некогда правителем Кахетии, претендовавшим на грузинский трон. Царь, правивший тогда Грузией, победил мятежного князя и тот бежал в горы.

Вряд ли такой человек мой прийти в Шатили и начать жить там – в столице хватало своих старейшин.

Тогда Торгвай, за несколько веков до первых небоскребов, построил собственный Нью-Йорк на скалах над рекой Ардоти.

За несколько веков до первых небоскребов, Торгвай построил собственный НьюЙорк на скалах над рекой Ардоти. После теплой, плодородной, богатой вином Кахетии он воздвиг замок в мрачном ущелье.

После теплой, плодородной, богатой вином Кахетии он воздвиг замок в мрачном ущелье. Говорят, он хотел стать царем всея Грузии. Он стал царем здесь [\[10\]](#).

Торгвай был первым правителем, которому удалось объединить под своей властью хевсур и живущих поблизости чеченцев (кистин). Этот человек ввел обязательный налог для всех путешественников, идущих через ущелье. Каждый, проходивший здесь зимой, должен был принести с собой мешок золы, чтобы посыпать ею тропу, расчистив дорогу для следующего путника.

Среди хевсур ходили легенды о кольчуге Торгвая, которую связали местные колдуньи, наделив ее огромной магической силой.

Правитель Муцо должен был привязывать кольчугу на ночь в своей башне, чтобы та не умчалась на поле битвы сама – без хозяина и оружия. А иначе ночью, посреди поляны, на которой сражался накануне Торгвай, плясала бы его железная кольчуга, одушевленная хевсурскими ведьмами...

Вот такой человек жил когда-то в Муцо. Теперь здесь нет никого. Только череп Тетруа и заросли Cannabis Sativa, произрастающей среди полуразрушенных башен.

Цацали, как оно есть

Иногда писателей здесь бьют. Говорят, так хевсуры отомстили Михаилу Джавахишвили, который написал роман об их «цацали». Именно этот роман и сделал

популярной легенду о целомудренных девицах и гостях, разделявших с ними ложе; легенду, о которой я столько слышал в Тбилиси.

Встретив автора неподалеку от Шатили, они устроили ему взбучку за то, что он опозорил их перед всей Грузией.

Эту историю рассказал мне Шота Чинчараули, директор шатильской средней школы и один из старейшин.

«Во-первых не „цацали“, а „сцорпроба“, – сказал этот шатилец. – А во-вторых, ничего такого не было. Там, за перевалом, они все изуродовали, все сделали по-своему. Это все пшавы... И еще Арабули. Эти Арабули все испортили».

Шота указывает рукой куда-то вперед; туда, где находится перевал Медвежий крест, за которым живут ненавистные Арабули.

«Но что тут такого? – спрашиваю у Шота. – У многих народов есть такая традиция. У украинцев, например, это называлось „холодной хатой“... Понимаете, в одной сакле собиралось много-много мальчишек и девчонок и они могли делать все что угодно, только без риска забеременеть раньше времени... Наверняка такой обряд нужен и в горах, куда так редко попадают чужеземцы!» – начал рассказывать я, но заметив выражение лица собеседника, запнулся.

«Не было здесь такого! – отрезал Шота. – Пшавы и Арабули, у них спрашивай. Там они прикасались друг к другу... Секс был даже, – сказал он, поежившись. – Это все там, за *пирикета*...»

Пирикета – значит «там, за перевалом»; там, где могли происходить любые бесчинства. Но здесь, до перевала, семейство Чинчараули ни за что не допустило бы такого.

«Цацали» – произнося это слово, Шота Чинчараули вздрагивает от отвращения.

Продолжать разговор не имело смысла, и последнее, о чем я мог попросить этого человека, – провести меня к старейшей жительнице села.

Старушке Мариам далеко за восемьдесят, она – самая древняя хевсурка в Шатили.

В ее доме турьи рога и портреты старых хевсур.

«Цацали» становились девушки, у которых не было отца или братьев, способных защитить их в случае набега врагов. И тогда названные братья должны были бы рискнуть своей жизнью ради сестер.

«Госпожа Мариам, расскажите мне о „сцорпроба“. Как все было на самом деле, пока историю не переврали эти, как их... Арабули», – спросил я, демонстрируя все возможное пренебрежение к недругам их рода.

«Мне нечего рассказать, – пожала плечами Мариам. – Я ничего не знаю об этом».

«Но, может быть, ваша мама или бабушка что-то рассказывала вам? О том, как это было не с ними, а с их мамами и бабушками? Или (тут я прибегнул к последней уловке, которая могла успокоить старушку), может быть, о том, как это было в других семьях? Не в семье Чинчараули, а в какой-нибудь другой?..»

Та отвела взгляд и начала говорить что-то по-грузински человеку, пришедшему со мной.

«Она ничего не знает», – сказал Шота.

«Но, может, она скажет хоть что-то, не называя фамилий? Не называя имен и родов? Не называя даже... мест и родов?»

«Она ничего не знает, – повторил Шота, – и сейчас нам лучше уйти».

Мариам, даже не дождавшись ответа, поднялась с деревянной скамейки и отряхнула колени.

Она сделала этот жест, хотя мы не сидели за столом, на ее колени не падали крошки хлеба.

Аудиенция окончена. Чинчараули не выдают своих тайн. И если я не хочу быть навсегда преданным анафеме именем хевсурских богов, мне лучше навсегда забыть эту историю с цацали.

Так мы покинули Шатели, снова пересекли Медвежий крест, и, оказавшись в селе Корша, зашли в гости к моему старинному знакомому Шота Арабули.

«Батоно Шота! А что вы знаете о „цацали“, или верней – „сцорпроба“, – тут же поправился я. – Там, наверху, они ничего не знают... или делают вид».

«Ничего этого не было у хевсур, – ответил Шота. – Все это пшавы... у них там творилось все что угодно, под видом нашей „сцорпроба“».

«А у этих, Чинчараули? Или как их там? Может быть, и они тоже?..»

«Здесь никто не станет говорить об этом, – заявил Шота. – Здесь – точно нет. Может быть, там, *прикета*, как это... за перевалом!» – он указал рукой в направлении, откуда мы только что вернулись.

Так закончилась моя история с «цацали» – обрядом, из-за которого чуть не погиб, как минимум, один писатель.

Положа руку на сердце, надо признать, что единственным печатным источником, упоминавшем об этой традиции, как раз и был роман писателя Джавахишвили, копию которого однажды прислала мне по почте в Киев наша царица Тамар.

Зная до определенной степени нравы горных грузин и то, как трепетно они относятся к старинным ритуалам предков, можно понять, как писательская фантазия предшественника даже спустя сто лет могла навредить любому гостю, опрометчиво упомянувшему имя беллетриста и описанный им обряд.

(Сам Михаил Джавахишвили, автор «Белого воротничка», где несколько романтизированно изображен старинный обычай, погибнет насильственной смертью, но не от рук хевсур, а от рук большевиков, расстрелявших его в 1937 году в числе прочих «неблагонадежных» авторов).

Покинув Хевсуретию, я пообещал себе больше никогда не возвращаться к этой теме, пока в тбилисской библиотеке не наткнулся, наконец, на нужную книгу.



Стена заброшенного дома в нижней Хевсуретии

Она была на грузинском, и я дал прочитать ее царице Тамар, чтобы потом воспользоваться ее детальным конспектом.

Как оказалось, последнее упоминание о хевсурском обряде «сцорпроба» датировано 1912 годом. Этот обряд был отнюдь не тем, чем я представлял вначале.

«Там не было ни малейшего интима, – говорит Тамуна, для которой эта книга тоже стала открытием. – Оказывается, этим девушкам выбирали не жениха, а брата!»

Я не мог понять, зачем нужно выбирать брата. Свежая кровь для продления рода – это одно, а ведь доблестных братьев и так хватало жителям этих мест.

Оказывается, все то, что нам рассказывали о традициях хевсур, – полная чушь. «Цацали» становились девушки, у которых не было отца или братьев, способных защитить их в случае набега врагов. И тогда названные братья должны были бы рискнуть своей жизнью ради сестер.

Хевсурским мальчишкам и девчонкам разрешалось спать рядом, не прикасаясь друг к другу, но отнюдь не для того, чтобы между ними развилось чувство, которое объединило бы их узами, более тесными, чем клятва, данная старейшинам.

Никого из старейшин при этом не заботило, что подобная дружба может оказаться мучительным испытанием для обоих.

Нарушившие же обет целомудрия изгонялись из села, с тем, чтобы никогда больше не вернуться.

«Они бежали в горы? Жили в лесах? Строили дом где-то на скалах?» – спросил я у Тамуны, уже представив себе одиноких, измученных голодом и холодом и преследуемых дикими зверями молодых людей, проклятых своей общиной.

«В горы? – удивилась царица Тамар. – Зачем им бежать в горы? Они бежали в Кахетию».

И в этот момент мрачная картина сменилась совсем другим пейзажем.

«*Ртвели*^[11], виноград, шашлык! Вот оно что... Значит, они бежали в Кахетию... Вот в чем мораль: нужно обязательно нарушить закон, чтобы оказаться в раю», – сказал я.

Царица улыбнулась.

«Алекс, я ведь кахетинка. А ты знаешь, как звали мою бабушку?»

Я покачал головой.

Тамуна назвала имя и фамилию, очень созвучные тем, что мне доводилось встречать в летописях о хевсурах.

«Так, может, твоя бабушка?.. Могла она сбежать из Хевсуретии как раз по этой причине?.. Тогда ведь она еще не была бабушкой царицы?» – улыбнулся я, глядя на Тамару.

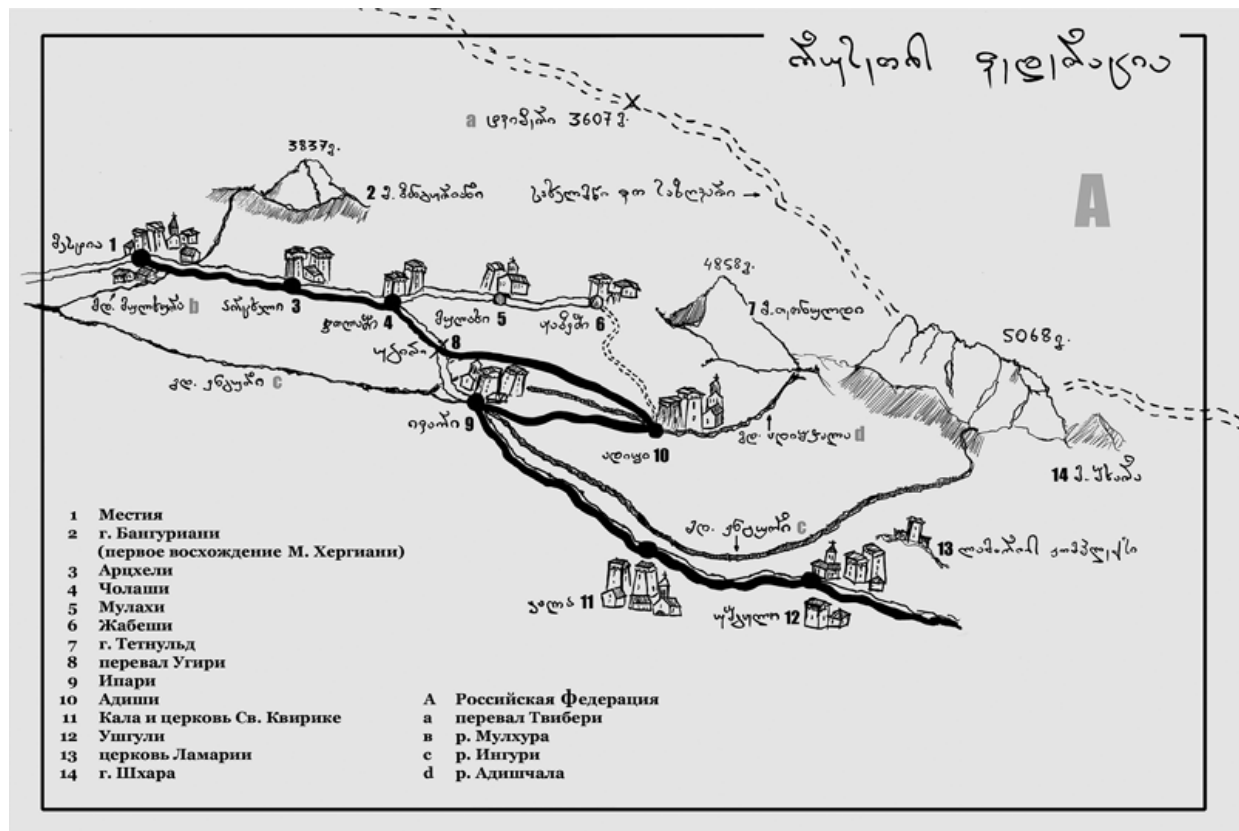
Та, как и подобает особе благородных кровей, не произнесла ни слова.

«Кто знает, Алекс... Кто знает, что делали наши бабушки, когда еще не подозревали, что станут когда-нибудь бабушками цариц...»

Маршрут 8

Из Местии - в Вольную Сванетию

За сокровищем Страны волков



Золото сванов

В водах реки Ингури, в Сванетии, старатели до сих пор пытаются искать золото, которое когда-то добывали жители Древней Колхиды. Историю о другом, гораздо более таинственном сокровище, я услышал в Тбилиси.

Путь к нему начинается в Местии и ведет в низины. Считается, что после прихода в Сванетию русских старейшины спрятали все церковные ценности где-то в горах.

Часть из них – в самой Сванетии, а часть – неподалеку древней Эи (столицы Колхиды, нынешнем Кутаиси), на горе под названием Хомли.

(Кутаисцы считаются самыми большими пройдохами среди грузин, и сложно представить, чтобы сокровище могло так долго пролежать нетронутым прямо у них под носом. Однако, если верить тому, что я узнал позднее, даже для местных жителей эта тайна оказалась не по зубам.)

В водах реки Ингури, в Сванетии, старатели до сих пор пытаются искать золото, которое когда-то добывали жители Древней Колхиды.

Все русскоязычные источники (даже такие демократичные как интернет), при попытках выяснить что-то об этой горе отвечают молчанием.

Единственная ссылка, связанная со словом «Хомли», вывела на интервью с одним грузинским бизнесменом, рассказывавшем, как он дал имя знаменитой горы своему кооперативу. За этим, надо полагать, следовала история о том, как вышеупомянутый кооператив вырос до размеров целой горы – но дальше я читать не стал.

Больше не было ни единой статьи, которая сообщала бы о горе Хомли хоть что-нибудь вразумительное.

В Тбилиси, готовясь к путешествию, я увидел фотографии этого места.

Хомли – невзрачный, поросший не то полынью, не то порослью каких-то низкорослых деревьев кряж.

На первый взгляд – ничего интересного. И на второй тоже.

Но однажды в Тбилиси я услышал историю, которая заставила взглянуть на это место совсем другими глазами.

Это была легенда о рыцарском ордене, созданном не воинствующими и жаждущими славы дворянами-

феодалами, как это происходило в средневековой Европе; здешними рыцарями стали жрецы культа Солнца, капища которого располагались тут же, на Хомли.

Эта прекрасный пример того, что местная рыцарственность имеет не менее глубокие корни, чем пресловутое европейское «нобилите».

Члены ордена впоследствии и стали воинами, призванными охранять главное сокровище Грузии.

«Главное сокровище Грузии? Я всегда думал, что это царица Тамар!» – сказал я, услышав эту историю.

Тамуна улыбнулась.

«Не только. Я имела в виду материальное сокровище...»

«Клад царицы Тамар?»

«Нет, клад всей Грузии».

«Золото?»



Рыбаки на промысле в устье реки Ингури

«Почему золото... – задумалась царица. – Мы знаем только, что там был спрятан клад, но что это за клад? Может быть – знание?»

Я не придавал бы этому разговору такого значения (мало ли бесед о грузинских традициях мы вели на кухне), если бы не один факт.

В 30-е годы XX века Иосиф Сталин снарядил альпинистскую экспедицию на гору Хомли, цель которой держалась в строжайшем секрете. Возглавил ее известный альпинист, выходец из Местии, Алеша Джапаридзе, к тому моменту уже покоривший самую опасную вершину страны – Ушбу.

Гора Хомли – это не легендарная Ушба или тибетская Джомолунгма; экспедиция туда не могла стать торжеством советского альпинизма, как восхождение на Эверест.

Тем не менее, в Кремле придавали этой операции огромное значение.

Грузины считают, что Сталин искал там сокровища.

Какие именно – никто не знает. Еще один любопытный факт. Название рыцарского ордена, призванного защищать клад, происходит от сванского слова «фусд», означающее «владыка», или «всемогущий» и, возможно, является синонимом слова Бог.

Сама же организация, охраняющая тайну, носит название «Фустийцы» или «Пустийцы».

Но почему, если речь идет о сокровище всех грузин, орден назван сванским словом? И какое отношение гора Хомли имеет к Верхней Сванетии, где достаточно своих вершин?

После второго путешествия в Сванетию я понял: сваны далеко не глуповатые простаки, какими их изображают в анекдотах. Поэтому здесь, в Местии,

говоря о загадочных сокровищах, я не задаю прямых вопросов.

Вернувшись в Местию с праздника Квирикоба, я отправился в гости к самой известной сванской династии альпинистов, связанной кровными узами с семьей человека, в середине прошлого века отправленного Сталиным на поиски легендарного грузинского сокровища.

Дух Хергиани

Род Хергиани (символично для этой альпинистской семьи) проживает в Местии неподалеку от улицы Ушбы.

Стоит взглянуть на кисти рук любого из Хергиани, чтобы распознать в нем прирожденного скалолаза. У всех представителей этой семьи (как мужчин, так и женщин) – цепкие, крупные, сильные пальцы.

Многие сваны с незапамятных времен поднимались на Ушбу, Шхару, Тетнульд и другие знаменитые вершины Кавказа, но самый известный альпинист, родившийся в этих краях – Михаил Хергиани.

Он был одним из немногих советских спортсменов наравне с Юрием Гагариным (причислять первых покорителей космоса к ученым, а не атлетам, не поворачивается язык), кого удостоила приема и лестной оценки английская королева, назвавшая сванского альпиниста «тигром скал».

В Советской России альпинисту, чтобы прославиться, нужно было непременно подняться на восьмитысячник Джомолунгму. Но Михаила Хергиани интересовали другие, не менее сложные маршруты, в которых совмещались навыки альпинизма и скалолазанья.

На отвесные скалы Ушбы по ее знаменитому Зеркалу (отвесной скале в 1200 метров) он взбирался методом «свободного лазанья», т. е. не используя искусственные

точки опоры, полагаясь, как скалолазы в стихах Владимира Высоцкого, «только на крепость рук».

Удостоенный всех возможных почестей при жизни, Михаил (настоящее его имя – Чхумлиан, русским именем его назвал кто-то из тренеров по альпинизму, неспособный запомнить редкое сванское слово) стал символом Сванетии, еще более популярным, чем сванские башни, но, увы, не таким долговечным.

Те, кто погибают молодыми, проявив задатки величия, но не успев ощутить в себе признаков тлена, всегда становятся героями.

Альпинизм, как и космонавтика, пришел в упадок после развала империи, но Михаилу не пришлось пережить закат былой славы – он погиб на скалах итальянского Суальто в расцвете сил.

Спустя полвека после его гибели, полноправной главой клана Хергиани можно назвать его младшую сестру. Назо – очень элегантная, стройная грузинская женщина лет семидесяти.

Еще десять лет назад ее можно было видеть карабкающейся на скалы во время альпиниад, а в 90-е она принимала участие в восхождении на ту самую итальянскую вершину, где когда-то разбился ее знаменитый брат.

«Когда он покорил Ушбу?» – спросил я у сестры Михаила.

«Покорить? У нас нет такого слово „покорить“. Это русские придумали, что гору можно покорить... Мы говорим – „подняться“».

Хергиани не признают такой роскоши, как лыжные подъемники: они привыкли, что для того, чтобы спуститься на лыжах с горы, нужно сначала подняться на вершину своими ногами.

Те, кто погибают молодыми, проявив задатки величия, но не успев ощутить в себе признаков

тлена, всегда становятся героями.

«Теперь детей учат другому, самому вредному – цивилизации», – любит повторять Назо.

Двоюродный дядя Назо, Габриель Хергиани, участвовал в экспедиции на Эльбрус в 1942 году, чтобы водрузить на вершине горы флаг СССР вместо нацистской свастики, которую подняли туда завладевшие районами Северного Кавказа немецкие войска.

Муж Назо – альпинист Нугзар Нигуриани поднимался на Ушбу одиннадцать раз, а его дед в 30-е годы совершил восхождение в составе группы того самого Алеши Джапаридзе, который впоследствии участвовал в поисках легендарного грузинского сокровища.

Говорят, что последние десятки метров по обледенелым скалам Ушбы дед Нугзара прошел босиком.

Дом Хергиани всегда полон детей, племянников, внуков и туристов, и все в этом доме держится на Назо.

Чтобы уйти на пенсию, нужно потерять ногу, как ее муж, если же ты ходишь на своих двоих – будь добр, тащи сани в гору.

На маленькой веранде с видом на вершину Тетнульд и уличные фонари (освещенные улицы в Местии – новшество, вызывающее недоумение сванов) я разговариваю с госпожой Хергиани.

Одна из девочек, игравшая поблизости, споткнулась, упала и начала плакать. Бабушка прикрикнула на ребенка и крепко шлепнула ее.

Тут же забыв о начинавшемся страдании, девчонка побежала дальше, как ни в чем не бывало. «Не слушают... Разбаловались совсем», – сетует Назо.

«Почему разбаловались?» – я смотрю на нее с восхищением. Никакой жалости к мелким страданиям, никакого сочувствия к притворной боли. Разве это не

лучший способ воспитания детей в династии альпинистов?

«Разбаловались... – повторяет она, – раньше, когда я кричала на них, они тут же прятались под кровать!»

Говорят, в 90-е Назо Хергиани боялись даже взрослые сваны, – такой жесткой и авторитарной была эта женщина.

Одна из немногих тем, которые могут заставить ее расчувствоваться – разговор о брате.

Назо рассказала, как в детстве просила Михаила взять ее с собой в горы. Тот вечно отшучивался – мол, пойдешь, когда сможешь сама взобраться на сванскую башню.

Однажды Назо, схватив его за руку, потащила брата к одной из самых высоких башен в Местии.

«Смотри!» – воскликнула она, и, забросив кошки, в мгновение ока оказалась на крыше.

«Ну что, возьмешь теперь меня с собой!?» – прокричала сверху.

«Закончи сначала школу!» – ответил Михаил.

Это был единственный случай, говорит Назо, когда брат нарушил данное обещание...

Назо – не из тех, с кем можно вести разговоры о рыцарских орденах или легендарных сокровищах. Она слишком прагматична, чтобы верить в мифы, и слишком умна, чтобы раскрывать тайны.

Но в одном Назо не чужда мистицизма: она верит в духов.

Так же, как древние сваны верили в богиню Дали, здесь, в доме Хергиани верят в дух старшего брата, неотступно следящего за каждым шагом и помогающего в трудные минуты.

Сын Назо рассказывал, что однажды, во время восхождения на Памир, почти лишившись сознания, он слышал голос у себя в голове: «Дыши так, ставь ногу туда.»

Парень убежден – в тот день с ним говорил его дядя, Михаил Хергиани.

День, когда умер старший брат, Назо помнит с первой и до последней минуты.

Проснулась от звука тысяч плачущих голосов. «Я услышала, как плачет вся Местия», – говорит Назо.

«Единственный раз в жизни сваны так плакали. Они шли к нашему дому. Тысячная толпа. Женщины плакали, а мужчины плакали, как женщины...»

Когда тело Михаила перевезли в Местию, его отец Виссарион достал из гроба все альпинистское снаряжение.

«Чтобы хотя бы ТАМ ты уже не ходил в горы...» – произнес старик над телом сына.

Накануне в доме неподалеку умер старый сван.

Все сванские старейшины придут завтра проводить одного из *махшви*.

Семья покойного – одна из немногих в Сванетии, у которой сохранилась собственная, фамильная церковь, а ведь по легенде именно в таких церквях некогда хранились сокровища сванов, перевезенные и спрятанные в тайниках после иноземного нашествия.

Зари

«Здесь без колокола никого не провожают», – сказал сын старика Ходжелани, которого хоронят сегодня на фамильном кладбище в городке Местия.

«Но в церкви Ходжелани нет колокола!» – почему-то подумал я.

И тут я вспомнил: колокол по-грузински – «зари». То же название носит и хор, отпевавший покойников, – традиция, в наши дни сохранившаяся только у сванов.

Однажды я уже слышал «зари» – это протяжное, сванское многоголосое «Ой». С тех пор стоит мне

услышать это название, как по спине пробегают мурашки.

Во дворе дома Ходжелани старики-певчие ждут начала обряда и, сидя на пороге дома, подтрунивают друг над другом.

«Я в 60-е в Украине работал. Проходчиком был».

«Каким проходчиком? Ты носильщиком был», – подзуживает его другой.

«Видишь, как меня ранило в шахте», – говорит тот, кто был проходчиком, указывая на свой нос. Нос огромный, кривой, сильно скошенный влево.

«Ты – сван. У тебя и должен быть такой нос», – возражает его визави.

«Чтоб ровнять такой нос, надо тебе по носу дать... Изнутри!» – вмешался в разговор третий.

«А еще у меня что-то плечо побаливает, – сказал носатый, не обращая внимания на их ремарки. – На меня недавно ЗИЛ с камнями опрокинулся. Теперь в плече какое-то неудобство! Может, к врачу сходить?»

«Выпей чачи! От радиации, кстати, тоже помогает!» – вставил третий.

Последнее время горцы в Грузии стали очень бояться радиации. Теперь, когда в каждом доме есть телевизор и спутниковая антенна, грузинские старики регулярно следят за новостями.

Сванов принято считать самым кровавым этносом в Грузии. Но не сваны, а их восточные собратья хевсуры – вот кто был наиболее жесток.

В тот год главной новостью был ядерный кризис в Японии, поэтому все – и неурожай помидоров, и необходимость выпить еще стакан чачи – абсолютно все оправдывается принесенными с Дальнего Востока продуктами полураспада.

Кондратия Ходжелани отпевали возле фамильной церкви. На гроб бросили первую горсть земли.

Пел хор «зари». Старики, вначале несобранные, больше не фальшивили.

Потом посыпался песок и камни. Звук все глуше и глуше...

Я вышел из церкви. В нос ударил запах полыни.

Под ногами, у стен, во дворе – повсюду росла полынь.

После похорон, за длинными, покрытыми белыми скатертями столами, уселась огромная сванская семья. Когда-то столы на торжествах и тризнах в Сванетии покрывали не бумагой, а тонким, раскатанным длинными полосами сыром сулугуни.

«Чтобы был мир в этом доме, после того, как он ушел!» – провозглашает кто-то из старейшин.

Тост за мир в Сванетии, этой бывшей «столице кавказской вендетты», звучит особенно актуально.

Сванов принято считать самым кровавым этносом в Грузии. Но не сваны, а их восточные братья хевсуры – вот кто был наиболее жесток.

Когда-то, еще до нашествия коммунистов, уничтоживших последние очаги хевсурского сопротивления, в Шатили и его окрестностях считалось позором поднять тост за мир.

«Ты – женщина! Трусливая баба!» – восклицали хевсуры, услышав, как кто-то за столом говорит такие слова.

Возможно, поэтому в сванских селах еще живы традиции и обряды предков, а в крепостях Хевсуретии не осталось больше ничего живого.

Слушайте старого альпиниста!

Увидев за перевалом табличку с названием «Адиши» и широкую грунтовую дорогу, ведущую в указанном

направлении, я ни на секунду не усомнился, что выбираю правильный путь.

Был полдень. Солнце вышло из-за туч. Августовские шершни – толстые, матерые пожиратели стад, благополучно пережившие лето, теперь впивались в плечи, шею, и даже мочки ушей.

Градус подъема становился круче, а дорога – все более скверной. Если сначала это была плотно утоптанная гусеничным трактором колея, то потом вовсе не стало никакой дороги – только тропа.

В довершение ко всему заканчивалась вода – вот уже несколько километров не встречалось ни единого ручья – только сухая, каменистая почва, поросшая сосняком.

Накануне днем муж Назо Хергиани, Нугзар, предупреждал, что дорога, по которой я собираюсь ехать, может оказаться вовсе не тем, что указано на карте.

«А ты сможешь добраться туда на велосипеде? – с сомнением спросил старый альпинист. – Когда-то нас возили туда на быках»

Так говорил Нугзар, но вместо того чтобы слушать альпиниста, я продолжал верить жестяному указателю.



Башни поселка Местия, столицы Верхней Сванетии

Сосны и шершни были единственными живыми существами, слышавшими набор страшных проклятий, которыми я расклепывал дорожный знак, указывавший дорогу на Адиши.

Один из шершней – огромный, важный, неторопливый, настоящий боевой генерал среди своих собратьев, впился мне в руку чуть выше локтя.

Я выпустил руль и, что было сил, хлопнул агрессора по спине. Тот снялся с места и, как ни в чем не бывало, отлетел на безопасное расстояние.

В эту секунду переднее колесо налетело на камень.

Несколько раз я пробовал тронуться с места, помогая себе бранными словами, которые, как известно,

заменяют человеку верблюжий горб, где это запасливое животное хранит запас резервов на «черный день».

Один или два раза техника сработала, но на третий дорога победила: я не мог сдвинуться с места.

Самый большой сюрприз ждал впереди, когда не подъем (он, казалось, был бесконечен), но тропа, по которой я ехал, неожиданно закончилась.



Горная тропа в поселке Адиши (Вольная Сванетия)

Это открытие развеселило меня.

Хохоча и матерясь одновременно, я вытолкал велосипед на вершину пригорка, где увидел человека, с любопытством выглядывающего из-за камня. Его физиономия показалась чересчур европейской для этих гор.

«Впервые вижу такого фаната», – произнес он на идеальном русском языке с прибалтийским акцентом.

Этот человек стал предвестником хороших новостей – подъем закончился, и в ту же минуту туча закрыла солнце.

Через сто метров обнаружился первый источник воды – мелкий, едва различимый среди камней, но оказавшийся настоящим спасением.

Новые знакомые (группа латвийских альпинистов, отправлявшихся покорять Тетнульд) снабдили меня металлической кружкой, которой я набрал во флягу мутноватой, но вкусной воды.

Тропинка, начавшаяся вскоре после ручья, местами была перегорожена рухнувшими деревьями; если здесь когда-то и проезжал колесный транспорт, с тех пор утекло много воды...

Тем временем туча, которой надоело быть просто зонтиком от солнца, заворчала, проползая брюхом по горному кряжу.

Еще секунду верхушки сосен были залиты светом, а потом, сначала вслепую, а потом, уже полностью закрыв собой солнце, хлынули потоки дождя.

За считанные секунды я промок до нитки.

В сплошной пелене, чуть ли не на ощупь я двигался вперед.

Ехать по невидимой глазу и изрытой ухабами тропе было невозможно, и велосипед пришлось толкать.

Спидометр, не реагируя на скорость в два километра в час, демонстрировал твердую уверенность

в том, что мы стоим на месте.

Часа через два я вышел на огромную поляну, поросшую густой зеленой травой чуть ниже человеческого роста. Здесь следы дороги совершенно терялись.

Дождь закончился, появилась радуга, и сквозь тучи пробивалось заходящее солнце.

Мокрые от дождя кузнечики тяжело выпрыгивали из-под ног.

Вскоре я увидел стоящий посреди поля почтовый ящик – продолговатую металлическую коробку с остроконечной треугольной крышей.

Какой почтальон приносит сюда корреспонденцию? Кому? И как выглядит адрес на конверте, доставленном сюда?

Заглянул внутрь.

На задней стенке крепился фотографический портрет молодого человека, смотревшего немного прищурившись, как будто против солнца.

Ящик, напоминающий почтовый, оказался мемориалом в честь кого-то молодого свана, погибшего в этих местах.

Этот памятник, условные обозначения на камнях (бело-красными полосками, похожими на перевернутый флаг республики Польша, обозначены здесь все тропинки к историческим местам) – и больше никаких следов присутствия человека.

От отвесных скал отделилось небольшое облачко и поплыло по ущелью, ежесекундно меняя очертания.

Прислонив велосипед к большому валуну, я зашагал по склону.

Пройдя метров сто, повернул голову налево.

И тогда я увидел Адиши!

Спрятавшееся в самой глубине ущелья, всеми своими башнями, похожими на десяток ферзей, оно повернулось в сторону заходящего солнца.

Вот почему Сванетия, начинающаяся за перевалом Угири, носит название Вольной. Ни один десант не смог бы пройти незамеченным и взять осадой эту крепость.

Ташмжаб - лакомство вольных сванов

Сначала рваными в клочья простынями, а потом густой, цельной пеленой, туман окутал дома и башни, казавшиеся заброшенными.

Блюдо, которое подала на стол хозяйка, называлось *ташмжаб* – дословно «сегодняшний сыр завтра».

Ташмжаб – это свежий сыр, отлежавшийся 24 часа, после чего в него добавляют муку и соль, а затем жарят на сковороде.

Секрет блюда не в специях или особенностях рецептуры, а в молоке.

Молоко с пастбищ Адиши считается самым густым и питательным в Сванетии.

Тарзан и Гамлет

Хозяина дома зовут Тарзан. Это имя – очередной пример гротеска и пристрастия сванов к героическим прозвищам.

Но только если, к примеру, Спартак в сванском контексте звучит гордо и величественно, то, услышав имя Тарзан, я с трудом подавил смех.

«Кто вас назвал Тарзаном?»

«Одна женщина...» – ответил тот, потупив взгляд.

«Тарзан – сто литров водка», – подшучивает над ним сын, и отец (крепкий мужчина за 120 килограмм веса) добродушно улыбается.

В другом селе Вольной Сванетии, Ушгули, живут братья-охотники по имени Лаэрт и Гамлет.

К счастью, в отличие от персонажей шекспировской трагедии, эти двое никогда не вызывали друг друга на

дуэль.

Очевидно, здесь, в Сванетии, не особо верят в карму литературных героев; не верят, может быть, потому, что здешним жителям хватает собственной.

Печень за сына

По сей день в сванской семье рождение мальчика и девочки – принципиально разные события. Помню, как однажды поздравлял своего друга свана с рождением ребенка.

«Кто у тебя родился? Мальчик?»

«Нет», – холодно ответил тот и перевел разговор на другую тему.

Сколько бы ни родилось в сванской семье дочерей, отец никогда не будет счастлив – ведь ему некому передать свою фамилию и секреты клана.

Поэтому сегодня, в день праздника Личанишоба, в руках махшви, ведущего службу, прихожане оставляют не голову и ногу барана (как принято у мохевцев), и даже не драгоценный ошеек или мясо под хребтом – эту лучшую часть туши для шашлыка.



Махшви (сванский старейшина) выкрикивает заклинания на празднике Личанишоба

На деревянных вертелах махшви подносят самое ценное, что только есть в теле жертвенного животного, – свежеподжаренную печенку!

«Джигар», по-грузински «печень», значит намного больше, чем просто орган или часть тела.

Для грузина или армянина, для любого кавказца, «джигар» – это самое глубокое, сокровенное, внутреннее.

Джигар одновременно означает и сердце, и печень, и закадычного приятеля. «Этот человек – моя печень!» – говорит грузин, характеризуя своего друга; того, кого чувствует нутром.

Поэтому именно печенку жертвенного животного отдают сваны Святому Георгию, приходя просить продлить их род.

Волк, Вакх и Святой Георгий

О празднике Личанишоба ничего не известно за пределами Сванетии. Это семейное торжество двух родов: Авалиани и Калдани, испокон веков населявших Адиши.

Во всем мире Святого Георгия чтут как покровителя воинов и путешественников. У любимого грузинского святого оказался очень правильный предок: грузины, сами того не подозревая, выбрали себе покровителем именно бога виноделия, который более всего соответствовал особенностям их культуры.

В Бечо старик Иламаз сказал мне: «Приезжай в Адиши сразу после Квирикоба. Может быть, тебе будет

интересно...»

Старый хитрец не сказал больше ни слова. Только прибыв на место, я мог оценить всю степень его лукавства: Иламаз не просто знал о готовящемся мероприятии больше других – этот праздник был их давней семейной традицией, вероятно, даже более древней, чем празднование календарного Нового года.

При въезде в Адиши я обратил внимание на обширные заросли люпина, которым покрыты склоны ущелья. Люпин (lat. *lupinus*), или так называемая «волчья трава», некогда использовалась в Сванетии для церковных церемоний: еще в прошлом веке его связки клали перед молитвой возле иконы.

О культе волка, существовавшего в этих краях задолго до того, как патроном Грузии стал Святой Георгий, мы уже говорили.

Но кто такой Святой Георгий, так чтимый грузинами, и что означают приносимые ему жертвы?

Во всем мире его чтут как покровителя воинов и путешественников.

Жители Балкан обращают к нему молитвы о ниспослании дождя, грузины молят о защите от врагов и продлении рода. На Ближнем Востоке Святого Георгия знают под именем аль-Хадр и дают ему обеты, испрашивая благополучие близким...

Около полутора тысяч лет назад в Греции, а точнее – в Византии, культ Святого Георгия заменил поклонение Дионису – богу вина и плодородия, покровителю всего дикого и необузданного в человеке; если угодно – богу «нецивилизованного эго».

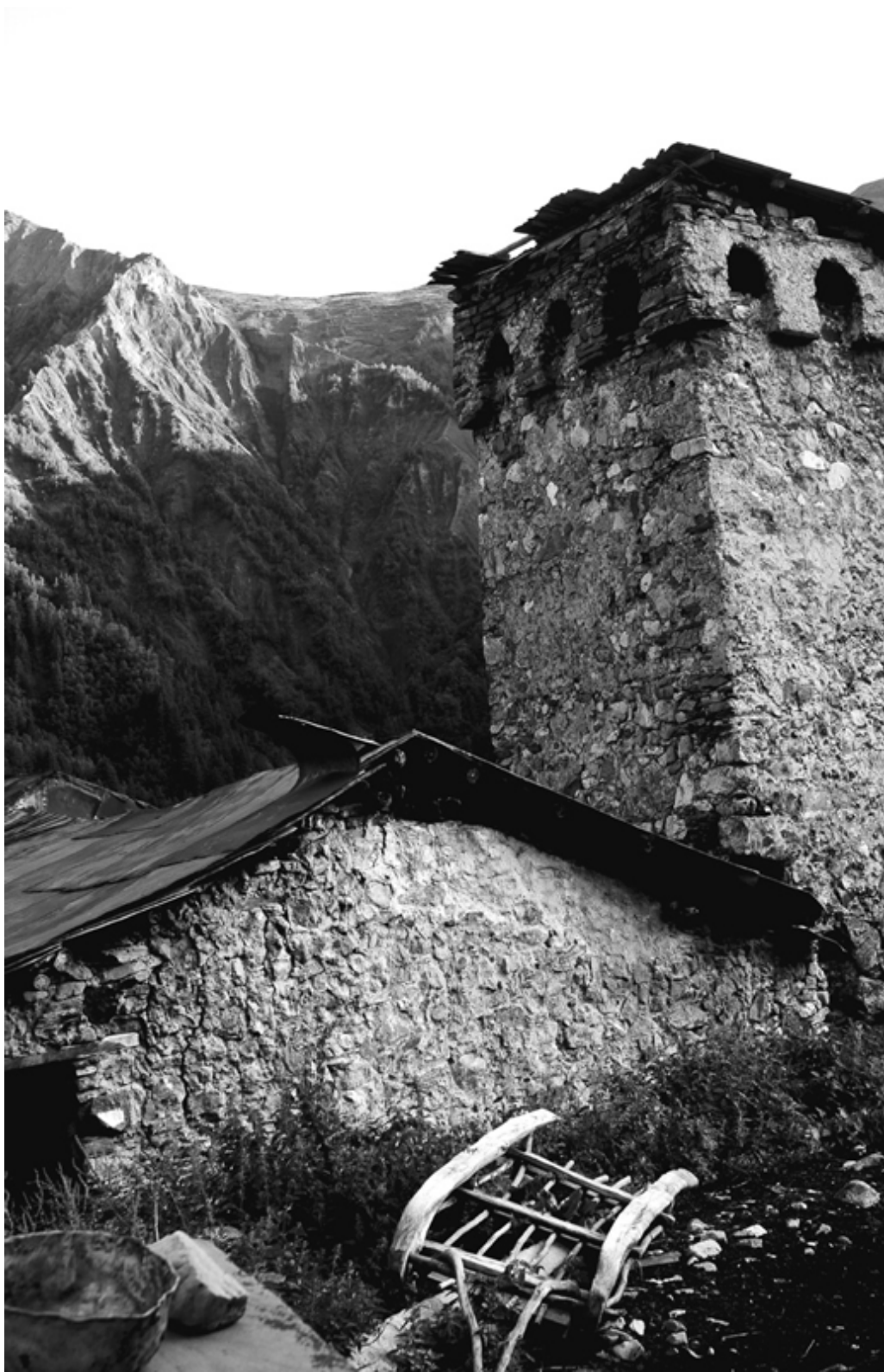
Известно, что храмы в честь Св. Георгия сооружались на местах поклонения этому божеству, и праздники в его честь совпали с «дионисиями», приходившимися на конец апреля – начало мая и конец ноября – начало декабря.

Жертвоприношения, в том числе массовые – тоже остаток традиции древних, дохристианских времен.

Как писал знаменитый кембриджский антрополог и историк религии Джеймс Фрезер, *«во всех случаях, когда относительно бога известно, что он питается мясом определенного животного, мы можем допустить, что первоначально это животное было не кем иным, как самим этим богом»*.

Среди древних языческих божеств, чаще всего принимавших вид быка, первое место занимал Дионис.

Итак, у любимого грузинского святого оказался очень правильный предок: грузины, сами того не подозревая, выбрали себе покровителем именно бога виноделия, который более всего соответствовал особенностям их культуры.



Родовая башня в селе Адиши (Вольная Сванетия)

Подойдя к церкви Адиши, я увидел знакомую фигуру – спиной ко мне, отвернув голову от солнца и демонстрируя стоящим позади свой истинно сванский профиль, стоял сам Иламаз Авалиани.

В темных очках, в костюме, который по требованиям местного этикета сошел бы для официального приема любого уровня, держа под уздцы лошадь, он напоминал, по меньшей мере, крестного отца всех сванов.

Мы обнялись и расцеловались.

«Ты все-таки приехал... Ай, молодец!» – воскликнул Иламаз.

«Вы же сказали, что здесь будет интересно – а я слушаюсь старших!»

«Эй, ты помнишь меня? – раздался возглас из толпы. – Я из Аджарии! Я тоже Авалиани, нас там целое село, возле Кеда... Я помню тебя, ты ехал на велосипеде!»

Несколько веков назад часть этого клана переместилась из Сванетии в горную Аджарию. Из рода Авалиани происходила первая жена Асланбека Шервашидзе, чудесно исцеленная сирийской девушкой Хаснижан.

Еще один человек в толпе помахал рукой.

Это был пограничник из Местии по имени Хвича. Несколько дней назад он очень беспокоился, как бы начальство не придумало ему в этот день какую-нибудь работу.

Сегодня он ни в коем случае не мог пропустить праздник. Год назад, на Личанишоба, Хвича просил о сыне. И вот, в наступившем году, его молитва была услышана. Теперь, согласно данному обету, он пришел в Адиши принести жертву святому и водрузить на пятиметровом флагштоке знамя в честь своего первенца.

Сваны соблюдают свои обеты, и сегодня возле церкви Святого Георгия в Адиши – десятки флагштоков с гордо реющими знаменами, на которых написаны имена наследников сванских семей.

Испокон веков кланы Авалиани и Калдани молились в маленькой церквушке села Адиши о том, чтобы покровитель этой церкви Св. Георгий подарил им наследника. Чграгиш – так называют сваны молитвы в честь Святого Георгия, по-свански именуемого «Чграге».

Отдельного внимания в этом действии заслуживает церковь, порог которой никогда не переступал священник, и где все обряды проводят старейшины села. Самый живописный элемент декора в ней – дверь, обитая железными подковами.

Для того чтобы привлечь удачу в таком исключительно важном деле, как рождение первенца, все средства хороши.

Ворота без замка

Когда день спустя, уезжая из села, я спрашивал у местных жителей о расстоянии до следующего населенного пункта, каждый не задумываясь называл цифру «девять километров». Ровно столько – до больших ворот, перегораживающих дорогу между Адиши и селом Ипари.

Эти ограждения играют скорее психологическую роль – ворота не заперты, и открыть их можно, не задавая никому вопросов, не предъявляя паспорта, не уплачивая дорожной пошлины.

В то же время каждый знает – здесь начинается чужая земля, законы и обычаи которой нужно уважать.

На таких воротах в Сванетии я ни разу не видел замка, так же как никогда не видел их открытыми – путешественник, будь он сван или чужеземец, всегда

сам закрывает за собой дверь во владения новой общины.

Сокровище сванов

Вольную Сванетию можно пересечь всего за один день – это крохотная территория даже для велосипедиста.

Конечная цель путешествия – Ушгули, самое высокогорное поселение в Европе, находящееся на высоте 2200 метров над уровнем моря.

Именно Ушгули и его окрестности были некогда главной сокровищницей сванов – ведь именно в церквях Вольной Сванетии хранились реликвии ранних веков христианства.



Резные двери в церковь Ламарии (сванское название Богородицы Марии). Поселок Ушгули, Вольная Сванетия

Русские цари начали интересоваться этими ценностями еще в XVII веке, а в 1857 году в эти края были введены войска.

Пушечные залпы разрушили сванское село Халде, но полного контроля над Сванетией русские (уже под другими флагами) добились лишь в середине 20-х годов прошлого века.

С приходом оккупантов часть реликвий была вывезена, а часть – спрятана в горах. Никто не знает наверняка, куда они исчезли. Одни говорят, что ценности эти хранятся в заброшенных рудниках на подступах к горе Тетнульд, другие – что вдалеке отсюда, в горах Рачи, или даже в самой Колхиде.

Я вспомнил легенду о Золотом руне, когда аргонавты, приехавшие за бараньей шкурой, на самом деле хотели заполучить женщину...

Может быть, так же и легендарное сокровище сванов было не золотом, а чем-то совершенно иным?

Сто лет назад в Сванетии можно было услышать о том, что легендарная грузинская царица Тамара жива, и что постоянным местом ее пребывания служит подземелье в Ушгули, под церковью Божьей Матери, где она сидит в кувшине, держа в руках свечу.

По легенде, открыть кувшин нельзя, потому что тогда Сванетии угрожают страшные бедствия.

Понятно, что царица, заключенная в кувшине, – всего лишь метафора.

Но что кроется за этим образом?

Сто лет назад в Сванетии можно было услышать о том, что легендарная грузинская царица Тамара жива, и что постоянным местом ее пребывания служит подземелье в Ушгули, под

церковью Божьей Матери, где она сидит в кувшине, держа в руках свечу.

То, что я скажу ниже – догадка, абсолютный вымысел, но кто знает, может быть в склепе самой высокогорной крепости Грузии спрятан прах великой грузинской царицы, тайна захоронения которой до сих пор не раскрыта?

Не исключено, что мудрая правительница, завещав скрыть место своего погребения, еще при жизни создала миф о таинственном сокровище, защищавшем ее державу от любой напасти. И миф этот на протяжении веков культивировал у грузин иррациональную веру в собственное могущество и непобедимость.

Дипломатия по-ушгульски

В начале августа в Ушгули должен состояться еще один местный праздник – Фустоба.

От этого же корня (*фусд*) происходит название ордена, призванного защищать пресловутое грузинское сокровище.

Прибыв в село, день в день и час в час с назначенным ритуалом, я помчался к главной церкви Ушгули, надеясь застать там людей, которых искал.

...И ничего не обнаружил.

Нет, возле церкви были люди, все они собрались на праздник, но представителей церковного ордена, какими я их себе представлял, не было и в помине.

Либо ушгульцы оказались отменными конспираторами, либо люди, рассказавшие о Фустоба, подшутили надо мной: толпившиеся возле церкви были обыкновенными пастухами, пришедшими из разных концов Сванетии, чтобы устроить единоборство.

Около часа длились дуэли баранов, подстегиваемых хозяевами, а праздная толпа, дико крича, подбадривала

их.

Никакой мистики, никаких сокровищ, никакой тайны.

«Это и есть – Фустоба?» – не веря своим глазам, спросил я у одного из сванов.

Тот ответил непонимающим взглядом. Справился у второго – тот тоже не говорил по-русски. Принялся разыскивать священника или махшви – их не было и в помине.

Отчаявшись, я обратился к бородатому мужчине невысокого роста, стоявшему поодаль и наблюдавшему за происходящим. Внешне он был похож то ли на автора «Капитала», то ли на местного сумасшедшего.

Выслушав вопрос, человек этот произнес одно лишь слово «мшвидоба» («мир тебе»), развернулся и отправился восвояси.

А мне вспомнилась история, случившаяся в Ушгули несколько веков назад.

Один из князей Дадешкелиани, пытавшийся кознями захватить власть в Вольной Сванетии, приехал на переговоры в это горное село.

Его, как и положено владельтельному князю, пышно встретили и усадили на трон. Только князь не учел главного – в Ушгули никогда не было князей.

За день до его приезда местные жители решили, как они будут вести переговоры и каким будет их итог.

Стоило Путе Дадешкелиани усесться на трон, как раздался выстрел, и претендент упал замертво.

К спусковому крючку ружья, из которого застрелили князя, была привязана нить, за которую потянули сообща все жители Ушгули.

Теперь на руках каждого была его кровь, но никто конкретно не должен был отвечать за эту смерть.

Вот что такое круговая порука по-свански: в произошедшем замешаны все... и никто.

Из Сванетии в Рачу

Острые пики и луга цвета зеленого бархата, как на платье Скарлетт О'Хара из знаменитого фильма – вот как выглядит дорога через перевал Загаро – границу Вольной Сванетии.

Если удалиться от дороги и разбить лагерь у ледника, утром можно проснуться от звука, когда лед, подтаявший с рассветом, скрипя сползает вниз.

От пейзажа Вольной Сванетии, с ее вершинами и башнями, остались лишь горы, поросшие хвойными деревьями, и каменистая дорога, напоминающая русло горного ручья.

На следующий день пейзаж снова изменился.

После Сванских, горы провинции Рача кажутся мягкими холмами, густо вымазанными лесом, похожим на маслянистую и тягучую массу.

Путешествие подходило к концу, и мой велосипед напоминал ракетоноситель, отбрасывающий ступени перед тем, как выйти на орбиту...

Сначала я подшучивал над этим: что ж, меньший вес придется везти за собой.

Но вот вышла из строя система передач, и до центра провинции Рача – городка Амбролаури – я продолжил путь на одной скорости.

Острые пики и луга цвета зеленого бархата, как на платье Скарлетт О'Хара из знаменитого фильма – вот как выглядит дорога через перевал Загаро – границу Вольной Сванетии.

Каждые полчаса приходилось ремонтировать цепь, и, в конце концов, в запасе оставалось последнее звено. На этом участке дороги меня уже сопровождали полицейские, взявшиеся как будто из ниоткуда и немедленно предложившие помощь туристу.

Наконец конь сдох.

Когда я взгромоздил велосипед, превратившийся в бесполезную грудку металла, в кузов полицейского пикапа, спидометр показывал 1221 километр – ровно столько продолжалось путешествие по «крайностям Грузии».

Скарабей, рыцари и храм солнца

Как и другой искатель грузинских сокровищ, я отмечал конец своего путешествия, попивая вино хванчкара (любимый напиток Сталина из знаменитых сортов винограда, растущих только в провинции Рача).

Потеряв уже всякую надежду найти таинственных рыцарей Фуста, я на всякий случай спросил у хозяина постоялого двора, не слышал ли он хоть что-то об этом ордене.

Тот набрал номер телефона, поговорил с кем-то из соседей, и через несколько минут я получил ответ: завтра утром машина, отправляющаяся в село Футиети, может взять меня на борт.



Похоронный стол в Сванетии когда-то накрывали скатертями из тончайшего сыра сулугуни. Сейчас это просто белая бумага

К своему изумлению я узнал, что в этом селе находится ни больше ни меньше, как резиденция этой организации.

После двух месяцев путешествия я никак не мог привыкнуть, что дорога может не требовать усилий, а только катиться под ногами, постукивая камнями по днищу.

«Нужен Автандил Гиоргобиани, отец Автандил!» – вопрошал мой водитель.

«Отец Автандил – в храме!» – отвечали ему.

Замка не было, и дверь, закрытая лишь на ржавую задвижку, легко поддалась.

«Пройди по следам рыцарей Фуста» – гласила деревянная табличка с надписью от руки.

На еще одной табличке значилось: «Главный колхидский храм солнца (Ра)».

Повсюду во дворе были указатели с названиями мест, которые ни о чем не скажут непосвященному.

В глубине сада стоял большой дом, отдаленно напоминающий сванскую башню.

Стены этого сооружения украшены рисунками, содержащими египетские иероглифы и какие-то знаки, напоминающие древнеиндийские символы солнца. Нечто подобное я видел на дверях сванских домов в Ушгули.

Вместо икон – жестяные фигуры рыцарей, в доспехах и с мечами, сражающиеся против превосходящего по численности противника, вооруженного огнестрельным оружием и пушками.

Рядом с изображением средневековой армии, дерущейся отчаянно и без надежды на победу, – надпись на старогрузинском, гласившая: «Царствие небесное погибшим в 1819-1820 годах».

Орден? Мистическая секта? Что бы это ни было – Футиети очень странное место.

Я постучал – никто не открыл.

Подергал за ручку... За дверью послышался шорох. Потом все стихло.

Лишь в одном я теперь был уверен наверняка: таинственный орден существует, какова бы ни была его функция – защита поблекшего мифа или же чего-то по-настоящему бесценного...

Наследники Страны волков

Представители семьи Гиоргобиани, которая входит в число «рыцарей Фуста» – целый клан, спустившийся из Сванетии в Рачу.

Эта фамилия – сванского происхождения, но каждый грузин знает, что так не могут звать человека, которому нечего скрывать.

Любая из сванских фамилий указывает на принадлежность ее обладателя к какому-то месту: например, Авалиани происходят из села Адиши, Хергиани – из Местии.

Но «Гиоргобиани» говорит лишь о том, что некий сван, скрывая свое настоящее имя, хочет подчеркнуть преданность любимому грузинскому святому.

Ведь каждый грузинский старик выглядит как человек, которому есть что скрывать. Только один хранит секрет старого ружья и пули, некогда выпущенной из него; другой помнит уже только о своем винном погребке и зреющем в нем урожае.

Итак, единственное, что можно сказать об этих людях с уверенностью, это то, что их предки когда-то спустились с гор, унеся с собой некую тайну.

Может быть, если бы я остался дольше в Ушгули, мне удалось бы вблизи рассмотреть молчаливых рыцарей Фуста, внешне не отличающихся от других престарелых горцев в потертых войлочных шапках.



Ведь каждый грузинский старик выглядит как человек, которому есть что скрывать. Только один хранит секрет старого ружья и пули, некогда выпущенной из него; другой помнит уже только о своем винном погребе и зреющем в нем урожае; третий же оберегает то, о чем никогда не расскажет досужему путешественнику, а может поведать лишь самому стойкому и прозорливому из своих сыновей. Если же у него не будет наследника, цепочка порвется, и сокровище сванов будет похоронено в пещерах горы

Ушбы, Тетнульда или еще где-то в тайниках Вольной Сванетии, Рачи или самой Колхиды.

Любая из сванских фамилий указывает на принадлежность ее обладателя к какому-то месту: например, Авалиани происходят из села Адиши, Хергиани – из Местии.

И это еще одна из причин, почему исступленно, год за годом, сваны приходят к маленькой церквушке села Адиши, чтобы попросить их покровителя принести в дом мальчика, который продлит их род и состарится, передав свое знание новым мальчишкам, по каким-то неведомым причинам не спускающимся с гор, а остающимся жить и стареть в стране волков.

Вместо эпилога

Мой друг Коба

Мы не виделись года три, и первый вопрос, который он задал мне, звучал, как минимум, странно.

«Ты когда-нибудь чувствовал холодный нож у себя в животе?» – спросил Коба, глядя печальными глазами.

У меня в голове прокрутились, одна за другой, несколько мыслей:

«Что я сделал такого, что могло так задеть его?

Есть ли у меня еще время, чтобы это исправить? И, наконец, „Может, все это шутка?..“»

Я смотрел на лохматого, диковатого грузина, казалось, только что спустившегося с гор, чтобы неожиданно вынырнуть из киевского метрополитена. Неожиданно для всех, неожиданно, может быть, для себя самого...

«Ты когда-нибудь чувствовал холодный нож у себя в животе?»

Не знаю, хорошо это или плохо, если пресс напряжен, когда в живот входит колющий предмет... Или лучше, чтоб мягкие ткани были расслаблены?.. Говорят, падая с девятого этажа, лучше не напрягать мышцы. Тогда, мол, больше шансов, что после приземления лепешке можно будет придать прежние контуры. Не знаю, не пробовал. И никогда не чувствовал холодный нож у себя в животе.

И тут вдруг – Коба... Откуда он вообще взялся, с этим вопросом?

Может быть, за время отсутствия я сделал что-то не так, и теперь он хочет, чтоб я заплатил за свои прегрешения? А может, он попросту свихнулся?

Еще неизвестно, кто из нас выглядел более одичавшим: Коба, спустившийся с гор, или я, выползший

из своей городской берлоги и, как мне казалось, даже глубже, чем он, погруженный в себя.

Оба – заросшие, помятые, у обоих тяжелый, напряженный взгляд.

Молчу, только смотрю на него.

Вопрос уже прозвучал. Значит – придется отвечать.

Руки он держит в карманах.

Я свои – в области живота.

Может – успею?

Коба достает руки из карманов... В руках – пусто.

Лицо расплывается в улыбке, и он раскрывает объятия.

«Здравствуй, мой золотой!» – говорит мой давний приятель.

Его бабушка (очень влиятельная в свое время особа) потребовала назвать внука в честь человека, в юности известного под прозвищем Коба, а в более зрелом возрасте уничтожившего полмира под именем Иосиф Сталин.

Коба с детства ненавидит Сталина, но имя менять не стал...

Несколько лет назад мы с ним предприняли вылазку в горы в поисках людей и обычаев, само существование которых вызывало сомнения. Это приключение было странным и рискованным, а закончилось провалом... Но и сегодня мы продолжаем наши поиски.

Таким я всегда знал Кобу – мечтателя и авантюриста, готового на любой риск ради утоления собственного любопытства.

«А все-таки скажи, ты чувствовал холодный нож у себя в животе?» – повторяет Коба, и в этот раз мы оба разражаемся хохотом.



Несмотря на склонность сванов к самоуправлению, любовь к диктатору неискоренима во многих сванских поселках, даже тех из них, которых репрессии оккупационных властей коснулись больше других. Одно из последних изображений Сталина, не прошедших «декоммунизацию». Село Халде (Вольная Сванетия)

Коба отлично сыграл это. Ножа нет, но интонация такая, что начинаешь верить. Начинаешь чувствовать.

Оба смеемся, мышцы живота расслаблены.

Не сейчас. Еще не сейчас...

«Откуда ты взял это? Про нож?» – спрашиваю.

«Знаешь, этот вопрос – самый глубокий вопрос в моей жизни», – произнес Коба задумчиво.

Оказывается, несколько лет назад к нему на улице подошли трое. В руках у автора сакраментального вопроса было оружие.

Вопрос был задан тихим и вкрадчивым голосом, окончательно обезоружившим Кобу. Он пытался было думать над ответом, но собраться с мыслями не удавалось. В голове вместо этого крутился вопрос, который мог прозвучать следом: «И как ты теперь чувствуешь его?»

Но друзья растащили их, и первый вопрос завис в воздухе.

«Так что же ты в итоге сказал ему, Коба?»

«А что тут скажешь? Скажешь, что чувствовал – он ответит: „Тогда попробуй еще разок“. А если скажешь: „Нет, не чувствовал!“ – так он тебе: „На, попробуй сейчас...“ Так что я до сих пор не знаю, что ответить».

«Да уж, – говорю, – ничего не скажешь... Тонкий вопрос».

Нож, пистолет, камень, изгиб дороги, белая простыня?

Бог знает, когда для каждого из нас наступит момент истины – миг, когда, по свидетельствам переживших его, самые главные кадры из жизни проносятся перед глазами.

Мне рассказывали, что есть такое мексиканское средство – «айахуаска», или «корень жизни и смерти». Выпив настойку, человек впадает в очень необычное состояние. Кажется, что ты уже мертв, и смотришь на всю свою жизнь так, словно тебя уже нет и изменить ничего нельзя. Говорят, хорошо прочищает мозги от ненужных мыслей, избавляет от лишних телодвижений.

Кому-то для этого нужна мексиканская настойка, а у меня для этого есть Коба и мысль о холодном ноже в моем животе.

Мы вышли из первого за вечер кабака.

Луна уже взбиралась по склону. В ней не было красных жилок и болезненной желтизны – того, чего я в луне боюсь.

Белая, огромная, чистая луна и перистые облака – как ступеньки в скале; полки, на которых ночуют скалолазы.

«Ты знаешь, в какие дни открывается Ушба?» – спросил мой друг.

Несколько лет назад, когда я стоял у ее подножья, гора была в тумане, и мне так и не удалось рассмотреть ее.

«Ушба, Алекс, открывается тогда, когда возьмет кого-то. Когда кто-то провалится в расселину... вот когда она показывается. Так говорят сваны. Как будто гора просит: посмотри на меня. Посмотри, какая я красивая сегодня – когда этот Джон, Клод или Гиви на мне уснул...»

Мы разговариваем и бродим по городу, заходя во все бары, которые встречаем по пути. Выпивая, вспоминаем ушедших.

Говорим о них так, как принято в Грузии: в настоящем времени. Чокаясь, пьем за них, как за живых.

Нам есть кого вспомнить и, добравшись до предпоследнего бара на этой длинной улице, мы вспомнили всех.

Поговорив о друзьях, начинаем вспоминать женщин.

«Красивая женщина – как гора. Если ты ее покорил – умеешь правильно спуститься», – произнес Коба.

«Да, опасней всегда не подъем, а спуск...» – задумчиво сказал я.

Или это был кто-то другой, сидящий рядом за стойкой?

Мы были уже довольно пьяны, а когда напиваемся, всегда становимся похожими на сборники афоризмов в мягком переплете.

Сегодня я вожу Кобу по любимым киевским местам. Он смотрит вокруг, изучая мои бары-музеи с живыми экспонатами за стойкой.

Тут было слово за слово, там – зуб за зуб, а здесь – все просто, как утренний поцелуй...

Мы говорим весь вечер. Пытаемся нащупать что-то, подобрать ключ к давно поломанному замку. Стараемся вспомнить, как это: разговаривать друг с другом. Но ничего не выходит.

Как можно говорить, когда у тебя такие усталые, пустые глаза? О чем говорить, если ни одно из произнесенных слов не подтверждено золотым запасом?

Слова, которых не чувствуешь, никогда не попадут в цель. Мы же расстреливаем их обоймами, не видя мишени.

Если говорить то, во что не веришь, – ребенок убежит, собака укусит, а женщина притворится, что пьет чай и с интересом смотрит в окно. А друг? Друг будет терпеливо ждать, глядя на тебя с грустью.

Неожиданно для себя самого я понял: все, произнесенное в тот вечер, было пустым и лишенным смысла.

Я почувствовал, что Коба, как и я, напряжен и беспокоен.

Да и сам я был уставший и пустой, как карман старой куртки, где безработный хозяин все еще надеется нащупать завалявшуюся купюру. А купюры-то и нет...

Мы замолчали. Несколько минут каждый думал о своем. Потом Коба сказал что-то незначительное, а я ответил чем-то простым. Он рассказал похабную шутку, и мы оба засмеялись.

Я выругался. Стало теплей.

И тогда неожиданно что-то изменилось.

Мы перестали ходить по затоптанным тропам. Перестали жалеть о том, чего уже нет. Мы начали говорить о том, чего нет ЕЩЕ; о том, что мы планируем, что, может быть, случится, когда очнемся от спячки, в которую впали этой зимой.

О том, как мы снова пойдем в горы.

Вдруг меня осенило.

«А ну-ка давай, спроси меня про нож!» – попросил я.

«Задать целиком вопрос, да?» – улыбнулся Коба.

Он улыбался, зная, что я, наконец, нащупал ответ.

«Эй, бичо, а ты чувствовал холодный нож у себя в животе?» – повторил Коба сакраментальный вопрос.

Выдержав паузу, я пристально посмотрел на него: «Знаешь, дорогой, я много думал о нем... но как-то не соскучился!»

Коба долго смеялся, держась за живот. А потом посмотрел на меня серьезно и сказал:

«Алекс!»

Я поднял глаза.

Сидящий напротив смотрел на меня живым, неожиданно светлым взглядом.

«Знаешь, что самое главное в человеке?»

Я качаю головой.

Откуда мне знать? Сегодня он – философ, а я ученик; он – доктор, а я – пациент.

«Главное в человеке – это рассвет в глазах, – продолжает Коба, выдерживая паузу со всем присущим кавказцу артистизмом. – И я рад, что наконец-то увидел его!»

На следующий день он уехал.

Я не знаю, когда мы увидимся снова; и увидимся ли... Но я знаю одно – Коба должен был вернуться туда, куда нельзя не вернуться, чтобы сказать своему новому гостю: «Забудь о времени, мой друг, ты в Грузии», и научить его, что главное в жизни – это рассвет в глазах.

Грузинские слова и выражения, необходимые в путешествии

Слова для жизни

привет! – **гамарджоба!** (дословно – «да будешь ты победителем!» – (отсюда же и главный грузинский тост – «гаумарджос»))

до встречи – **нахвамдис**

спасибо – **мадлопт**

извините, можно вас на минутку? (возглас, чтобы привлечь внимание) – **укацрават!**

будь счастлив! – **гаи харэ!** (можно использовать вместо «спасибо!», а также в качестве тоста)

извините – **бодиши** (еще более вежливая форма – **«ма патие»**)

брат, сигареты не найдется? – **дзмао, сигарети момеци ра?**

принесите, пожалуйста, десять хинкали – **ту шейдзлеба ати хинкали**

я не могу больше пить! – **метц вер давлев!**

дайте холодной воды – **момецит циви скали**

подумаем об этом завтра – **хвал мовипикрот**

я не говорю по-грузински – **мэ арвици картули**

Слова для дороги

дорога – **гза**

тропинка – **билики**

хорошая дорога – **карги гза**

плохая дорога – **цуди гза**

налево – **марцхнив** (сванский вариант – **лертанте**)

направо – **марджвнив** (сванский вариант – **лерскванте**)

прямо – **пирдапир**(сванский вариант – **сквебт**)

назад – **укан** (сванский вариант – **вешкт**)

Грузинские праздники, которые нельзя пропустить

Копалоба. Первый вторник после праздника Вознесения, как известно, отмечаемого христианами на 40-й день после Пасхи. Копалоба – хевсурский праздник в честь языческого божества. По другой версии – праздник в честь истребителя дэвов, впоследствии святого Копала.

Ломисоба. Первая среда после праздника Вознесения. Место проведения – село Млета. Подробнее см. маршрут «Праздник Ломисоба в селе Млета».

Гареджоба. Проводится в июне в монастыре Давид Гаредже, но празднуется и в Тбилиси. В столице этот праздник отмечается в соборе «отца Давида» на горе Мтацминда (Святая гора), что над тбилисским районом Сололаки.

Лашароба. Отмечается 12 июля в регионе Пшави. Праздник в честь царя Лаши Георгия IV Багратиони продолжается целую неделю. Ритуал напоминает Ломисоба, только отмечается в местности под названием Лашарис Джвари возле села Шуапхо.

Атенгеноба. Празднуется в середине лета (25–26 июля) в Хевсуретии и Тушетии. Во время праздника местные жители варят пиво. По-грузински этот напиток называется «луди», так же как и любое другое пиво, но вкус и способ его приготовления существенно отличаются от привычного напитка – местное пиво горше и темней.

Целью участников турнира было не убийство или увечье противника, а лишь демонстрация собственного бесстрашия, поэтому раны, оставленные на сопернике, считались признаком неумелого бойца, а самый окровавленный из противников, вопреки формальной логике, не считался проигравшим.

На пивном празднике в Тушетии пиво наливают не только взрослым, но и детям. Последним раньше не разрешалось выпивать больше одной кружки. Тем, кто уже получил свою порцию, на лбу ставили отметину углем, чтобы он не посмел требовать еще.

Когда-то в Хевсуретии в этот день проводились турниры по фехтованию, во время которых мужчины сражались кинжалами с завязанными глазами. Однако целью участников турнира было не убийство или увечье противника, а лишь демонстрация собственного бесстрашия, поэтому раны, оставленные на сопернике, считались признаком неумелого бойца, а самый окровавленный из противников, вопреки формальной логике, не считался проигравшим.

Улишоба. Скачки в Местии. Проводятся 15 июня. Несколько самых именитых сванских кланов устраивают их каждый год. Это праздник, напрямую связанный с древними языческими традициями, его символ – флаг, напоминающий шкуру животного, поднятый на древке одним из состязателей. Наполненный воздухом, этот флаг напоминает выделанную шкуру какого-то животного, сами сваны считают, что это лев. Леми – называется этот символ, и победивший на скачках становится его хранителем на ближайший год.

Мариамоба. Религиозный праздник в честь успения Богородицы. Отмечается 28 августа. Особенно красочно

его отмечают в районе поселка Степанцминда (церковь Гергетской Троицы). В Хевсуретии этот праздник (как и большинство религиозных праздников в горах Кавказа) несет в себе языческие элементы.

Отмечается по всей Грузии в церквях, носящих название Сиони (по-грузински – Успение). Самая известная из таких церквей – тбилисский храм Сиони, находящийся в районе Сололаки.

Квирикоба. Отмечается в церквях Св. Квирикe и Св. Георгия (подробнее о нем см. главу «Из Колхиды – в Местию». Отмечается не только в Сванетии, но и в Имеретии и некоторых других местах. Дата проведения – 28 июля. В Сванетии этот праздник называют «Лагурка», в честь церкви, построенной еще в XI веке, обряда возле которой мы были свидетелями.

Через несколько дней после Квирикоба (в первый четверг августа) неподалеку от Местии, в селе Адиши (еще одно написание – Хадиши) проводится праздник *Личанишоба* в честь Святого Георгия, во время которого отцы семейств просят у покровителя грузин подарить им сына.

Этот праздник всегда проводится в субботу, предшествующую другому сванскому празднику – Фустоба (более подробно см. главу «Сокровище сванов»)

Фустоба. Отмечается в начале августа в Ужгули. В этот день пастухи со всех концов Сванетии устраивают поединки баранов. Впрочем, животное, победившее в этих дуэлях, не получает никакого приза. Как и других, его приносят в жертву и подают на праздничный стол.

Ахметоба. Скачки, в которых состязаются наездники из числа грузин и чеченцев (кистов, или кистин). Проводится в ущелье Панкиси, в административном центре региона, поселке Ахмета.

Зезваоба. Тушинский праздник, отмечаемый в Кахетии, в долине Алазани, в селе Алвани, находящемся неподалеку от села Алаверды.

Это еще одно состязание в мастерстве верховой езды, на этот раз между тушинами. По легенде, Зезва (человек, в честь которого и назван праздник) был героем, отличившимся в борьбе против иранского нашествия.

Алавердоба. Праздник проводится в монастыре Алаверды. Место проведения – Ахметский район в Панкисском ущелье. Праздник отмечается 27 сентября и длится одну неделю. Считается, что когда-то на месте церкви Алаверды стоял языческий идол, посвященный плодородию. Алавердоба приходится на самое начало главного грузинского торжества – сезона сбора винограда («ртвели»).

Ртвели. Начинается в конце сентября в Кахетии и продолжается целый месяц, и в некоторых местах – до самого начала холодов. Во время праздника грузины собирают виноград и давят его босыми ногами; гонят чачу и пьют ее свежей, наливая горячую жидкость в стаканы тут же, из змеевика. Самое популярное блюдо во время ртвели – свиной шашлык.

Георгоба. Праздник в честь главного грузинского святого. Отмечается 23 ноября и 6 мая.

В Грузии, стране Святого Георгия, праздник отмечается повсюду, но в Сванетию праздник доходит с некоторым опозданием – 26 ноября.

Православные всего мира отмечают праздник Св. Георгия 6 мая, и только в Грузии день этого святого отмечается дважды в году. Тост за Святого Георгия – всегда традиционно третий тост на грузинском

застолье, поэтому вы не ошибетесь, назвав крепко выпившего грузина в любое время года, человеком, праздновавшим Георгоба.

Тбилисоба. Празднуется в последнее воскресенье октября. Когда-то праздновалось особенно активно в районе неподалеку от места, где теперь стоит памятник Вахтангу Горгасали. Люди из разных регионов приезжали в Тбилиси на ярмарку, продавая продукты из своих краев.

Лампроба. Отмечается в Сванетии в канун Нового года. Сваны чествуют своих мертвых, зажигая огни возле могил. Говорят, раньше во всей Грузии так считали воинов, погибших в битвах. Это был грузинский способ вести счет павшим на войнах, павшим за время памяти каждого поколения. Теперь этот ритуал сохранился только у сванов. По сванскому поверью, зажигая огонь в день Лампроба, сван греет душу каждого из умерших мужчин в его семье, поэтому если во время обычного застолья у грузин принято пить за всех ушедших вместе, чтобы не забыть кого-то конкретно, на Лампроба, напротив, огонь должен быть зажжен в честь каждого конкретного ушедшего, чтобы не приведи боже не оставить холодной его душу.

Липанали. Зимние праздники – Липанали, или сванский Новый год, отмечаются в Сванетии, а также в поселке Цалка, где теперь живет большая сванская диаспора. Это еще один праздник в честь душ ушедших, когда сваны украшают свои дома и накрывают столы, чтобы сделать приятное духам. Празднование Липанали начинается ежегодно 5 января и длится несколько дней.

Светицховлоба. Праздник отмечается в Мцхете в октябре (раньше – 1 октября). Это возможность увидеть

разнообразнейшие грузинские типажи, собранные вместе. Причем в месте, необычайно живописном. Светицховели – это усыпальница грузинских царей, начиная от Давида Строителя и заканчивая последними представителями царственной династии Багратиони. Это один из самых почитаемых храмов в Грузии, где, несмотря на всю его каноничность, тоже можно обнаружить признаки если не язычества, то суеверий – в настенных росписях храма присутствуют символы Зодиака.

Список литературы

Дубровин Н. История войны и владычества русских на Кавказе. С.-Петербург, 1871.

Путевые заметки графини Уваровой: Кавказ. Рача, Горийский уезд, Горы Осетии, Пшавия, Хевсуретия и Сванетия. Москва, 1904.

Гаприндашвили Гиви. Пещерный ансамбль Вардзиа. – Тбилиси, 1960.

Кожевников А. Человеческий заповедник. Вольная Сванетия. Москва: Мол. гвардия, 1930.

Фрезер Джеймс Джордж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии: в 2 т. Москва, 2001.

Бакрадзе Д. Грузия и грузины. Кавказ, 1851 г., № 13, 14, 15, 30, 31, 33, 34.

«Очерки Хевсурии». Из записок А. Зиссермана. // Кавказ, 1851 г., № 22, 23, 24.

Путешествие тифлисского фельетониста вокруг своего газетного стола // Кавказ, 1855 г., № 80.

Балиаури Н. Д. Ссорпроба в Хевсурети: [из быта хевсурского традиционного общества]. – Тбилиси: Изд. Тбилисского ун-та, 1991. – 190 с.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси, 2006.

Секрет жрицы Медеи, или Еще одна версия похода аргонавтов. Игорь Машников // «Вокруг света» —1987, № 1 (2556) янв.

Макалатия С. И. Культовые места и связанные с ними ритуальные обряды у грузин-мохевцев. Сб. Академия наук СССР академику Н. Я. Марру, XLV; 517–522. 1935.

Бартоломей, поездка в Вольную Сванетию: Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества, кн. 3. – Тифлис, 1855.

«Записки кавказского отдела императорского русского географического общества». Книга 11, вып. первый. – Тифлис, 1880.

«Записки Записки кавказского отдела Императорского русского географического общества». Кн. 24, вып. пятый. – Тифлис, 1904.

Дюма Александр. Кавказ. – Тбилиси: Мерани. 1988.

«Alexandre Roinashvili, first georgian photographer» Lika Mamatsashvili, 2006.

Hekate Liminal Rites – A Study of the Rituals, Magic and Symbols of the Torch-Bearing Triple Goddess of the Crossroads. Sorita D'este, David Rankine.

Фотографии



Гроза в Тбилиси. Вид с площади Свободы



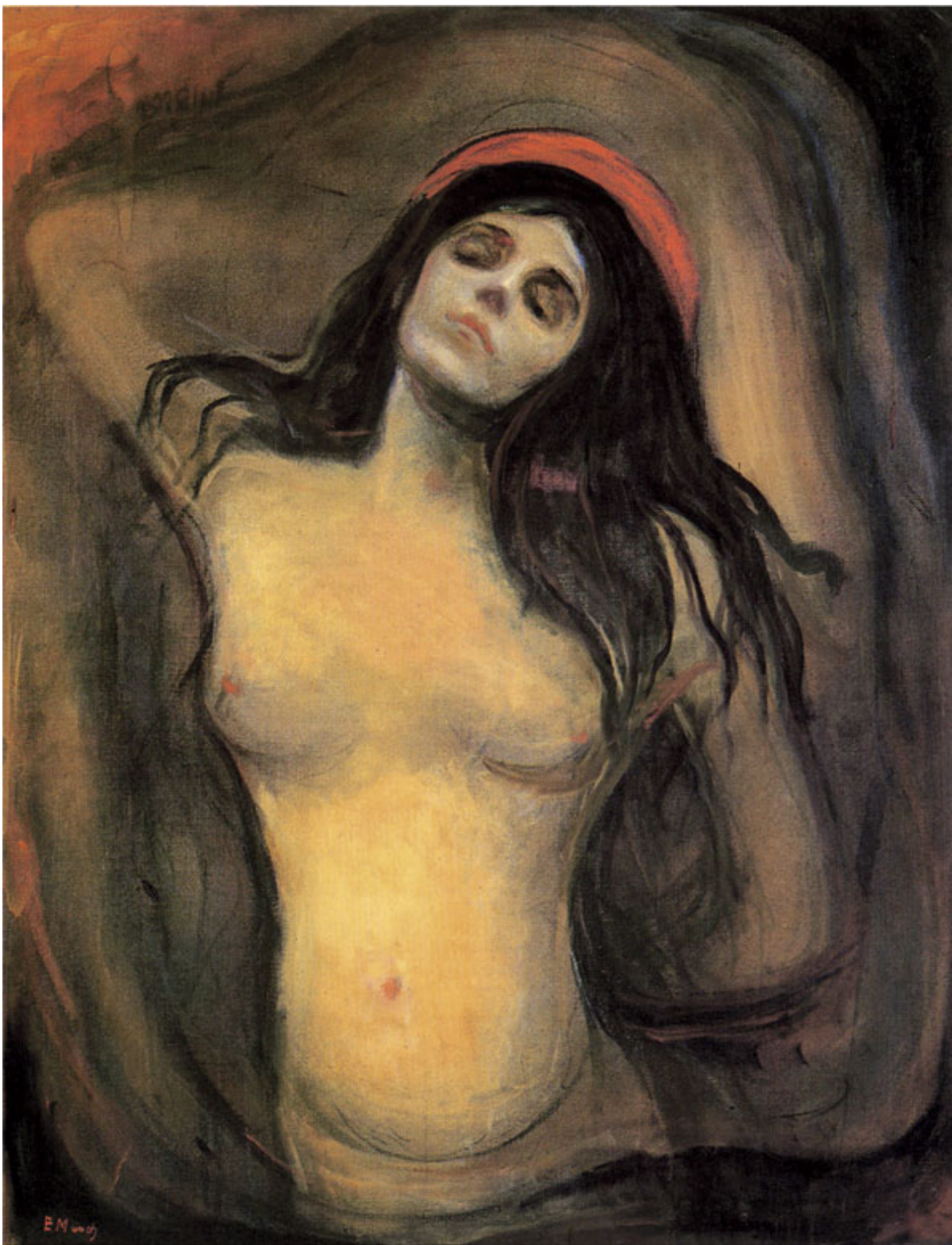
Окно во двор. Тбилисский район Сололаки



Отражение в стекле. Храм отца Давида в Тбилиси



Улица в старом Тбилиси



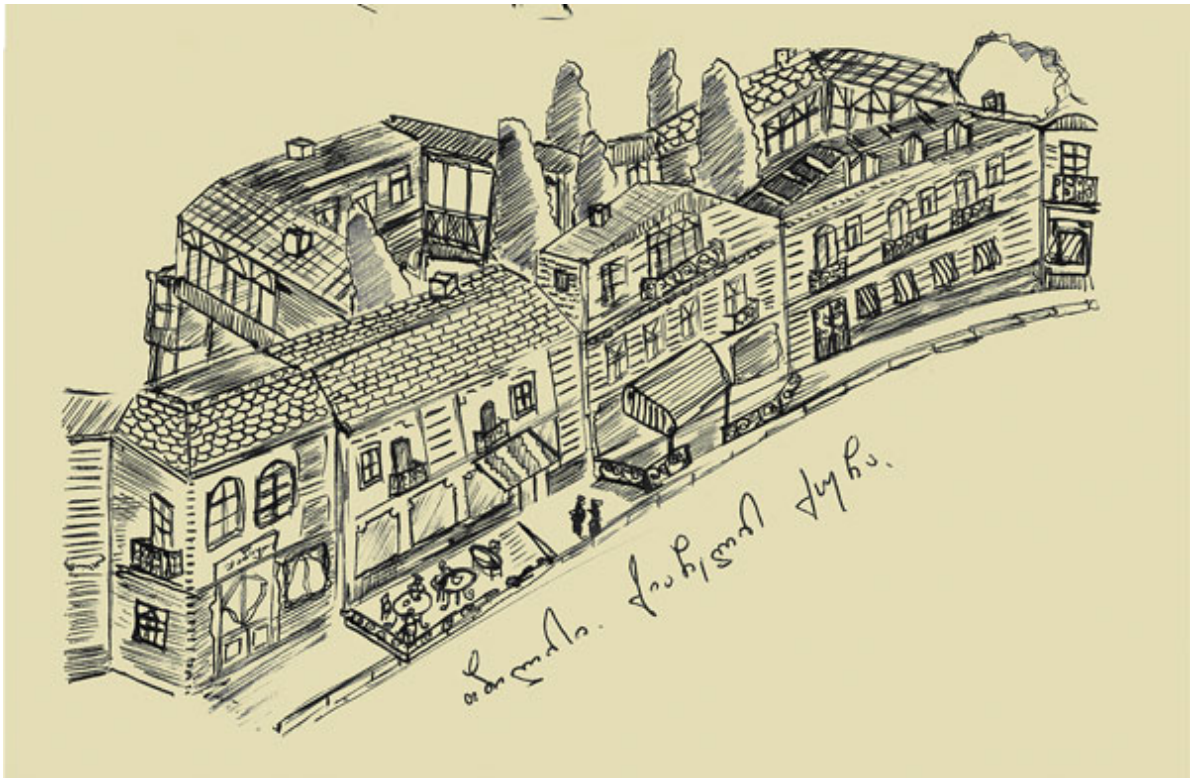
«Мадонна» Эдварда Мунка, модель – Дагни Юль



Княгиня Мария Орбелиани



*Старый Тбилиси. Здесь и дальше рис. Кобы
Самхарадзе*





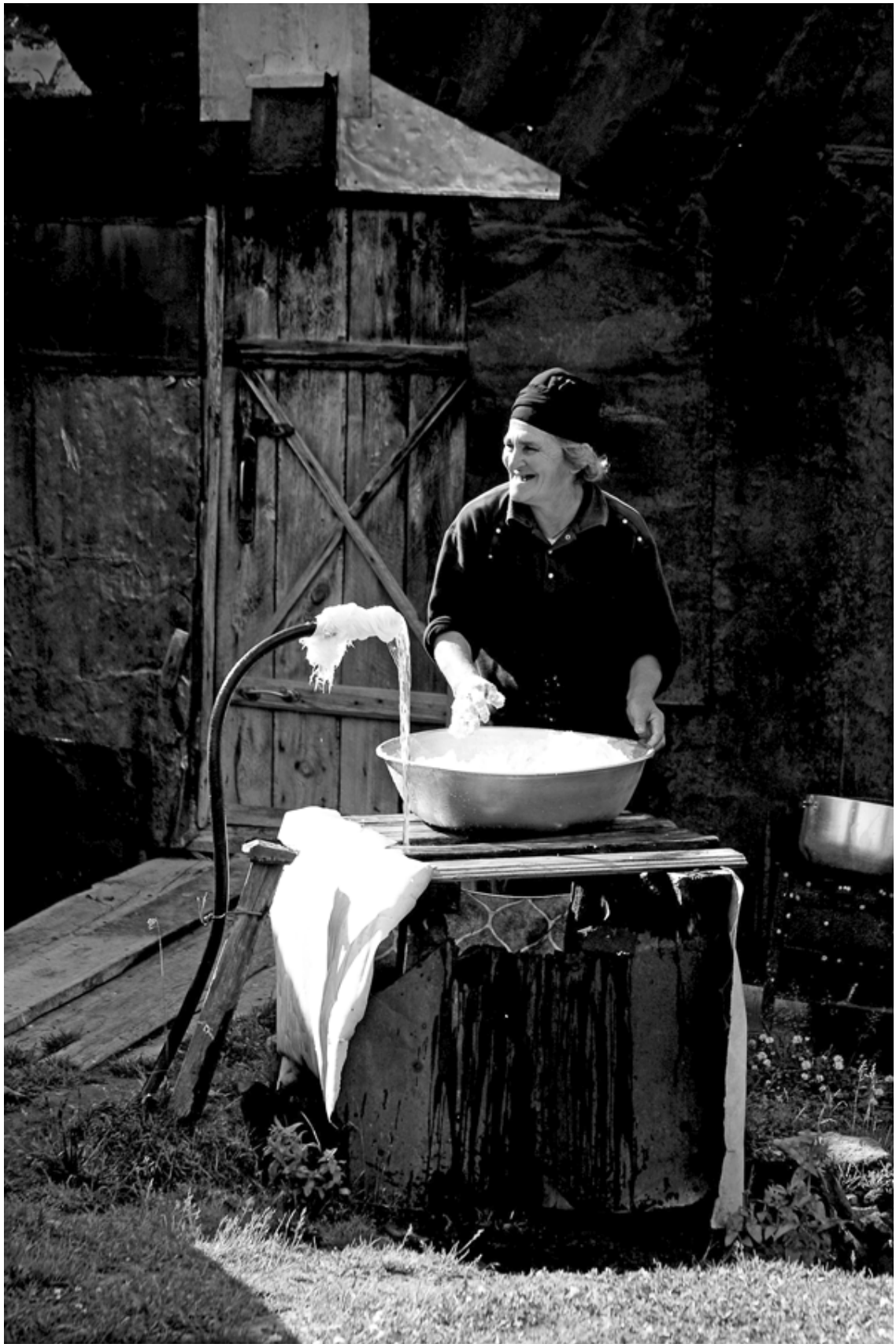
ქუთაისი. ნაძვლის დანაშაუნი.



Рисунки из семейного альбома семьи Орбелиани



Монахи Зарзмы



Женщина из Бахмаро, готовящая масло



Монастырский сторож



Окрестности перевала Годердзи (Аджария)



*Старый ствол и пострел. Тариэл Дзнеладзе и его
внук Энзар со старинным ружьем местного изготовления*



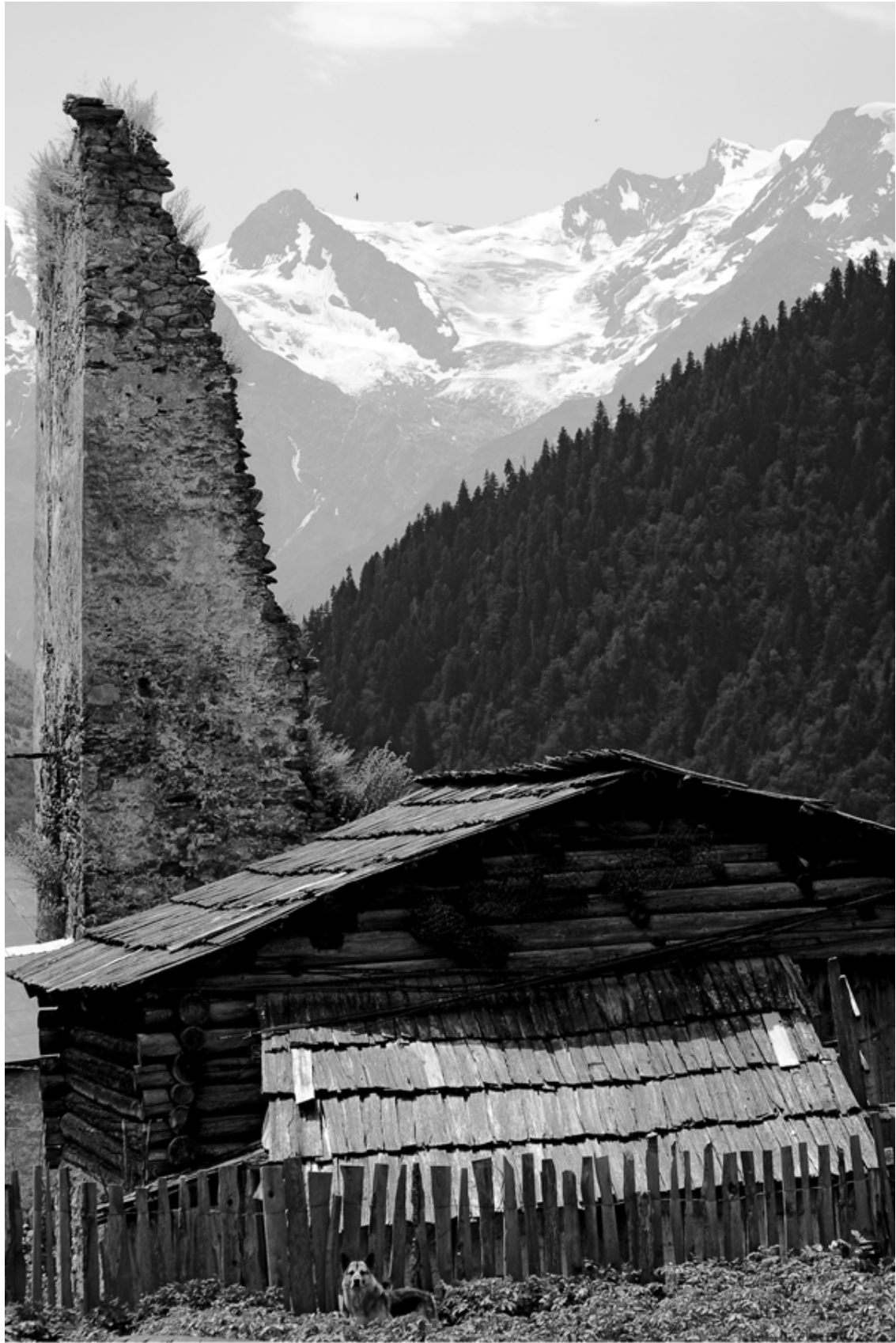
«Кофе по-аджарски»



Успеть бы до темноты. Перевал Годердзи (Аджария)



Дорога в Местию. Охотник на птиц



Руины башни в селе Мазери (Верхняя Сванетия)



*Доди Дадешкелиани с портретом предка – правителя
Верхней Сванетии князя Константина*





Княгиня за работой. Изольда Дадешкелиани в процессе изготовления традиционной сванской шапки





Сванские старейшины





Река Ингури (Сванетия)







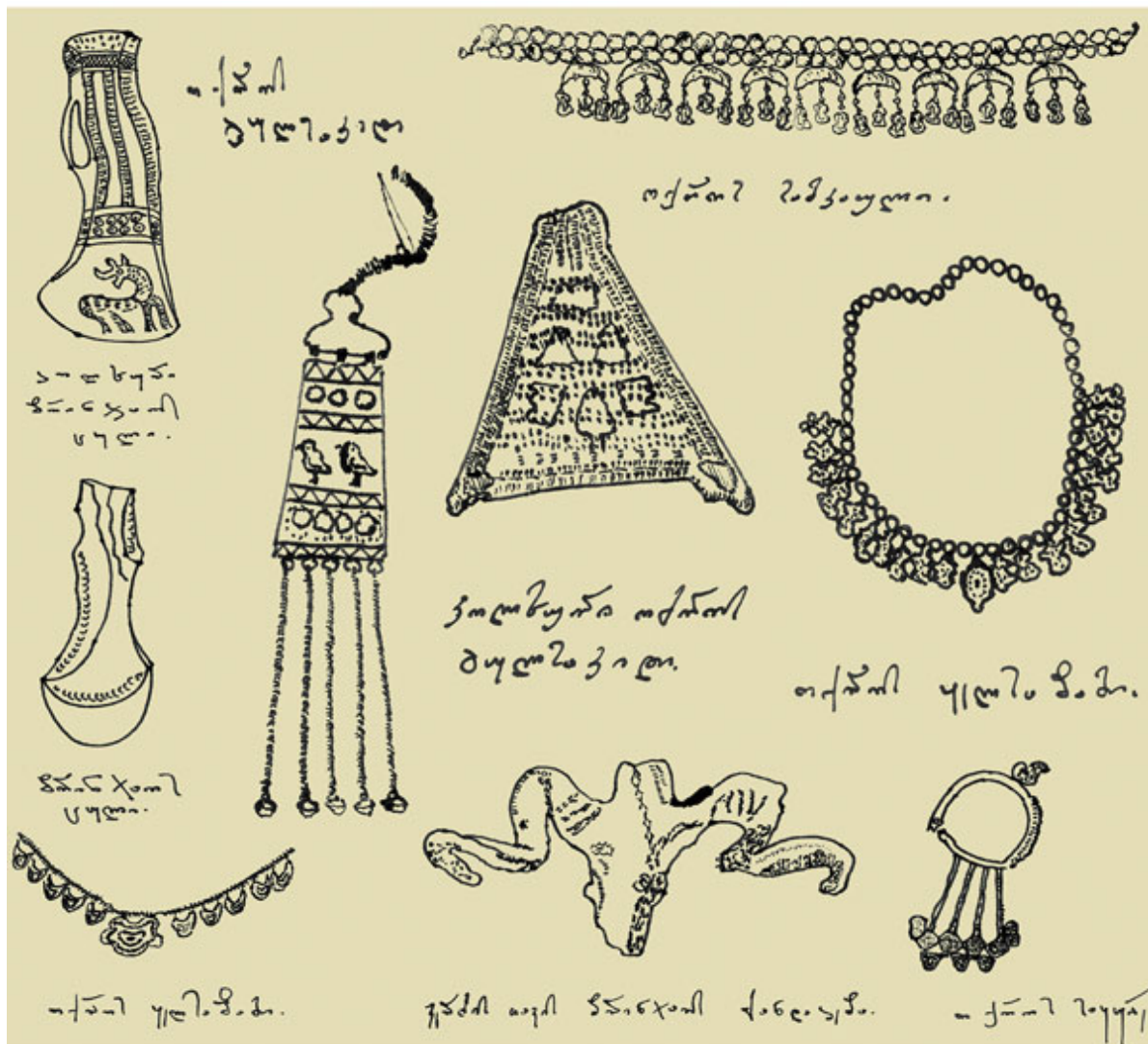
Праздник «Ломисоба» в селе Млета



Заброшенное село под курганом Тоти



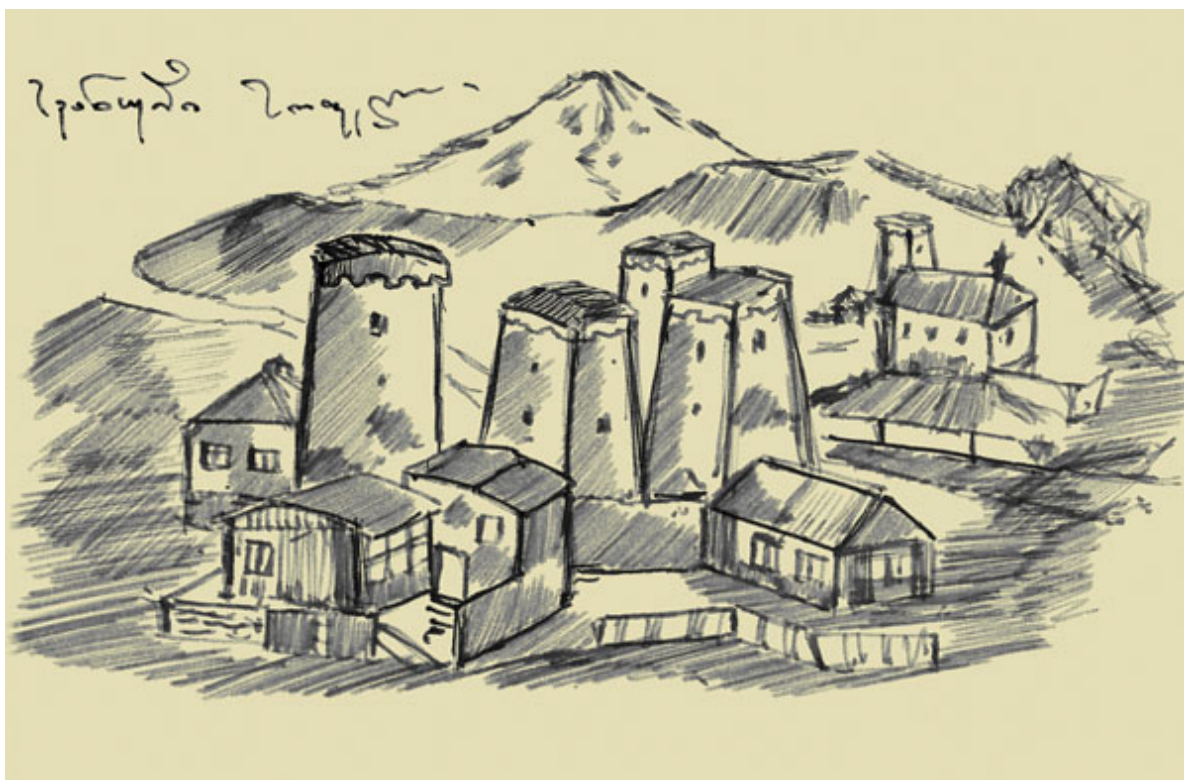
Пещеры Вардзии



Украшения древней Колхиды



Крепость села Сно



Сванское село



Башня Торгова в Муцо (Хевсуретия)







Церковь Св. Георгия в селе Адиши (Вольная Сванетия). В эту церковь не допускают священников



Ледяной мост в Хевсуретии



Село Адиши после дождя (Вольная Сванетия)



Назо Хергиани с внучкой



Башни села Адиши



Осенний пейзаж в Хевсуретии



Границы сванской общины



Село Ушгули (Вольная Сванетия)



«Ташмжаб» – лакомство вольных сванов



Сторожевая башня в Нижней Хевсуретии



Рассвет за перевалом Чаухи (Хевсуретия)



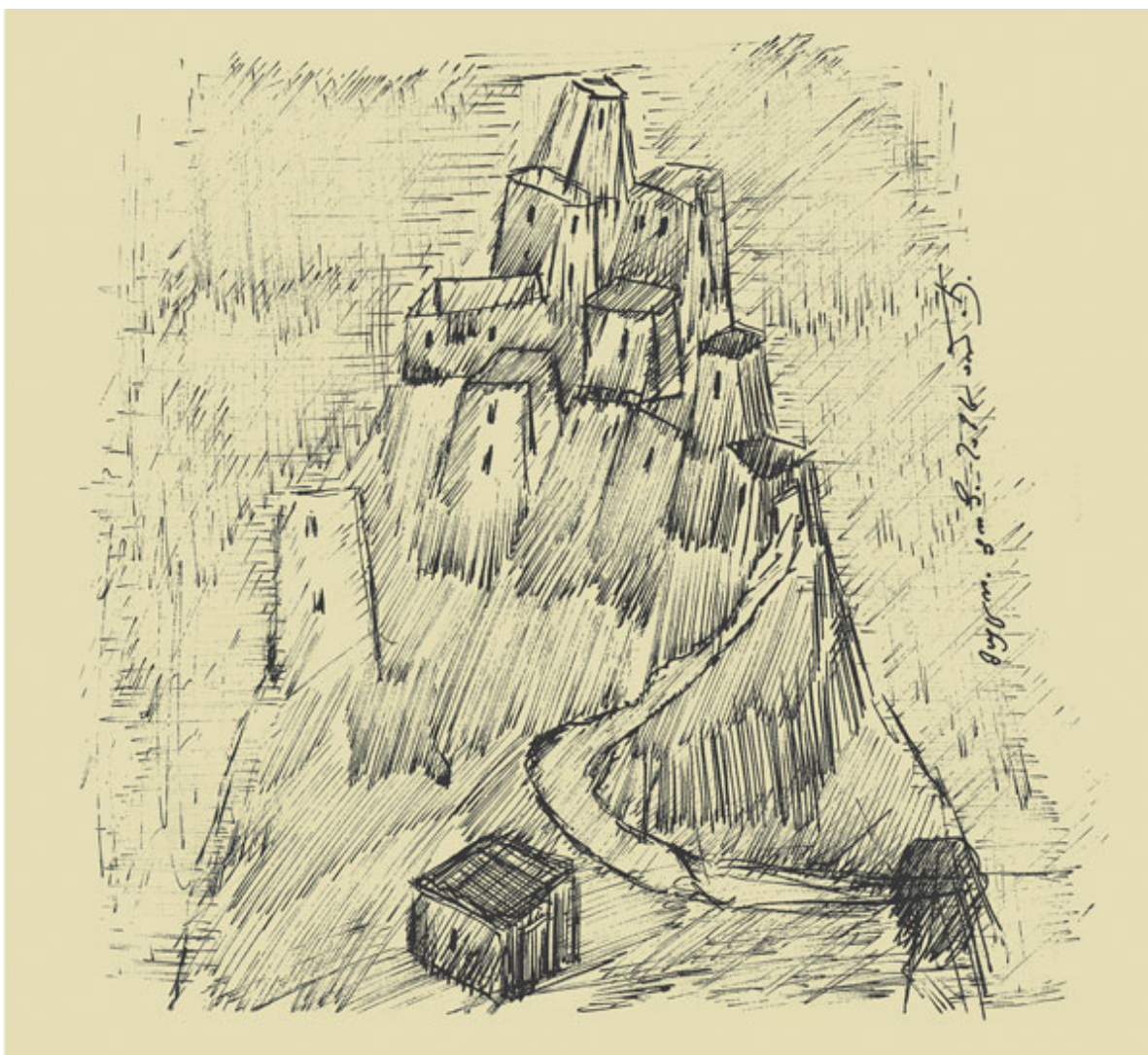
Мост в окрестностях ущелья Мачахела (Аджария)



Крепость Шатили



Итальянский дворик в Тбилиси



Форт Муцо

notes

Примечания

Это лишь одна из версий исчезновения Иванэ Мачабели. По другой версии, он был убит царской охранкой как один из потенциальных лидеров в борьбе за независимость Грузии от России. (*Прим. ред.*)

2

Мами – (ласкательное) по-грузински «папа».

3

Традиционный тост: «Да победит Грузия!»

4

Батоно – по-грузински господин.

5

Грузин.

Зажиточный ремесленник или горожанин одного из высших сословий.

На сегодняшний день, когда большая стройка закончилась, а отнятая россиянами Абхазия еще не вернулась в управление Тбилиси, Батуми превратился в настоящую курортную столицу, куда на летние месяцы перебирается вся Грузия. По крайней мере та ее часть, которая может себе это позволить. *(Прим. автора.)*

Рахи, или арахы – местная водка, приготовленная из «подручных материалов».

Автор вскользь упоминает о подвиге грузин во время нашествия персидского Ага Махмад Хана, когда триста доблестных воинов-мтиульцев защитили царя Ираклия Второго и все до единого погибли на поле битвы. Сам предводитель вражеского войска был восхищен мужеством грузин. Известна принадлежащая ему фраза: «С юности воин, всю жизнь провёл в военных сражениях, но никогда ранее не встречал я столь мужественных воинов». В 2008 году Священный Синод Грузии, заслушав предложение Католикоса-Патриарха Святейшего и блаженнейшего Илии Второго, постановил погибших в 1795 году в Крцанисской битве героев причислить к лику святых мучеников. *(Прим. редактора.)*

По еще одной версии, Торгвай был незаконнорожденным сыном правителя Кахетии, восставшим против своего отца. *(Прим. автора.)*

Ртвели – праздник сбора винограда в Кахетии, Имеретии и Раче, главных винодельческих провинциях Грузии. Подробнее о народных торжествах см. раздел «Грузинские праздники, которые нельзя пропустить». (Прим. автора.)